

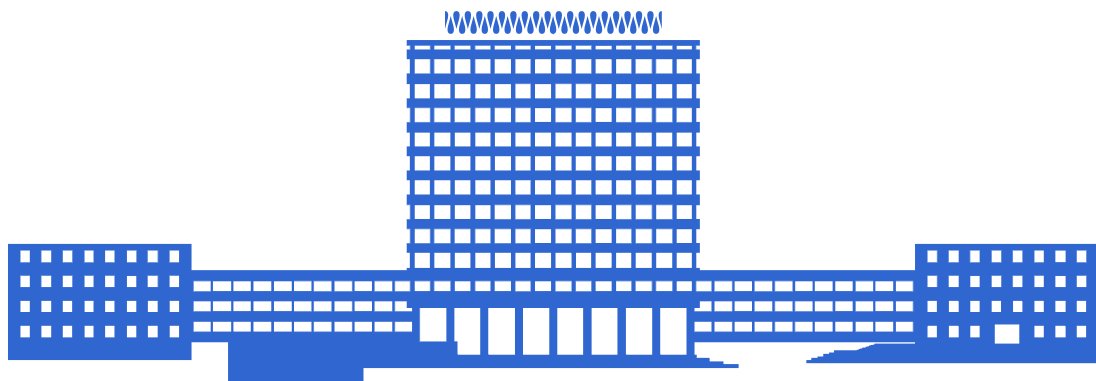
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 18 Выпуск 2 (56) 2022

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДОННУ, 2022. – Т. 18. – Вып. 2 (56). – 147 с.

*Печатается по решению Учёного совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 8 от 30 декабря 2022 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 18 Выпуск 2 (56) 2022

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова;
д. филол. наук, проф. А. В. Ленец; д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев;
д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина; д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко;
д. филол. наук, проф. А. В. Петров; д. филол. наук, проф. М. В. Пименова;
д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов; д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик;
д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДОННУ 2022

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 18 Issue 2 (56) 2022

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets; Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev;

Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina; Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov; Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova;

Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov; Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik;

Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DONNU 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 18, Вып. 2 (56), 2022

Германские языки

<i>Голодов А. Г.</i> Амбивалентность языка информационной войны (на материале немецких СМИ).....	5
<i>Горбачевская С. И., Цицерман В. В.</i> Прагмалингвистический аспект заданий в тестах по немецкому языку как иностранному (сравнительно-уровневый анализ).....	18
<i>Ленец А. В., Лагажан Ю. А.</i> Неологизмы о вакцинации от COVID-19 в современном немецком языке: лингвопрагматический аспект и национально-культурная специфика....	29
<i>Морозова М. Е., Донскова О. А.</i> Дискурсивный архив современной молодежной песни....	43
<i>Осокова А. С.</i> Семантическая классификация аугментативных наименований лица в английском языке.....	56
<i>Чопсиева Г. М.</i> Прагмалингвистический аспект использования этнографических терминов-реалий в немецкоязычном миграционном медиадискурсе.....	67

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Белова В. Ф., Лебедеко Г. А., Велис Л. А.</i> Лингвистическое своеобразие жанров религиозного дискурса в немецком и русском языках.....	76
<i>Джиоева В. П.</i> Ассоциативный эксперимент как источник моделирования языковой картины мира осетин.....	91
<i>Дроздов В. А.</i> Лексико-семантическая группа слов со значением метисации в ямайском и тринидадо-тобагском креолях.....	102
<i>Липанова П. К.</i> Лексическое выражение каузатора-ситуации в английском и русском языках.....	118
<i>Трофимова Е. В., Караянова А. Э.</i> Семантика эмотивных фразеологизмов, основанных на метафоре, в английском и русском языках.....	131

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 18, Issue 2 (56), 2022

Studies in Germanic Languages

<i>Golodov A. G.</i> Ambivalence of the Information War Language (Based on German Media).....	5
<i>Gorbachevskaya S. I., Zitserman V. V.</i> Pragmalinguistic Aspect of Tasks in Tests in German as Foreign Language (Comparative Level Analysis).....	18
<i>Lenets A. V., Lagazhan Yu. A.</i> Neologisms about Vaccination Against COVID-19 in Modern German: Linguopragmatic Aspects and National Cultural Specificity.....	29
<i>Morozova M. E., Donskova O. A.</i> Discursive Archive of Modern Youth Song.....	43
<i>Ososkova A. S.</i> Semantic Classification of Augmentative Designations of a Person in English.....	56
<i>Chopsieva G. M.</i> Pragmalinguistics Aspect of Using Ethnographic Reality Terms in German Migration Media Discourse.....	67

Typological and Contrastive Studies

<i>Belova V. F., Lebedenko G. A., Velis L. A.</i> Linguistic Peculiarity of Religious Discourse Genres in German and Russian.....	76
<i>Dzhioeva V. P.</i> Association Experiment as Source of Linguistic Worldview Model of Ossetians	91
<i>Drozdov V. A.</i> Lexico-Semantic Group of Words Meaning Miscegenation in Jamaican and Trinidado-Tobagonian Creoles.....	102
<i>Lipanova P. K.</i> Lexical Interpretation of Situation Causator in English and Russian.....	118
<i>Trofimova E. V., Karayanova A. E.</i> Semantics of English and Russian Emotive Phraseological Units Based on Metaphor.....	131

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112(05)

© 2022 А. Г. Голодов

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЯЗЫКА ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ СМИ)

В статье анализируется манипуляция формированием общественного мнения, которое начинается с тенденциозного применения языка». И политическое, и военное противостояние требует вербального сопровождения. В отличие от манипуляции фактами, вербальная манипуляция не прямолинейна, поскольку она вторична и не искажает факты. За счёт искажённого описания вербальная манипуляция меняет их оценочную характеристику. При освещении аналогичных действий решающую роль играет факт – кто его совершил. Для своих (Запада) используются описания с позитивной оценочностью – мелиоративы. Когда речь идёт о чужих (Россия, Китай), применяется дискредитирующая лексика – пейоративы.

Ключевые слова: тенденциозное применение языка, вербальная манипуляция, амбивалентность языковых средств.

© 2022 A. G. Golodov

AMBIVALENCE OF THE INFORMATION WAR LANGUAGE (BASED ON GERMAN MEDIA)

The article deals with the manipulation of public opinion that begins with the tendentious usage of the language. Political as well as military resistance demands verbal accompaniment. Verbal manipulation as opposed to facts manipulation is not forthright as it is secondary nominated and does not misrepresent facts. Verbal manipulation changes evaluation due to distorting description. The crucial role belongs to those who have performed them. For allies (western countries) positive descriptions (meliorative lexis) are used. But when it comes to foes (Russia, China) discredit pejorative lexis is applied.

Key words: tendentious application of the language, verbal manipulation, ambivalence of linguistic means.

Любое противостояние, как политическое, так и военное, требует вербального сопровождения для создания и поддержки соответствующего общественного резонанса на события. Главное при этом – публикации обязательно должны быть в русле мейнстрима и не отклоняться от заданной политической элитой линии.

Такого накала пропагандистского противостояния Запада и России не было даже в годы холодной войны. «Наступление на пропагандистском фронте осуществляется одновременно по двум главным направлениям:

1) на фактологическом – манипуляция фактами. Два основных варианта: опущение (замалчивание) определённых фактов; искажение фактов, т. е. явная ложь.

2) дезинформация может осуществляться также и более изощрённо, за счёт комплексного использования различных языковых средств, в частности, применением завуалированных описаний», т. е. на вербальном уровне [Голодов, 2015: 8-9].

Известный немецкий оппозиционный журналист и автор многих книг Удо Ульфкотте пишет: *Allein durch die Sprache manipulieren Medien unsere Wahrnehmung ... Die Manipulation der Meinungsbildung beginnt bei tendenziöser Sprache ...* [Ulfkotte, 2014: 18]. '... Манипуляция формированием мнения начинается с тенденциозного применения языка'.

В отличие от непосредственной манипуляции фактами, вербальная манипуляция не носит столь ярко выраженного прямолинейного характера, поскольку она как бы вторична, т. е. не подменяет сами факты, а за счёт искажённого описания меняет их оценочную характеристику. Однако её влияние не следует недооценивать. Ещё известный немецкий филолог-антифашист Виктор Клемперер называл язык нацизма (*die Sprache des Nazismus*) питательной средой (*Nährboden*) привычного нацистского образа мысли» (*die nazistische Denkgewöhnung*). Автор констатировал следующее: *Wie viele Begriffe und Gefühle hat sie geschändet und vergiftet!* [Klemperer, 2007: 8]. 'Как много понятий и чувств он (язык нацизма – А. Г.) осквернил и отравил!'.

Во время нацистской диктатуры завуалированные описания понятий создавались и распространялись государственной пропагандой. Наибольшую известность получило нацистское изобретение *Endlösung* 'окончательное решение вопроса'. Этот термин был введён в оборот после конференции в Ванзее (под руководством обергруппенфюрера СС Гейдриха) и был призван заменить прямое обозначение массового уничтожения еврейского населения как в самой Германии, так и на оккупированных территориях. Описательными словами, типа *Endlösung* и *Sonderbehandlung* 'особое обращение' (на самом деле так называлось уничтожение узников концлагерей с помощью газа «Циклон Б»), была переполнена лексика языка Третьего рейха, что нашло своё отражение в известной книге узника фашизма – немецкого писателя и филолога Виктора Клемперера [Klemperer, 2007].

Кстати, пребывание узников в концлагере Дахау обозначалось в документах безобидным юридическим термином *Schutzhaft* 'арест подозреваемого как мера пресечения', а сам лагерь – *Erziehungslager* (= *Umerziehungslager*) 'лагерь для перевоспитания'.

«Долгое время понятие «языковая манипуляция» связывалось исключительно с тоталитарными и авторитарными режимами, и редко предпринимались исследования демократической, в частности, немецкой прессы. Однако, как показали события

последних десятилетий, манипулирование общественным мнением с помощью вербальных средств происходит и в странах, которые традиционно считаются «оплотом западной демократии» [Голодов, 2015: 7-8].

Автор данной статьи имел возможность в течение многих лет наблюдать изнутри многие политические процессы и работу прессы ФРГ, в частности освещение событий 1999 года, когда Германия реально поддержала незаконную военную акцию НАТО против Белграда. Вновь вспомнить о тех событиях времени представляется целесообразным, поскольку сегодняшнюю ситуацию вполне можно рассматривать как продолжение тогдашней политической линии евроатлантического сообщества и обслуживающей его прессы.

Сравнивая освещение западными (немецкими) СМИ натовской операции по отторжению Косово от Сербии и российской спецоперации по защите Донбасса, отчётливо наблюдается амбивалентный подход в использовании языка.

Известно, что любая пропаганда подразумевает разделение всех на «своих» и «чужих», а язык естественно является главным средством пропаганды. Естественно, что понятие «свои» и «чужие» для каждой страны специфично, поскольку «... в каждой стране есть национальные особенности в способах восприятия и языкового представления политической действительности, что объясняется национальной ментальностью и историческими условиями формирования политической культуры ...» [Чудинов, 2007: 27]. При этом «свои» как бы априори рассматриваются со знаком плюс, а «чужие» – минус. Описывая одни и те же действия важно иметь в виду, кто их осуществляет. Если это свои (объединённый Запад), то используются завуалированные описания или мелиоративы. Когда же речь идёт о чужих (в данном случае о России), то явно доминируют пейоративы, т. е. дискредитирующая лексика.

1. Новояз НАТО при освещении агрессии против Сербии в 1999 г. В 1999 году представитель НАТО Джимми Шеа и немецкий генерал Вальтер Йертц вели репортажи из штаб-квартиры НАТО в Брюсселе в соответствии с «ритуалом», который установила ещё в 1982 году Маргарет Тетчер: *Sag nicht mehr, als du unbedingt sagen musst, und sage nur das, was dir auch dient* [Ulfkotte 2002: 215]. 'Не говори больше, чем ты обязательно должен сказать, и говори только то, что тебе служит'.

Таким образом, демократические журналисты (естественно, и другие тоже – А. Г.) являются, по утверждению известного британского журналиста Джона Пильгера (Guardian), продолжением руки власти (*der verlängerte Arm der Macht*). Причём большинство из них делает это добровольно [Ulfkotte 2002: 212].

Джон Пильгер отмечает: *Die Nato hat noch nie etwas aus moralischen Gründen getan* ‘НАТО никогда ничего не делало по моральным соображениям’ – и следующим образом описывает информационную политику блока в войне против Сербии:

Sie desinformiert sehr erfolgreich. Nato-Pressesprecher Jamie Shea tischt uns in Brüssel Abend für Abend Lügen auf. Und wenn er nicht lügt, lässt er Tatsachen aus [Ulfkotte, 2002: 211]. ‘Оно (НАТО – А. Г.) дезинформирует с большим успехом. Пресс-секретарь НАТО Джимми Шеа рассказывает каждый вечер в Брюсселе небылицы. А когда он не лжёт, он опускает факты’.

При освещении событий, связанных с наговской агрессией против Сербии, западные политики и журналисты использовали различные технологии, в частности технологию «некорректных исторических параллелей (апелляция к событиям прошлого). В 1999 году для оправдания бомбардировки суверенного государства Сербии немецкий министр иностранных дел Й. Фишер обвинил Сербию в геноциде албанцев в Косово и сравнил это «с фашистским уничтожением евреев в Освенциме!» [Ulfkotte, 2002: 212].

Однако особенно активно тогдашними политиками и обслуживавшими их журналистами использовались вербальные технологии. При освещении любых действий (включая преступные) своих регулярно применялось явление мелиорации – т. е. «понятие, отражающее тенденцию в языке и речи к сознательному оценочному завышению или маскировке при обозначении определённых объектов действительности» [Шувалов, 1985: 62].

В 1991 году в Германии стартовала акция «Антислово года», которая ежегодно проводится университетом Франкфурта на Майне. С помощью «антислова» «реализуется намерение ввести в заблуждение, используя при этом понятия, которые в отраслях, из которых они пришли, были полностью нормальными. Однако за счёт применения в абсолютно неподходящем контексте полностью искажается их подлинный смысл» [Schlosser, 2000: 9].

Здесь уместно привести несколько примеров немецких репортажей о событиях (фактически военной агрессии) 1999 года, которые интенсивно использовали пожалуй самый жёсткий вариант мелиоративов – *дезориентирующие описания*, к которым относятся политические и военно-политические выражения, которые служат для дезинформации и маскировки конкретных политических и военных действий и целей.

Пример 1: «Главным негативным словом (Unwort des Jahres)» 1999 года в Германии было признано часто цитируемое типичное дезориентирующее военно-политическое описание *Kollateralschaden* (также *kollateraler Schaden*) [Schlosser, 2000: 9] – полукалька американского *collateral damage* ‘сопутствующий урон’, изобретённая в штаб-квартире

НАТО в Брюсселе и служившая для завуалированного обозначения уничтожения гражданского населения во время бомбардировок Белграда и других сербских городов во время военной акции в 1999 году.

Пример 2: Из забытых, как казалось, времён холодной войны было заимствовано в язык современной немецкой политической публицистики словосочетание *gerechte Kriege*. Руководство СССР употребляло это словосочетание для обозначения всех войн против «капиталистической эксплуатации» в Азии, Африки и Латинской Америки, которые велись с целью установления «справедливого общественного строя», т. е. социализма.

И вдруг в 1999 году это идеологическое клише вновь появляется, но уже в «новоязе НАТО»:

Die Umstände zeigten, so ein Berater des Außenministers, dass die Definition für «gerechte Kriege» bei den USA liege. Europa als eigenständige Militärmacht ist – zumindest auf mittlere Sicht – nicht vorstellbar [Der Spiegel, Nr. 17, 1999: 34]. Определение *gerecht* нейтрализует в этом словосочетании жестокое понятие *Krieg*.

Пример 3: Одновременно словосочетание *der gerechte Krieg* получает «либеральную дефиницию» – *humanitäre Intervention* ‘гуманная интервенция, вмешательство’:

Dieses Recht zur humanitären Intervention auf eigene Faust und ohne UNO-Mandat ist eine Erfindung amerikanischer Völkerrechtler [Der Spiegel, Nr. 17, 1999: 34].

В рамках словосочетания *humanitäre Intervention* определение *humanitär* нейтрализует агрессивность, которая содержится в значении существительного *Intervention*.

Пример 4: В ещё большей степени выражена завуалированность сложным образованием *Kosovo-Unternehmen* ‘предприятие Косово’. Безобидный экономический термин *Unternehmen* в сочетании с вызывающим негативные эмоции наименованием *Kosovo* служит для описательно-смягчающего обозначения военной интервенции:

Bomben oder Besuche, Diplomatie oder Dauerbeschuss – in der Spannung zwischen diesen beiden Polen entwickelte sich das Kosovo-Unternehmen [Der Spiegel, Nr. 23, 1999: 24] ‘Бомбы или визиты, дипломатия или постоянные обстрелы – в зоне напряжения между этими двумя полюсами получило развитие предприятие Косово’.

Самая читаемая газета Европы немецкий таблоид BILD «разыграл идеологический сценарий второй мировой войны», подчеркнув при этом: *Deutschland stand diesmal auf der richtigen Seite* ‘на этот раз немцы оказались на «правильной стороне»; ... während die Serben die Rolle des Hitlerreichs übernehmen mussten [Ulfkotte, 2002: 210], ‘а сербам досталась роль гитлеровского Рейха’. Необходимо заметить, что и довольно большую часть населения ФРГ разделило мнение о том, что Германия оказалась на этот раз на

правильной стороне. Вероятно, это были первые публичные признаки реваншизма, которые проявились после 1945 года в немецком обществе.

Кроме содействия реализации политико-идеологических целей правительства ФРГ, которое безоговорочно поддержало натовскую операцию, журналисты таблоида решали не менее важную коммерческую задачу – увеличение тиража газеты, который вырос за счёт сенсационного и «правильного» изложения событий почти на 7 процентов!» [Ulfkotte, 2002: 212].

Большинство приведённых тогда политиками (и соответственно журналистами) «фактов» было впоследствии опровергнуто самими же журналистами, но случилось это лишь через несколько месяцев после окончания конфликта, когда НАТО уже добилось всех поставленных целей. Этот приём «запоздалого прозрения» очень популярен при освещении самых различных конфликтов. Создаётся впечатление, что кто-то позволяет журналистам это делать, когда всё уже решилось и ничего нельзя изменить.

В немецкой массовой прессе не удалось найти при описании войны на Кавказе 8.08.2008 г. апелляции к событиям войны, последовавшей за распадом Югославии и, в особенности, к натовскому вмешательству в тогда ещё сербском Косово, хотя здесь определённая параллель (в отличие от Судет) явно напрашивается.

Причина такой «забывчивости» также понятна – натовское нападение на Сербию заслуживает с точки зрения международного права (на которое очень часто ссылается Запад) гораздо большей критики, поскольку поводом для нападения на Сербию послужил вымышленный «геноцид» албанцев в Косово (ср., например, с реальной грузинской агрессией против Южной Осетии в 2008 году), что признали позднее сами журналисты и некоторые «прозревшие» ведущие немецкие политики (например, экс-канцлер Герхард Шрёдер и тогдашний председатель немецкого Бундестага социал-демократ Вольфганг Тирзе).

2. Язык информационной войны против российской спецоперации по освобождению Донбасса. Противоположную мелиорации тенденцию наблюдаем при освещении событий на Украине, когда речь идёт о России. Здесь уже доминируют пейоративы, т. е. лексические единицы, связанные с отрицательной оценочностью.

События 2014-15 гг., возникшие вследствие конфликта в треугольнике УКРАИНА – ЗАПАД – РОССИЯ, стали началом нового исторического этапа в политическом противостоянии, которое сопровождается беспрецедентным обострением информационной войны.

В своё время министр пропаганды и образования Третьего рейха Й. Гёббельс считал краеугольным камнем своих постулатов стратегическую установку – «Овладение

массаами – единственная цель пропаганды». Этот постулат не чужд и современной немецкой прессе, которая является, пожалуй, главным рупором евроатлантистов в континентальной Европе. Для дискредитации российской спецоперации на Украине и создания негативного эмоционального фона в сознании своих читателей и слушателей западные СМИ (немецкие *Der Spiegel*, *Stern*, *Bild*, *FAZ*, *Die Welt*) используют как вербальные, так и невербальные технологии.

Основной вербальной технологией в информационной войне упомянутых СМИ является применение дискредитирующей (диффамирующей) лексики, а самым жёстким (стержневым) вариантом её можно считать политическую стигматизацию.

При стигматизации создаётся сильный негативный эмоциональный фон в сознании западных потребителей информации, которые крайне негативно воспринимают такие ярлыки, как *Kriegstreiber* ‘поджигатель войны’, *Kriegsverbrecher* ‘военный преступник’ и особенно – самый одиозный антропонимический ярлык *Hitler* ‘Гитлер’ и его синоним *Führer* ‘фюрер’, ставший нарицательным ещё в Третьем рейхе.

Немецкий журналист Михаэль Людерс пишет, что «сравнение с Гитлером является при этом как излюбленным, так и эффективным средством для достижения цели – разговаривать с преступниками такого калибра или тем более вести с ними переговоры было бы умиротворением (*appeasement*), предательством ценностей (*Verrat an der Werten*), за которые выступает Запад» [Lüders, 2015: 8].

Кроме стигматизации может применяться дискредитирующая (диффамирующая) пейоративная лексика, причём как в качестве усилителя стигматизации, так и автономно. Часто в качестве дискредитирующей лексики используются жёсткие атрибуты, ср.:

Lew Ponomarjow (80), einer der bekanntesten und ältesten Menschenrechtler Russlands, nennt das Putin-Land im Bild-Gespräch «einen faschistischen Staat»... Und auch bei ihm: Die Tür mit dem «Z» beschmiert – das Symbol für Putins Krieg. «Das widerliche Z», sagt Ponomarjow, passe sehr gut: «Es spielt ja unübersehbar auf das Hackenkreuz an)» [Bild, 30.03, 2022: 3]. ‘Лев Пономарёв (80), один из известнейших и старейших правозащитников России, называет в беседе с БИЛЬДОМ страну Путина «фашистским государством». Также и его дверь была разрисована знаком Z – символом путинской войны. «Отвратительный знак Z», говорит Пономарёв, хорошо подходит: «Он явно содержит намёк на свастику»’.

Характерный пример сочетания стигматизации и атрибутивных дискредитирующих усилителей находим в статье «*Autobombe zerfetzt Russen-Hetzerin*» («Автомобильная бомба разрывает русскую подстрекательницу»), в которой немецкий таблоид среагировал на зверский террористический акт в Москве, в результате которого погибла журналистка

Дарья Дугина:

Eine der einflussreichsten Propagandistinnen Russlands ist tot! Daria Dugina (+30), die Tochter des faschistischen Ideologen Alexander Dugin (60), kam bei einem Bombenanschlag nahe der russischen Hauptstadt ums Leben. Sie war Samstagabend auf dem Weg von einem nationalistischen Festival in einem Auto ... Unklar ist, ob der Anschlag Dugina oder ihrem Hetzen-Vater galt. Ebenfalls noch unklar, wer hinter dem Anschlag steckt ... [BILD, 22.8.2022: 2].

‘Одна из самых влиятельных пропагандисток России мертва! Дарья Дугина (+ 30), дочь фашистского идеолога Александра Дугина (60), погибла в результате покушения с применением бомбы недалеко от российской столицы. Она возвращалась в субботу вечером в автомобиле с националистического фестиваля ... Непонятно, было ли это покушение на Дугину или на её подстрекателя-отца (Hetzer-Vater). Также ещё не ясно, кто стоит за покушением’.

Не отстаёт от популярного таблоида БИЛЬД и самый авторитетный еженедельный журнал ФРГ Der Spiegel, который «разразился» русофобской публикацией французского писателя американского происхождения Йонатана Лителля (*Jonathan Litell*) с говорящим названием «Kompromisse wären eine Katastrophe» («Компромиссы были бы катастрофой»).

Известно, что еженедельник Der Spiegel является наиболее значимым информационно-политическим журналом Германии и Европы с самым большим тиражом. Кроме того, данный журнал представляет собой главный официальный рупор немецкой политической элиты. Поэтому публикации в нём следует воспринимать всерьёз.

Статья Й. Лителля показывает весь уровень оголтелой русофобии западной элиты и всю ненависть евроатлантистов к России. При этом абсолютно откровенно выражается жажда реванша за уничтоженный в 1945 году европейский фашизм.

Уже в подзаголовке статьи раскрывается основная идея публикации:

«... – *doch echte Gespräche mit Russland werden nur eine Chance haben, wenn Putins Armee in der Ukraine vollständig besiegt wird*» [Der Spiegel, 25. Juni 2022: 86] ‘«Однако настоящие переговоры с Россией будут иметь шанс, только если армия Путина на Украине будет полностью побеждена»’.

В статье читаем:

Mit dem Einmarsch in die Ukraine hat Putin die Weltordnung nach 1945 ins Wanken gebracht. Er und seine Gefolgsleute bellen die Welt an, das ist ihre Art, Geschäfte zu machen ... [Der Spiegel, Nr. 26, 2022: 86] ‘Вторжением на Украину Путин раскачал мировой порядок после 1945. Он и его последователи лают на мир, это их манера, делать бизнес ...’.

Jetzt, da er sich endlich bewusst ist, wie schwach seine schlecht ausgebildete und korrupte Armee gegenüber einer hochmotivierten und westlich ausgerüsteten ukrainischen Armee ist, konzentriert er seine Kräfte auf den Donbass, um eine Stadt nach der anderen zu zerstören – die einzige Möglichkeit, die ihm bleibt, um seinen Krieg zu führen [Der Spiegel, Nr. 26, 2022: 87] ‘Теперь, когда он наконец осознал, насколько слаба его плохо обученная коррумпированная армия по отношению к высоко мотивированной и вооружённой западным оружием украинской армии, он концентрирует свои силы на Донбассе, чтобы разрушать один город за другим – единственная возможность, которая ему остаётся, чтобы вести свою войну’.

Статья содержит также и критику президента Франции М. Макрона за его звонки В. Путину для обсуждения ситуации на Украине (скорее формальные попытки набрать «баллы миротворца»):

Macron hat eindeutig nicht verstanden, in welchem historischen Moment wir leben. Wenn es tatsächlich einen Moment für Moskau gab, der an jenen Deutschlands 1919 erinnerte, dann war dieser Moment 1991. Seitdem hat ein revanchistisches, faschistisches, ein völlig korruptes Regime Russland im eisernen Griff. Es hat die Zivilgesellschaft zerschlagen, die gesamte Wirtschaft des Landes für seinen eigenen Profit übernommen und die demokratische Welt und die Ordnung herausgefordert. Genau wie Deutschland nach dem Zerfall der Weimarer Republik in den 1939er Jahren. Wir schreiben heute nicht 1919, sondern 1939» [Der Spiegel, Nr. 26, 2022: 87] ‘Макрон однозначно не понял, в какой исторический момент мы живём. Если для Москвы действительно был момент, который напоминал бы Германию 1919 года, то это был 1991 год. С тех пор реваншистский, фашистский, полностью коррумпированный режим держит Россию железной хваткой. Он (режим – А. Г.) разрушил гражданское общество, всю экономику страны использовал для собственной выгоды и бросил вызов демократическому миру и порядку. Точно так же, как Германия после распада Веймарской республики в 1939-х годах. Сегодня у нас не 1919, а 1939’.

Und genau wie bei Hitlers «Drittem Reich» wird der einzige Weg zum Frieden irgendwann den totalen Zusammenbruch von Putins Regime erfordern. Nur ein freies und demokratisches Russland, dass von seinen Bürgern und nicht von einer mafiösen, von messianischen Ideen besoffenen Clique geführt wird, kann wieder ein vollwertiges Mitglied der internationalen Gemeinschaft werden, wie es Deutschland und Japan nach 1945 schließlich wurden ... [Der Spiegel, Nr. 26, 2022: 87] ‘И точно так же, как в гитлеровском «Третьем рейхе», единственный путь к миру потребует когда-нибудь тотального разрушения путинского режима. Только свободная и демократическая Россия, которой руководят граждане, а не мафиозная, опьянённая

мессианскими идеями клика, сможет вновь стать полноценным членом международного сообщества, как Германия и Япония наконец-то стали после 1945 ...»).

Знаменательно, что в момент спецоперации по уничтожению украинского нацистского режима именно главные государства-преступники Второй мировой войны Германия и Япония ставятся в пример России в качестве «полноценных членов международного сообщества» и идеала свободы и демократии. Явно прослеживается ментальная близость наследников нацистов и актуальных неонацистов.

И, наконец, в октябре 2022 г. после ряда относительно успешных акций ВСУ, когда в военном руководстве российской спецоперацией произошли определённые перемены, немецкие СМИ (естественно, в первую очередь лидер русофобии таблоид «БИЛЬД») просто взорвались обилием пейоративной лексики, переходящей в прямое оскорбление российских официальных лиц.

Уже само название статьи может задавать тон всей публикации: «Jetzt lässt Putin seine Blutgeneräle los» («Теперь Путин спускает с цепи своих кровавых генералов»). Далее читаем:

Mit brutaler Gewalt hat Putins neuer Ukraine-Befehlshaber gestern seinen «Einstand» gefeiert. Keine 48 Stunden nach seiner Ernennung ließ Blutgeneral Sergei Surowikin (56) ... der für seine Syrien-Verbrechen berüchtigte Militär 19 Großstädte – auch die Hauptstadt Kiew – bombardieren. Elf Menschen starben und 89 wurden verletzt [BILD, 11.10.2022: 2] ‘Жестоким насилием ознаменовал вчера своё ‘вступление в должность’ новый командующий Путина на Украине. Менее чем через 48 часов после своего назначения кровавый генерал Сергей Суровикин (56), ... известный своими преступлениями в Сирии, приказал бомбардировать 19 больших городов, в том числе столицу Киев. Одиннадцать человек погибли, 89 были ранены’.

В статье под названием «Machtkampf im Kreml: Macht Putin seinen Bluthund zum wichtigsten Minister?» («Борьба за власть в Кремле. Сделает ли Путин своего кровавого пса важнейшим министром?) речь идёт уже об активном участнике спецоперации по освобождению Донбасса Рамзана Кадырове:

Russen-Diktator Wladimir Putin (70) ist nach jüngstem Kriegs-Debakel (u. a. zerstörte Krimbrücke) unter Druck wie nie. Verteidigungsminister Sergei Schoigu (67) steht vor dem Rauswurf. Nachfolger könnte ausgerechnet Putins Blut-Hund werden: Tschetschenen-Führer Ramsan Kadyrow (46). BILD erklärt den Kriegs-Teufel [BILD, 10.10.2022: 2] ‘Российский диктатор Владимир Путин (70) после недавних сокрушительных военных поражений (среди прочего разрушения Крымского моста) находится под давлением, которого никогда не было.

Министр обороны Сергей Шойгу (67) на грани увольнения. Наследником мог бы стать как раз путинский кровавый пёс (*Blut-Hund*): вождь Чечни (*Tschetschenen-Führer*) Рамзан Кадыров (46). «БИЛЬД» даёт разъяснения о дьяволе войны (*Kriegs-Teufel*)’.

Обращает на себя внимание использование «собачей лексики» для характеристики российских военачальников, напр.: *Putin lässt... los* ‘Путин спускает ... с цепи’, *Putins Blut-Hund* ‘кровавый пёс Путина’, *bellen die Welt an* ‘лают на мир’. Похоже, что таким образом авторы евроатлантического рупора «БИЛЬД» осознанно или нет пытаются взять «вербальный реванш» за позорные годы немецкого нацизма, когда подобные эпитеты применялись по отношению к гитлеровским преступникам.

Вероятно, по той же причине применены традиционные характеристики Третьего рейха: *die Tochter des faschistischen Ideologen* ‘дочь фашистского идеолога’, *ein revanchistisches, faschistisches Regime* ‘реваншистский фашистский режим’, *von einem nationalistischen Festival* ‘националистический фестиваль’. Даже опознавательный знак спецоперации Z «правозащитнику» Пономарёву, российскому подпевале евроатлантистам, напоминает «отвратительную свастику» (*Das widerliche Z ... Es spielt... auf das Hackenkreuz an*).

Приведённые примеры наводят на мысль, что это продолжение делящейся уже не первый год попытки Запада поставить на одну ступень победителя во Второй мировой войне СССР и проигравшего – объединённую нацистскую Европу.

Известно, что на официальном уровне давно предпринимаются попытки постепенного отождествления Третьего рейха и СССР и, соответственно, уравнивания их вины в развязывании Второй мировой войны. Достаточно напомнить о резолюции Европейского парламента от 19 сентября 2019 г., в которой советско-германский договор о ненападении 1939 года объявлен причиной Второй мировой войны. А польский сейм (нижняя палата парламента) 9 января 2020 г. также принял резолюцию о том, что СССР наравне с гитлеровской Германией виновен в развязывании Второй мировой войны.

В заключение следует отметить следующее: Сравнивая освещение западными (немецкими) СМИ натовской операции по отторжению Косово от Сербии и российской спецоперации по защите Донбасса, отчётливо наблюдается амбивалентный подход в использовании языка. Тональность освещения аналогичных действий зависит от того, кто их совершает. Если это свои (объединённый Запад и его вассалы, например, Украина), то используются завуалированные описания с позитивной оценочностью – мелиоративы. Когда же речь идёт о чужих (в данном случае о России), то явно доминируют пейоративы, т. е. дискредитирующая лексика, включая прямые уличные оскорбления. Создаётся

впечатление, что западные СМИ экстраполируют сегодня на Россию (правопреемника СССР) и её лидера лексику, которую во время Второй мировой войны применяли только для характеристика Третьего рейха (фактически первого варианта ЕС) и его руководителей.

Знаменательно, что в момент спецоперации по уничтожению украинского нацистского режима именно главные государства-преступники Второй мировой войны Германия и Япония ставятся в пример России в качестве «полноценных членов международного сообщества» и идеала свободы и демократии. Явно прослеживается ментальная близость наследников нацистов и актуальных неонацистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голодов А. Г. Информационная война против России в немецкой массовой прессе. Рязань: Изд-во Рязанского государственного университета, 2019. 195 с.
2. Голодов А. Г. Язык информационной войны (на материале немецкой массовой прессы). Рязань: Изд-во Рязанского государственного университета, 2015. 195 с.
3. Голодов А. Г. Вербальные технологии информационной войны. Политическая стигматизация (на материале немецкой массовой прессы). Рязань – Горловка: Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2020. 322 с.
4. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Москва: Флинта : Наука, 2007. 256 с.
5. Шувалов В. И. Стилистические аспекты мелиорации // Прагматика слова. Москва: МГПИ им. В.И. Ленина, 1985. С. 62-68.
6. Klemperer V. LTI. Philipp Reclam jun. GmbH & Co, Stuttgart, 22. Auflage, 2007. 385 S.
7. Golodov A. G. Anthropologische Diffamierung und diskreditierende Lexik als verbale Methoden des Informationskrieges // Иностранные языки в высшей школе. 2017. Вып. 3(42). С. 13-20.
8. Lüders M. Wer den Wind sät. Was westliche Politik im Orient anrichtet. München: Verlag C.H. Beck, 2015. 175 S.
9. Schlosser H. D. Lexikon der Unwörter. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2000. 125 S.
10. Ulfkotte U. Gekaufte Journalisten. Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien lenken. Rottenburg: KOPP VERLAG, 2014. 336 S.
11. Ulfkotte U. So lügen Journalisten. Der Kampf um Quoten und Auflagen. München: Verlag Goldmann, 2002. 416 S.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. BILD. 22.08.2022, S. 2.
2. BILD. 30.03.2022, S. 3.
3. BILD. 11.10.2022, S. 2.
4. Der Spiegel. Nr. 17, 1999, S. 34.
5. Der Spiegel. Nr. 23, 1999, S. 24.
6. Der Spiegel. Nr. 26, 2022, S. 87.
7. Der Spiegel. Nr. 26, 2022, S. 86.

REFERENCES

1. Golodov, A. G. (2019). *Informatsionnaya vojna protiv Rossii v nemetskoj massovoy presse* [Information War Against Russia in the German Mass Media]. Ryazan: Izdatelstvo Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ).

2. Golodov, A. G. (2015). *Yazyk informatsionnoy voyny (na materiale yazyka nemetskoy massovoy pressy)* [The Language of Information War (based on German Mass Media)]. Ryazan: Izdatelstvo Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ).
3. Golodov, A.G. (2020). *Verbalnye tehnologii informazionnoy voyny. Polititsheskaya stigmatizaziya (na material nemetskoy massovoy pressy)* [Verbal Technologies of Information War. Political Stigmatisation (based on German Mass Media)]. Ryazan – Gorlovka: Izdatelstvo GOU VPO «GIIYa». (In Russ).
4. Chudinov, A. P. (2007). *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moskva: Flinta : Nauka. (In Russ.).
5. Schuvalov, V. I. (1985). *Stilisticheskie aspekty melioratsii* [Stylistical Aspects of Melioration]. In *Pragmatica slova*. Moskva: MPGI im. V. I. Lenina. Pp. 62-68. (In Russ.).
6. Klemperer, V. (2007). *LTI. 22. Aufl.* Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co.
7. Golodov, A. G. (2017). *Anthropologische Diffamierung und diskreditierende Lexik als verbale Methoden des Informationskrieges*. In *Inostrannye yazyki v vysshey shkole*. Iss. 3 (42). Pp. 13-20. (In Russ).
8. Lüders, M. (2015). *Wer den Wind sät. Was westliche Politik im Orient anrichtet*. München: Verlag C. H. Beck.
9. Schlosser, H. D. (2000). *Lexikon der Unwörter*. Bertelsmann Lexikon Verlag.
10. Ulfkotte, U. (2014). *Gekaufte Journalisten. Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien lenken*. Rottenburg: KOPP VERLAG.
11. Ulfkotte, U. (2002). *So lügen Journalisten. Der Kampf um Quoten und Auflagen*. München: Verlag Goldmann.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. BILD. 22.08.2022, S. 2.
2. BILD. 30.03.2022, S. 3.
3. BILD. 11.10.2022, S. 2.
4. Der Spiegel. Nr. 17, 1999, S. 34.
5. Der Spiegel. Nr. 23, 1999, S. 24.
6. Der Spiegel. Nr. 26, 2022, S. 87.
7. Der Spiegel. Nr. 26, 2022, S. 86.

Голодов Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, начальник Аналитического центра по исследованию технологий информационной войны и контрпропаганды (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» 390000, Рязань, ул. Свободы, 46.

Golodov Aleksandr G. – Doctor of Philology, Professor, Head of Analytic Center for Research of Technology of Information War and Counterpropaganda (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University named after S. Yesenin» 46 Svobody, Ryazan, 390000

Поступила в редакцию 27 ноября 2022 г.

УДК 303.447.352.5

© 2022 С. И. Горбачевская, В. В. Зицерман

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗАДАНИЙ В ТЕСТАХ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (СРАВНИТЕЛЬНО-УРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ)

Статья посвящена одной из малоисследованных проблем тестологии – прагматическому аспекту формулировок тестовых заданий и их роли в успехе лингводидактического тестирования. Материал исследования – более 300 формулировок из 12 пособий для подготовки к разным видам экзаменов по немецкому как иностранному языку, опубликованных в период с 2004-го по 2020-й год. Анализируется их содержание и речевые стратегии с учетом требований времени и современных методов преподавания.

Ключевые слова: лингводидактическое тестирование, тест, прагмалингвистика, речевая стратегия, виды речевой деятельности.

© 2022 S. I. Gorbachevskaya, V. V. Zitserman

PRAGMALINGUISTIC ASPECT OF TASKS IN TESTS IN GERMAN AS FOREIGN LANGUAGE (COMPARATIVE LEVEL ANALYSIS)

The article is devoted to one of the little-studied problems of testology – the pragmatic aspect of the formulations of test tasks and their role in the success of linguodidactic testing. The research material consists of more than 300 formulations from 12 manuals for preparing for various types of exams in German as a foreign language, published уеуеууу 2004 to 2020. Their content and speech strategies are analyzed taking into account the requirements of the time and modern teaching methods.

Key words: linguodidactic testing, test, pragmalinguistics, speech strategy, types of speech activity.

Лингводидактическое тестирование – неотъемлемая составляющая процесса преподавания иностранного языка. Чаще всего под этим понимается «подготовленный в соответствии с определенными требованиями комплекс заданий, с помощью которых делается попытка выявить у тестируемых степень их языковой и речевой (коммуникативной) компетенции, а их результаты поддаются оценке по заранее установленным критериям» [Щукин, 2006: 48].

Современные педагогические тесты – это «система параллельных заданий равномерно возрастающей трудности, позволяющая эффективно измерить уровень и качественно оценить структуру подготовленности» обучающихся [Аванесов, 2007]. Тесты могут быть как методом контроля знаний, так и методом их усвоения, развития умений и навыков владения языком, а также методом исследования. Как метод исследования тестирование «дает ценный материал для определения эффективности овладения обучающимися учебным материалом и их способностей» [Там же]. Как часть урока

контроль в обучении языку выполняет диагностическую, обучающую, управляющую, корректирующую, стимулирующую и оценочную функции.

В 80-е годы прошлого века В. А. Коккота определил лингводидактический тест как «подготовленный в согласовании с обусловленными требованиями комплекс задач, прошедший предварительную апробацию с целью установления его показателей качества и позволяющий выявить у тестируемых степень их языковой (лингвистической) и/или речевой (коммуникативной) компетенции, результаты которого поддаются определенной оценке по заранее установленным критериям» [Коккота, 1989: 8]. Это определение базируется на четком разделении языка и речи, которое доминировало в 80-е годы. В современной коммуникативной методике лингвистическая компетенция рассматривается как составляющая коммуникативной компетенции, наряду с такими компетенциями, как социолингвистическая, социокультурная, прагматическая, дискурсивная и др. [GER, 2003: 24-25; Щукин, 2006: 139; Гальскова, Гез, 2006: 19].

Прагматический и дискурсивный компоненты важны и для нашего исследования. Прагматический компонент – это «знания, навыки и умения, позволяющие понимать и порождать иноязычные высказывания в соответствии с конкретной ситуацией общения, речевой задачей и коммуникативным намерением» [Гальскова, Гез, 2006: 19].

В коммуникативной методике любой текст (устный или письменный), который «соотносится с определенной сферой человеческой жизни (*der sich auf einen bestimmten Lebensbereich bezieht*)», определяется как дискурс [GER, 2003: 21], поскольку «в основе владения любым языком лежит универсальная способность к дискурсу» [Гальскова, Гез, 2006: 19]. Под дискурсом понимается текст «в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте», как «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1998: 136-137]. Поэтому все современные виды тестов имеют дискурсивную направленность. Деятельностный подход к обучению отражается и в формате тестов, оценивающих главные структурные компоненты деятельности – «действия речевого и неречевого характера, имеющие свои мотивы, способ выполнения и результат» [Щукин, 2006: 99].

А. Н. Щукин определяет коммуникативную компетенцию как «способность средствами изучаемого языка осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках той или иной сферы деятельности», а лингвистическую компетенцию – как «владение знаниями о системе языка, о правилах функционирования единиц языка в речи и как способность с помощью этой системы понимать чужие мысли и выражать собственные суждения в устной и письменной форме»

[Щукин, 2006: 139-140]. Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез также понимают под коммуникативной компетенцией «способность человека понимать и порождать иноязычные высказывания в разнообразных социально детерминированных ситуациях с учетом лингвистических и социальных правил, которых придерживаются носители языка». Лингвистический компонент в их определении – это «знания о системе изучаемого языка и сформированные на их основе навыки оперирования языковыми (лексико-грамматическими и фонетическими) средствами общения» [Гальскова, Гез, 2006: 19]. Е. Н. Соловова подчеркивает, что сейчас акцент в развитии лингвистической компетенции делается «не на язык как систему, а на речь» [Соловова 2006: 7].

Современный стандартизированный контроль базируется на идеях унификации, объективности и равенства возможностей тестируемых. Лингводидактический тест соединяет в себе педагогический, языковой и психологический аспекты тестирования. Его основу составляют коммуникативные тесты – задания на проверку практических рецептивных и продуктивных компетенций в ситуациях возможного реального общения, то есть, задания прагматического тестирования. Характерные особенности тестов – это объективность, надежность, обеспечиваемая тщательной подготовкой тестовых материалов и анализом результатов тестирования, четкая направленность на контролируемый аспект, удобство и компактность формы, экономичность во времени. «Иначе говоря, тест – это точный инструмент измерения контролируемого процесса» [Павловская, Башмакова, 2007: 76].

Основные правила проведения тестирования – это минимум числа заданий, выполнение их за короткое время, быстро, качественно и с наименьшими затратами, охватив при этом как можно большее число тестируемых. Кроме всего прочего, тесты должны соответствовать нормам социокультурной лояльности и познавательной ценности [Аванесов, 2007]. Все эти требования имплицитно присутствуют в формулировках заданий, поскольку «от формулировки тестового задания и его содержания во многом зависит успех (неуспех) процедуры тестирования» [Щукин 2006: 50].

Цель нашего исследования – проанализировать прагмалингвистический аспект заданий в тестах по немецкому языку. Прагмалингвистика (греч. *pragma* ‘дело, действие’) изучает язык в действии как средство коммуникации, способность носителей языка выражать с его помощью свои намерения, а также понимать намерения собеседников. Эта наука тесно связана с такими областями гуманитарного знания, как теория речевых актов, дискурс-анализ, социо- и психолингвистика и др. [Педагогическое речеведение, 1998].

Современные тестологи уверены, что «обращение к достижениям психологии для того, чтобы сделать преподавание {...} более успешным, – это не дань моде, а требование времени», поскольку изменилась психология поколения, родившегося в конце 80-х гг. XX в. Отмечается, что «культура перестает быть вербальной, опираться на слово, она все больше и больше становится экранной и опирается на Образ, в котором неразрывно слита визуальная, аудиальная, чувственная и рациональная информации. {...} И если человек начинает мыслить подобными зрительно-звуко-чувственными образами, то его мышление становится качественно иным по сравнению с теми, чья мысль способна опереться главным образом на словесную форму, не отвлекаясь на визуально-кинестетические нюансы» [Актуальные ..., 2008: 330]. Иерархия отношений учитель-ученик, командные методы преподавания меняются. Обучающиеся отличаются, с одной стороны, пылкостью ума, а с другой – не могут долго сосредоточиваться на одном виде деятельности. Они могут быть больше информированы по теме урока, поскольку лучше и быстрее могут найти необходимую информацию, чем преподаватель. Но при этом они очень ранимы и требуют поддержки в развитии своей личности и раскрытии своего творческого потенциала. Известно, что одним из аффективных факторов, влияющих на мотивацию и проблемы, которые возникают при изучении иностранного языка, является «специфический страх (fremdsprachenspezifische Angst)» обучающихся «опозориться (sich blamieren)» перед группой, учителями, носителями языка и т. д. [Quetz, Handt, 2002: 77], который ведет к тому, что они боятся открыть рот на уроке и хуже, чем могли бы, выполняют контрольные и тестовые задания. Эти факторы обязательно должны учитываться в формулировках тестировании и контроля как части современного учебного процесса.

Формулировки заданий отражают стратегии и методы речевого воздействия, влияние деятельности одного индивида на другого / других при помощи речи, а также разных комбинаций языковых средств со средствами других знаковых систем, то есть, «социально ориентированного общения» [Леонтьев, 1999: 256], которое психолингвистика рассматривает «с точки зрения влияния языковых и речевых особенностей текста на усвоение, запечатление и переработку информации» [Там же: 258]. Основные речевые стратегии формулировок заданий – информативная и побудительная. Формулировки должны содержать четкую, однозначно понимаемую информацию и побуждать к действиям для достижения поставленной цели. В ситуации тестирования для создания благоприятной атмосферы в настоящее время не желателен модус императива. В данных условиях рекомендуется использовать средства персуазивности (от лат. *persuadeo* ‘убеждать, уверять, внушать; побуждать, склонять, уговаривать’) – непосредственного

ненавязчивого / осторожного речевого воздействия на испытуемого. «Персуазивная стратегия направлена на изменение посткоммуникативного поведения реципиента в ситуации свободного принятия им решения о необходимости / желательности / возможности совершения иницилируемых адресантом действий», то есть, имеет «множество вариантов реализации персуазивного воздействия, направленного на совершение реципиентом иницилируемого адресантом посткоммуникативного действия» [Голоднов, 2011: 5-6].

В нашем исследовании мы учитывали рекомендации по уровням владения языком документа Совета Европы от 2001 г. дополненного в 2018 г., переведенного на русский язык в 2003 г. под заголовком «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка» [GER, 2001]. Как считают ведущие российские методисты, благодаря этому «сложилась единая система оценки знаний в области иностранных языков в Европе» [Соловова, 2006: 4]. Е. Н. Соловова отмечает, что количество учебных часов, необходимых для сдачи международных экзаменов, сопоставимо с количеством часов, которые предусматриваются в программах российских массовых школ, не говоря уже о спецшколах по иностранным языкам [Соловова, 2006: 6]. А. Н. Щукин обращает внимание на тот факт, что «шкала уровней владения языком получила широкое распространение благодаря ее пригодности для всех иностранных языков; нацеленности на практическое овладение языком из-за положенного в ее основу деятельностного подхода в обучении; отражению интересов различных профессиональных и возрастных групп учащихся» [Щукин, 2006: 60], и проводит параллель между рекомендациями Европейского Союза и уровнем подготовки российских школьников по иностранному языку. Его расчеты показывают, что в школах России базовый / допороговый (A2) уровень должен соответствовать языковой подготовке выпускника 9 класса средней школы и «обеспечивать возможность практического владения языком в заданных программой параметрах, создаваемых на основе данного стандарта». Свободный / пороговый (B1-B2) уровень, которого достигают выпускники российских школ, должен соответствовать «уровню обученности выпускников средней европейской школы» [Щукин, 2006: 61-63].

Были проанализированы более 300 формулировок в 12 пособиях для подготовки к разным видам экзаменов по немецкому как иностранному языку, опубликованных в период с 2004-го по 2020-й год, среди которых: две всероссийские олимпиады для школьников («Ломоносов» по немецкому языку, «Полиглот» по иностранным языкам);

вступительные испытания по иностранному языку Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; материалы ФИПИ по ЕГЭ (немецкий язык); аутентичные пособия для подготовки к экзаменам, изданные Немецким культурным центром имени Гёте (нем. Goethe-Institut), Австрийский языковой диплом Österreichisches Sprachdiplom (ÖSD), материалы TELC (The European Language Certificates) и др.

Формулировки тестовых заданий из сплошной выборки были как на немецком, так и на русском языке, поскольку для данного исследования, в первую очередь, была важна прагматика их содержания, отражающая речевую стратегию побуждения к действию. Они были систематизированы по уровням знаний языка на A1, A2, B1, B2, C1 (основываясь на рекомендациях GER) и по традиционным видам речевой деятельности – на чтение, письмо, аудирование, говорение. *Чтение* и *Leseverstehen* встречались чаще всего. В этом же значении была формулировка *Понимание письменного текста*. Лексико-грамматическая часть тестирования тоже была частью этого аспекта в подпункте с названиями *Лексико-грамматический тест*, *Лексико-грамматическая связь*, *Sprachbausteine*, *Lexik und Grammatik*, *Фразовая связность*. Только в одном пособии в части *Чтение и письмо* были объединены тесты на проверку компетенций рецепции и продукции языка в целом. Письмо называлось традиционно *Schreiben* или *Schriftlicher Teil*, говорение – *Mündlicher Teil*, аудирование – *Hörverstehen*.

Сравнительно-уровневый анализ формулировок текстовых заданий показал, что задания для языкового уровня A1-A2 чаще всего были представлены на русском языке, задания уровней B1-B2 и C1 – только на немецком языке. Соответственно обращение на «ты» в заданиях для школьников было в заданиях уровня A1-A2 (5-9 классы). Формулировки уровня A1-A2 содержали подробные пояснения к заданию теста, что мы также считаем психологически обоснованным на начальном этапе изучения иностранного языка. Однако далее слишком подробный, детальный план выполнения заданий больше запутывает испытуемых, чем помогает им. Особенно, когда в конце стоит такая фраза: *Es ist auch möglich, dass Sie das, was Sie suchen, nicht finden* (10). Только в одном из 12-ти тестовых сборников задание устной части было слишком лаконичным и не до конца понятным: *Um Informationen bitten und Informationen geben* (4).

В первую очередь следует сделать несколько критических замечаний общего характера.

1. Не все пособия включали в себя *Аудирование / Hörverstehen* как часть тестирования. Можно предположить, что это достаточно сложное задание, так как нужно не только подобрать исходный материал (Input) и составить текст, но и сделать его

аудиозапись, для чего следует привлекать людей с безукоризненным произношением, а в идеале – носителей языка. Готовый аудиоматериал, который можно найти в интернете или в учебных пособиях, тоже должен быть тщательно подобран и оформлен, поэтому за эту часть брались далеко не все составители тестовых заданий.

2. В одном пособии было описание подвидов *Чтения и Аудирования: Dieser Prüfungsteil besteht aus drei Teilen Globalverstehen, Detailverstehen, Selektives Verstehen* (10). Представляется, что эта информация необходима скорее экзаменатору, чем испытуемому.

3. Только в некоторых сборниках тестовых заданий были указаны временные рамки их выполнения, вероятно, расчёт был на то, что экзаменатор скажет об этом уже на самом экзамене, хотя зрительная опора помогает лучше запомнить информацию, чем устная речь. В заданиях письменной части не всегда было указано необходимое количество слов.

4. К сожалению, только в одном из 12-ти пособий испытуемые имели возможность выбрать тему для устного ответа (11) несмотря на то, что выбор даёт бóльшую свободу действий и помогает лучше раскрыть свои творческие способности.

Анализируя появление в формулировках тестов стратегии персуазивности – ненавязчивого целенаправленного речевого воздействия, о котором говорилось в начале нашей статьи, необходимо отметить следующие моменты.

1. Положительным фактором представляются напоминания о необходимости перенести свои ответы в бланк, возможности делать свои собственные пометки и использовать их как ключевые слова, предупреждения о том, что экзаменатор может задавать вопросы и менять тему: *Es kann sein, dass der/die Prüfende ein weiteres Thema ins Spiel bringt* (10). Особенно важны примеры подобных высказываний, представленные на разных уровнях владения языком, а также указания, на что конкретно обратит внимание экзаменатор при проверке данного задания: *Das wird bewertet: der originelle und kreative Inhalt des Textes; der sprachliche Ausdruck* (1). Это пояснение помогает снять напряжение и избежать формальных ошибок.

2. Появление в некоторых формулировках заданий типичного для немецкого языка маркера вежливости *bitte* смягчает императив: *Bitte sehen Sie sich die Informationen auf Blatt 2 genau an und berichten Sie Ihrer Partnerin/Ihrem Partner kurz darüber* (9). Также полезным является привлечение внимания фразой: *Achtung! Die Reihenfolge der einzelnen Aufgaben folgt nicht immer der Reihenfolge des Textes* (10). Это и слова поддержки, и своеобразная подсказка / напоминание.

3. Хотелось бы отметить некоторые интересные случаи использования модальных

глаголов. Их основные, имманентные, значения следующие: *müssen* – испытывать необходимость, продиктованную внешним давлением, общественными нормами, внутренними личными обязательствами, логикой, волей говорящего; *können* – быть в состоянии, уметь, иметь возможность, право, способность, позволение что-то сделать; *wollen* – проявлять волю, желание, намерение что-то сделать; *sollen* – выражать волю кого-то, кто не является грамматическим субъектом высказывания, испытывать крайнюю необходимость, передавать чужие слова и мнение; *dürfen* – иметь разрешение, дозволение; быть вправе делать что-то, этот глагол часто употребляется в высказываниях с отрицанием, содержащих пожелание или просьбу, смягчает однозначные утверждения, выражает степень вероятности; *mögen* – реализовать чье-то желание либо выразить согласие с этим желанием, а также передать степень вероятности события, предположение [Леонтьева, 2022: 13]. В формулировках заданий для передачи прямого приказа используется глагол *müssen*, например: *Sie müssen einen Zeitungsbereich erstatten* (3). Более осторожным, передающим просьбу, а не приказ, является использование глагола *können*: *Zeigen Sie, was Sie können* (11). Нейтрально звучит глагол *sollen* – как предписание, указание не только для экзаменуемого, но и для экзаменатора: *Ihr Text soll nicht weniger als 250 Wörter enthalten* (2) / *Sie sollen Ihren Zuhörern ein aktuelles Thema präsentieren* (6). Как разрешение действовать или ограничение достаточно мягко воспринимается *dürfen*: *Alle Bearbeitungspausen sind in den Tonaufnahmen enthalten. Sie dürfen die Tonaufnahmen zwischendurch also nicht anhalten* (10). Глагол *wollen* присутствует в формулировках тестов на *Говорение / Mündlicher Teil*. Здесь могут использоваться и другие модальные глаголы: *Sie wollen mit den anderen Teilnehmern Ihres Deutschkurses am Wochenende einen Museumsbesuch organisieren. Allerdings müssen Sie sich noch einigen, in welches Museum Sie gehen werden* (7) / *Sie möchten sich an dieser Diskussion beteiligen und Ihre Meinung äußern* (5). То есть, модальные глаголы в формулировках помогают уточнить цель задания.

Исследование находится в настоящий момент на стадии завершения, и, подводя промежуточный итог, можно сказать, что точность теста как инструмента измерения уровня владения языком зависит и от точности, четкости, однозначности, максимальной краткости и доброжелательности / лояльности формулировок заданий. К сожалению, на этот фактор составители тестов пока обращают мало внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов В. С. Теория и методика педагогических измерений. 2007. Доступ: <http://testolog.narod.ru/Theory1.html>. (дата обращения: 12.09.2022).
2. Актуальные вопросы языкового тестирования. Пять лет секции тестологии:

Международной филологической конференции СПбГУ: коллективная монография / под ред. И. Ю. Павловской. Санкт-Петербург, 2008. 356 с.

3. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136-137.

4. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. 3-е изд. Москва: Академия, 2006. 336 с.

5. Голоднов А. В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 2011. 43 с.

6. Коккота В. А. Лингводидактическое тестирование. Москва: Высшая школа, 1989. 123 с.

7. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. 4-е изд., испр. Москва: Смысл; Изд. центр «Академия», 1999. 288 с.

8. Леонтьева В. А. Изоморфизм модальных глаголов в художественном дискурсе (на материале современного немецкого языка): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Москва, 2022. 24 с.

9. Павловская И. Ю., Башмакова Н. И. Основы методологии обучения иностранным языкам: Тестология. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбУ, 2007. 194 с.

10. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской. Москва: Флинта, Наука, 1998. 312 с.

11. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. 4-е изд. Москва: Просвещение, 2006. 239 с.

12. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Филоматис, 2006. 480 с.

13. GER – Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen: lernen, lehren, beurteilen. Übersetzt von Jürgen Quetz, Raimund Schieß, Ulrike Sköries, Günther Schneider. Berlin, München: Langenscheidt, 2001. 244 S.

14. Quetz J., Handt von der, G. Neue Sprachen lehren und lernen. Fremdsprachenunterricht in der Weiterbildung. Bielefeld: Bertelsmann, 2002. 235 S.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Горбачевская С. И., Едличко А. И., Касаткин М. Л. Олимпиада школьников «Ломоносов» по немецкому языку (10-11 классы). Варианты олимпиадных заданий. Москва: КДУ, Добросвет, 2020. 200 с.

2. МГУ имени М. В. Ломоносова. Вступительные испытания по иностранному языку. Немецкий язык, 2019. 4 с.

3. Олимпиада «Полиглот» по иностранным языкам / авт.-сост. М. В. Вербицкая и др. Москва: Просвещение, 2012. Вып. 1. 208 с.

4. Goethe-Institut, TELC. Language tests. Übungstest 1. Start Deutsch 1. Prüfungsvorbereitung. A1. – 10. Auflage. – Frankfurt am Main: telc GmbH, 2017. 38 S.

5. Goethe-Institut Ukraine. Skalierte Prüfung Deutsch A2–B2. Modelltest. Ukraine: Goethe-Institut, 2010. 32 S.

6. Goethe-Institut, Österreichisches Sprachdiplom (ÖSD), Universität Freiburg / Schweiz. Zertifikat B1. Deutschprüfung für Jugendliche und Erwachsene. Modellsatz Erwachsene. – 2. überarbeitete Auflage. München: Felix Brandl Graphik-Design, 2015. 50 S.

7. Goethe-Institut, Österreichisches Sprachdiplom (ÖSD), Universität Freiburg / Schweiz. Zertifikat B1. Modelltest 1. München: HUEBER Verlag, 2013. 25 S.

8. Goethe-Institut. Materialien zum Zertifikat Deutsch. München: Druckerei J.

Gotteswinter GmbH, 2004. 32 S.

9. Goethe-Institut. Materialien zum Zertifikat Deutsch. München: KASTNER AG. Gotteswinter GmbH, 2009. 32 S.

10. TELC. Language tests. Übungssatz 2 für Integrationskurse. Zertifikat Deutsch. B1. 2. Auflage. Frankfurt am Main: telc gGmbH, 2007. 46 S.

11. TELC. Language tests. Übungstest 1. Deutsch-Test für Zuwanderer. Prüfungsvorbereitung. A2-B1. 2. Auflage. Frankfurt am Main: telc gGmbH, 2015. 49 S.

12. TELC. Language tests. Übungstest 1. Zertifikat Deutsch. Prüfungsvorbereitung. B1. 13. Auflage. Frankfurt am Main: telc gGmbH, 2020. 43 S.

REFERENCES

1. Avanesov, V. S. (2007). *Teoriya i metodika pedagogicheskikh izmereniy* [Theory and methodology of pedagogical measurements]. Available at: <http://testolog.narod.ru/Theory1.html>. (accessed: 12.09.2022). (In Russ.).

2. Joint Monograph (2008). *Aktualnye voprosy yazykovogo testirovaniya. Pyat let sektsii testologii: Mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii SPbGU* [Current Issues of Language Testing. Five years of the Testology Section: International Philological Conference of St. Petersburg State University] / In I. Yu. Pavlovskoy (ed.). Sankt-Peterburg. (In Russ.).

3. Arutynova, N. D. (1998). Diskurs [Discourse]. In *Bolschoy entsiklopedicheskiy slovar. Yazikoznanie*. Moskva: Bolschaya Rossiyskaya entsiklopediya. Pp. 136-137. (In Russ.).

4. Galskova, N. D., Gez, N. I. (2006). *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika* [Theory of Teaching Foreign Languages. Linguodidactics and Methodology]. 3rd ed. Moskva: Akademia. (In Russ.).

5. Golodnov, A. V. (2011). *Persuazivnost kak universalnaya strategiya tekstoobrazovaniya v ritoricheskom metadiskurse (na materiale nemetskogo yazyka)* [Persistence as a universal strategy of text formation in rhetorical meta-discourse (based on German language)]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nayk: 10.02.04. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

6. Kokkota, V. A. (1989). *Lingvodidakticheskoe testirovanie* [Linguodidactic Testing]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

7. Leontev, A. A. (1999). *Osnovy psycholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]. 4th ed. Moskva: Smysl; Izd. tsentr «Akademiya». (In Russ.).

8. Leonteva, V. A. (2022). *Izomorfizm modalnykh glagolov v khudozhestvennom diskurse (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Isomorphism of modal verbs in artistic discourse (based on the modern German language)]: avtoref. diss. ...kand. filol. nayk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).

9. Pavlovskaya, I. Yu., Bashmakova, N. I. (2007). *Osnovy metodologii obucheniya inostrannym yazykam: Testologiya* [Fundamentals of the Methodology of Teaching Foreign Languages]. 2nd ed., rev. and enl. Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakultet SPbU. (In Russ.).

10. (1998). *Pedagogicheskoe rechevedenie. Slovar-spravochnik* [Pedagogical Speech Production. Dictionary-reference] / In. T. A. Ladyzhenskoy, A. K. Mikhalskoy (ed.). Moskva: Flinta, Nayka. (In Russ.).

11. Solovova, E. N. (2006). *Metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Methods of Teaching Foreign Languages]. 4th ed. Moskva: Prosveschenie. (In Russ.).

12. Schukin, A. N. (2006). *Obuchenie inostrannym yazykam: Teoriya i praktika* [Teaching Foreign Languages: Theory and Practice]. 2nd ed., rev. and enl. Moskva: Filomatis. (In Russ.).

13. GER (2001) – *Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen: lernen, lehren, beurteilen. Übersetzt von Jürgen Quetz, Raimund Schieß, Ulrike Sköries, Günther Schneider*. Berlin, München: Langenscheidt.

14. Quetz, J., Handt von der, G. (2002). *Neue Sprachen lehren und lernen. Fremdsprachenunterricht in der Weiterbildung*. Bielefeld: Bertelsmann.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Gorbachevskaya, S. I., Edlichko, A. I., Kasatkin, M. L. (2020). *Olimpiada schkolnikov «Lomonosov» po nemetskomyu yazyku (10-11 classy). Varianty olimpiadnykh zadaniy* [Academic competition «Lomonosov» on German language (grades 10-11). Variations of tests]. Moskva: KDU, Dobrosvet. (In Russ.).
2. *MGU imeni M. V. Lomonosova. Vstupitelnye ispytaniya po inostrannomu yazyku. Nemetskiy yazyk* [Lomonosov Moscow State University. Entrance tests on foreign language. The German language]. 2019. (In Russ.).
3. *Olimpiada «Poliglot» po inostrannym yazykam* [«Poliglot» academic competition on foreign languages] / Compiled by M. V. Verbitskaya and others. Moskva: Prosveschenie, 2012. Iss. 1. (In Russ.).
4. *Goethe Institut, TELC. Language tests. Übungstest 1. Start Deutsch 1. Prüfungsvorbereitung*. A1. 10. Auflage. Frankfurt am Main: telc GmbH, 2017.
5. *Goethe-Institut Ukraine. Skalierte Prüfung Deutsch A2–B2. Modelltest*. Ukraine: Goethe-Institut, 2010.
6. *Goethe-Institut, Österreichisches Sprachdiplom (ÖSD), Universität Freiburg / Schweiz. Zertifikat B1. Deutschprüfung für Jugendliche und Erwachsene. Modellsatz Erwachsene. 2. überarbeitete Auflage*. München: Felix Brandl Graphik-Design, 2015.
7. *Goethe-Institut, Österreichisches Sprachdiplom (ÖSD), Universität Freiburg / Schweiz. Zertifikat B1. Modelltest 1*. München: HUEBER Verlag, 2013.
8. *Goethe-Institut. Materialien zum Zertifikat Deutsch*. München: Druckerei J. Gotteswinter GmbH, 2004.
9. *Goethe-Institut. Materialien zum Zertifikat Deutsch*. München: KASTNER AG. Gotteswinter GmbH, 2009.
10. *TELC. Language tests. Übungssatz 2 für Integrationskurse. Zertifikat Deutsch. B1. 2. Auflage*. Frankfurt am Main: telc gGmbH, 2007.
11. *TELC. Language tests. Übungstest 1. Deutsch-Test für Zuwanderer. Prüfungsvorbereitung. A2-B1. 2. Auflage*. Frankfurt am Main: telc gGmbH, 2015.
12. *TELC. Language tests. Übungstest 1. Zertifikat Deutsch. Prüfungsvorbereitung. B1. 13. Auflage*. Frankfurt am Main: telc GmbH, 2020.

Горбачевская Светлана Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка и культуры (e-mail: gorbachevskaja@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1 с. 13

Цицерман Влада Вячеславовна – магистрант кафедры немецкого языка и культуры (e-mail: zitserman_vlada@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1 с. 13

Gorbachevskaya Svetlana I. – Doctor of Philology, Associate Professor of German Language and Culture Department (e-mail: gorbachevskaja@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lomonosov Moscow State University» 1 Leninskie gory, 13, 119991 Moskva

Zitserman Vlada V. – Master's Degree Student of German Language and Culture Department (e-mail: zitserman_vlada@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lomonosov Moscow State University» 1 Leninskie gory, 13, 119991 Moskva

Поступила в редакцию 27 октября 2022 г.

УДК 811.112.2

© 2022 А. В. Ленец, Ю. А. Лагажан

НЕОЛОГИЗМЫ О ВАКЦИНАЦИИ ОТ COVID-19 В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА

Статья посвящена установлению лексико-семантических групп неологизмов, относящихся к сфере вакцинации и содержащих компонент *impf* в немецком языке, описанию прагматического аспекта и национально-культурной специфики данных неологизмов. Материалом исследования явились газетные статьи о вакцинации в ведущих интернет-изданиях Германии, Австрии и Швейцарии. Выявленные лексические единицы направлены на формирование положительного отношения к процессу вакцинации от COVID-19 с помощью различных стимулов.

Ключевые слова: неологизм, вакцинация, COVID-19, немецкий язык, лингвопрагматика, национально-культурная специфика, медийный дискурс.

© 2022 A. V. Lenets, Yu. A. Lagazhan

NEOLOGISMS ABOUT VACCINATION AGAINST COVID-19 IN MODERN GERMAN: LINGUOPRAGMATIC ASPECTS AND NATIONAL CULTURAL SPECIFICITY

The paper deals with the determining of lexical-semantic groups of neologisms about vaccination with the *impf* component in German, the description of the pragmatic aspect and the cultural identity of this neologisms. Journal articles dedicated to vaccination published in leading online newspapers of Germany, Austria, and Switzerland are used as research material. The identified lexical units are aimed at forming a positive attitude to the process of vaccination against COVID-19.

Key words: neologism, vaccination, COVID-19, German language, linguopragmatics, cultural identity, media discourse.

Введение

Пандемия коронавируса затронула практически все аспекты общественной жизни, что повлекло за собой появления целого ряда лексических инноваций в различных языках [Басыров, 2020; Макушева, Нестик, 2020; Engler, Brunner, Loviat, 2021], которые фиксируются в виде лексики, номинирующей пандемию коронавируса, и ограничиваются предметными областями, которые так или иначе взаимосвязаны с пандемией. Зарубежными лингвистами отмечается также сдвиг в частотности использовании определённых слов и словоформ, существенные показатели которых приходятся на важные слова, связанные с пандемией [Wolfer, Koplenig, Michaelis, Müller-Spitzer, 2020]. К таким словам, без сомнения, относится **вакцинация**, которая способствовала скорейшему выходу из коронакризиса и спасению большого количества людей во всем мире.

Процесс вакцинирования активно освещался и продолжает освещаться в средствах

массовой информации многих стран [Замальдинов, Хоригути, 2021; Распопова, 2021; Зуйкина, Соколова, 2022]. С самого начала пандемии проведение вакцинации вызывает до сих пор многочисленные дебаты, что объясняет частоту использования всех слов, содержащих поисковый шаблон **impf**, в немецкоязычных онлайн-СМИ [Klosa-Kückelhaus, 2021]. В сферу интересов лингвистов попадают изучение семантической структуры словоформ с **impf** [Klosa-Kückelhaus, 2021; Schuchter, 2022], создание словарей с лексемой *Impfung* [OWID; Hor], анализ способов номинации *Impfung* [Klosa-Kückelhaus, 2021] и др. При этом исследование прагматического компонента в структуре лексического значения *Impfung* остаётся ещё недостаточно изученным. В связи с этим представляется целесообразным обратиться к исследованию прагматического значения лексемы *Impfung*.

Цель настоящей статьи – установление прагматического компонента в структуре лексического значения слов с **impf** как необходимой составляющей, которая обуславливает прагматические параметры использования языковых единиц, номинирующих *Impfung*. Задачами, которые будет необходимо решить, являются: 1) установить лексико-семантические группы неологизмов, относящихся к сфере вакцинации с компонентом **impf**; 2) описать особенности использования обнаруженных неологизмов, номинирующих *Impfung*, в тесной взаимосвязи с ситуативным контекстом; 3) проанализировать прагматический и межкультурный аспекты использования неологизмов с **impf** в немецкоязычных газетах Германии, Австрии, Швейцарии.

Материалом исследования являются лексические единицы, представленные в газетных статьях о вакцинации ведущих информационно-аналитических агрегаторов немецкоязычного медийного пространства. Для данного исследования были отобраны газеты, обладающие широкой читательской аудиторией и формирующие мнение о вакцинации: центристская немецкая межрегиональная газета *Die Zeit* (DZ), наиболее престижная газета Германии *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (FAZ). Медийный дискурс Австрии представлен следующими интернет-изданиями: австрийская газета *Der Standard* (DS) и самая распространённая газета Австрии *Kronen Zeitung* (KZ). Для анализа новостных статей швейцарского медиадискурса были выбраны газеты *Neue Zürcher Zeitung* (NZZ), которая считается одной из ведущих газет немецкоязычного ареала, и еженедельная газета *Der Blick* (DB).

Для понимания возникновения и анализа COVID-неологизмов в рамках данного исследования использовалась лексикографическая информация OWID-корпуса – ресурса,

созданного учёными Института немецкого языка имени Лейбница в Маннгейме [OWID]. Данный корпус является онлайн-порталом, куда включены различные словари, в том числе и словарь ковидной лексики. Словарь ковидной лексики представляет собой концентрацию коллективного словотворчества, которая фиксируется в средствах массовой информации. Представленные дефиниции по каждой лексеме отражают опыт использования COVID-неологизмов. В качестве дополнительного источника использовался специальный онлайн-ресурс *hor.de*, включающий в себя тексты стихотворений на немецком языке с примечаниями и список слов с лексемой **impf** [Hog]. Данный источник находится в открытом доступе, и авторские права на него не распространяются.

Для исследования лексического значения слов с **impf** применялся ряд лингвистических методов. **Методом** сплошной выборки было отобрано более 96 лексических единиц, связанных с процессом вакцинирования на немецком языке. Метод контекстологического анализа позволил выявить актуальный смысл каждой анализируемой лексической единицы в расширенном контексте. Для получения максимально точного определения исследованного слова использовался лексикографический анализ лексемы на основе вышеперечисленных онлайн-словаря и онлайн-ресурса.

Теоретической базой данного исследования служили труды отечественных и зарубежных лингвистов, в фокусе интересов которых находятся особенности функционирования неологизмов в современном немецком языке [Розен, 2000; Römer, Matzke, 2005; Дмитриева, Ванюшина, 2021], основные типы лексического значения неологизмов [Elsen, 2011; Буренкова, 2020; Шемчук, 2020], прагматический потенциал неологизмов в немецком языке [Касьянова, 2007; Elsen, 2021].

Лексический состав любого национального языка постоянно пополняется в результате тех изменений, которые происходят в обществе. Основным мотивом появления языковых новообразований является необходимость фиксации явлений, обозначающих эти изменения. К таковым относятся как сами изменения в области общественной, культурной, политической жизни, так и явления, предметы, сопровождающие их. Пандемия коронавируса обусловила появление в немецком языке большого количества неологизмов, под которыми понимается «лексические новообразования или заимствования из других языков, которые возникают в определённый период развития языка» [Römer, Matzke, 2005: 39; Аккуратова, 2021]. Вслед за К. Рёмер и Б. Матцке считаем, что неологизмы в немецком языке следует классифицировать на новообразования и заимствования из других языков.

Предварительный анализ неологизмов, номинирующих процесс вакцинации

от COVID-19, позволяет сделать вывод о количественном преобладании номинаций, образованных по принципу лексического словосложения, тем самым образовывая сложные слова, компонентом которых является **impf** (*Impfdiplomatie*, *Impfdokumentation*, *Impfdosenrückstau*, *Coronaimpfpass*, *Zweitimpfling*). Подавляющее число неологизмов с компонентой **impf** образовано с помощью модели «существительное + существительное». Это подтверждает эффективность данной модели для немецкого словообразования, а также является маркером языковой экономии, субстантивации, универбации [Аккуратова, 2021: 3082].

Анализ существующих моделей образования новых слов путём словосложения в современном немецком языке [Степанова, 2003], позволяет установить, что неологизмы с компонентом **impf** образованы преимущественно по морфологическому принципу. При этом данный компонент в новом слове несёт основное значение (*Vektorimpfstoff*, *Powerimpfen*, *Impfstraße*, *Impfstreit*, *Impfteam*). Следует отметить широкое использование неологизмов с лексемой *Impfung*, которые образованы также по морфологическому принципу (*Boosterimpfung*, *Bratwurstimpfung*, *Coronaauffrischimpfung*, *Kreuzimpfung*, *Passivimpfung*, *Schwerpunktimpfung*). Вместе с тем, в ходе исследования было установлено, что часть неологизмов о вакцинировании часто была образована по принципу конверсии, т. е. переход из одной части речи в другую. В выявленных неологизмах немецкого языка превалирует образование субстантиваций (*Impfbedenken*, *Impfaufkommen*, *Impfabzeichen*, *Impfgraben*, *Impfergehen*).

В последние десятилетия интерес исследователей в области неологии фокусируется на изучении прагматического аспекта значения неологизмов. Обращение к прагмалингвистическому аспекту функционирования лексических единиц способствует пониманию их использования в процессе коммуникации и том воздействии, которое оказывается с их помощью на получателя. Понимание и интерпретация высказывания позволяет установить способы и условия достижения коммуникативной цели, установить в ходе исследования имплицитное значение в языке (скрытых семантических признаков, подтекста) и контекстуальность языка как особого явления [Арутюнова, 1985: 9-10].

Появление нового слова обусловлено потребностью объективировать значимые для той или иной эпохи прагматические смыслы, которые системой языка зачастую не эксплицируются [Касьянова, 2007: 36]. Зафиксированная в неологизме номинативная функция зачастую влечёт за собой функцию привлечения внимания пользователя языковой единицы. Другой важной функцией неологизмов является экономия языковых средств.

Отсюда следует, что прагматический аспект языковой единицы не только отображает отношение к предметам и явлениям реальной действительности, но и во многом определяет сферы его употребления. Закреплённое в значении неологизма отношение отправителя к действительности позволяет определить его прагматический аспект.

Результаты исследования

Катастрофы, международные конфликты побуждают средства массовой информации реагировать на все события, что способствует появлению новой лексики в тезаурусе языков [Ленец, Зарипова, 2018]. К таким событиям, несомненно, относится и пандемия COVID-19, а также связанные с ней процедуры разработки вакцины от COVID-19 и само вакцинирование. Одним из основных источников пополнения неологизмов о вакцинации от COVID-19 в немецком языке является современное медийное пространство. Исследователями отмечается, что цифровые и коммуникативные технологии являются основным способом распространения информации о COVID-19 и вакцинации, что способствует интенсивному развитию коллективного словотворчества, в том числе созданию оригинальных неологизмов [Балакина, 2020: 88-89; Зуйкина, Соколова, 2022; Юшкова, 2022]. Актуальность темы вакцинации в странах немецкоязычного ареала подтверждается появлением большого количества неологизмов, номинирующих *Impfung*, которые характеризуют сложившуюся ситуацию. Неологизмы о вакцинировании от COVID-19, основная функция которых обозначить новые реалии, позволяют раскрыть их особенности с помощью лексикографического и контекстологического анализа.

Тема вакцинации затрагивает абсолютно все слои любого общества. Вместе с тем, участников дискуссии о вакцинировании следует условно отнести к одной из двух оппозиционных групп. В одной, как правило, те, кто придерживается необходимости вакцинироваться, во второй активные противники вакцинации. Несмотря на это, в результате проведённого анализа было установлено, что большинство выявленных нами неологизмов о вакцинировании от COVID-19 имеют *положительную коннотацию*. Объяснением этому является та необходимость формирования положительного мнения в медийном пространстве, требуемая проводимой политикой для выработки коллективного иммунитета. Обратимся к выявленным лексико-семантическим группам слов, которые преимущественно используются для позитивного описания процесса вакцинации. К таковым относятся быстрое продвижение процесса вакцинации, мотивация для вакцинирования представителей различных профессиональных и возрастных групп. Описываемые далее лексико-семантические группы определяются ситуативным

контекстом использования. Рассмотрим выявленные группы в тесной взаимосвязи с их **прагматическим аспектом** подробнее.

В немецкоязычном медийном пространстве особое внимание уделяется формированию позитивного отношения к вакцинации, чтобы увеличить количество вакцинированных для получения коллективного иммунитета. Для данного исследования нами были выявлены неологизмы с положительной коннотацией, которые используются в медийном дискурсе для описания **этапов процесса вакцинирования** (*Impfdurchbrüche*, *Impfleistung*, *Impfplafond*, *Impffortschritt*, *Impfoptimismus*, *Impfeuphorie*). Процесс вакцинирования от COVID-19 представляется в немецкоязычном медийном пространстве как последовательная смена этапов развития отношения к необходимости вакцинироваться (от ожидаемых прорывов (*Impfdurchbrüche*) до полной эйфории (*Impfeuphorie*)):

Das RKI verweist aber darauf, dass die Zahl so hoch sei, weil auch die Impfquote in dieser Altersklasse besser sei. «Dass im Laufe der Zeit mehr ***Impfdurchbrüche*** verzeichnet werden, ist erwartbar, da generell immer mehr Menschen geimpft sind und sich SARS-CoV-2 derzeit wieder vermehrt ausbreitet» [FAZ, 2021, 12.11].

Zu groß sei die ***Impfeuphorie***. Schließlich müssen sich die Geimpften kaum mehr Sorgen machen: Zwar sind die Fallzahlen im Land immer noch relativ hoch, unter den Geimpften haben sich bisher aber kaum schwere Corona-Verläufe ergeben [DB, 2021, 03.03].

В немецкой газете описываются опасения, связанные с новым штаммом «Омикрон», по причине которого обществу угрожает потеря оптимизма от процесса вакцинации. Но данная ситуация, наоборот, побуждает граждан вакцинироваться или ревакцинироваться:

Wenn etwa wie mit Omikron das Virus eine evolutionäre Schleife dreht, die jeden ***Impfoptimismus*** zu erdrücken droht und plötzlich nur noch der Booster – und bald wohl zusätzlich die vierte Dosis – jene Sicherheit zu geben verspricht, die Anfang des vergangenen Jahres noch gutgläubig verbreitet wurde [FAZ, 2022, 08.01].

В газетах немецкоязычных стран особую группу образуют лексические единицы с градуальной семантикой, характеризующие степень проявления **мотивации для вакцинировавшихся**. Так, различные премии (*Impfprämie*) являются специальными наградами, которые включают большое денежное поощрение, гонорар (*Impfhonorare*), который выплачивается за внештатную деятельность. Сопоставительный анализ позволил установить языковые единицы с содержанием фактора стимула к вакцинированию от небольшого бонуса (*Impfbonus*), который включает в себя как небольшие денежные

выплаты, розыгрыши (*Impfgeld, Impflotterie*), до скидок при покупке товара (*Impfgewinn, Impfanreiz*) или выплаты гонорара (*Impfhonorare, Impfprämie*):

Zu den seit Mittwoch geltenden, recht komplizierten Regeln, wer nun wo eine FFP2-Maske zu tragen hat (ein Überblick folgt unten), meint die Epidemiologin, hier gehe es wohl «im Prinzip darum, einen klitzekleinen *Impfbonus* zu geben» [DS, 2021, 16.09].

В борьбе с пандемией коронавируса в Австрии, Германии и Швейцарии была разработана система 3G (привит, переболел, протестирован). Данное правило, которое широко распространено по всей территории Германии, должно стать стимулом к вакцинации, чтобы люди снова смогли спокойно посещать различные заведения и вести привычный образ жизни:

Besuche von Restaurants, Clubs und Bars sind schon seit einer Woche nur noch vollständig Geimpften oder Genesenen erlaubt. Ausnahmen gibt es weiterhin für Kinder und Jugendliche. Rund drei Viertel der Hamburgerinnen und Hamburger sind vollständig geimpft. Bürgermeister Peter Tschentscher (SPD) hatte die flächendeckende Ausweitung der 2G-Regel auch mit dem damit verbundenen *Impfanreiz* begründet. Er sei sich sicher, dass das 2G-Modell eine positive Wirkung auf die Impfbereitschaft haben werde [DZ, 2021, 21.11].

Прагматический потенциал выявленных лексических единиц заключается в возможности формирования позитивного отношения к вакцинации посредством материального *стимулирования социальных групп общества*. Данная группа лексических единиц представлена в немецкоязычном медийном дискурсе. Так, в австрийской газете упоминается стимулирование медицинских работников с помощью дополнительных выплат фармацевтам:

«Denn bei Vollzeit kämen Mediziner auf ein Monatsgehalt wie der Bundespräsident. Auch Ärztekammer-Präsident Thomas Szekeres verteidigt naturgemäß die *Impfhonorare*. Vor allem die Kritik, dass diese Honorare ein Beleg dafür wären, weshalb die Kammer gegen die Impfung durch Apotheker wettert, will er nicht so stehen lassen: «Es geht hier in erster Linie um die fehlende Ausbildung der Apotheker, die für die Therapie und Erste Hilfe für den Fall von allergischen Reaktionen, Synkopen etc. einfach nicht ausgebildet sind»» [KZ, 2021, 30.08].

Для повышения мотивации вакцинироваться в Швейцарии, например, были продуманы специальные выплаты всем вакцинировавшимся, в том числе и тем, у кого международный сертификат:

Konkret gibt es für eine solche Zahlung mehrere Umsetzungsmöglichkeiten mit internationalen Referenzen. Eine Direktüberweisung an alle Geimpften oder – wesentlich intelligenter – ein Instrument ähnlich einer «Österreich-Card»: eine Prepaidkarte, die bei

teilnehmenden Betrieben eingelöst werden kann. In dieser Variante hätte der Staat zusätzlich eine Lenkungshoheit, wofür die *Impfprämie* ausgegeben wird. Gleichzeitig fließt natürlich über Steuern Geld sofort wieder direkt an den Staat zurück [DS, 2021, 31.12].

Отдельно в газетах широко представлена целая *система стимулирования определенных возрастных групп*. Для повышения количества вакцинированных лиц в возрасте 18 лет и старше были разработаны специальные акции, где разыгрывались купоны на сумму 500 евро как дополнительная финансовая поддержка определённой социальной группы:

Unmittelbar vor dem für Donnerstagnachmittag vorgesehenen Beschluss der Impfpflicht ab Februar für Personen ab 18 Jahren hat die türkis-grüne Bundesregierung gemeinsam mit der SPÖ noch ein Paket als zusätzliche Belohnung und Anreiz für Coronaimpfungen vorgelegt. Im Zuge einer *Impflotterie* werden 500-Euro-Gutscheine ausgespielt, wobei für jeden zehnten Stich eine Gewinnchance besteht. Dazu kommt eine zusätzliche finanzielle Förderung für alle Gemeinden mit besonders hohen Impfquoten [WZ, 2022, 20.01].

Подобные акции для активации процесса вакцинации типичны и в других европейских странах, что служит методом убеждения для вакцинирования граждан немецкоязычных стран. Так, для достижения 60% вакцинированного населения в Греции были разработаны специальные платежные карты на сумму 150 евро для молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет:

In Griechenland gibt es *Impfgeld* für Jugendliche [Überschrift] In Griechenland erhalten junge Leute künftig eine Bezahlkarte im Wert von 150 Euro, wenn sie sich gegen das Coronavirus impfen lassen. Dies kündigte Ministerpräsident Kyriakos Mitsotakis an. Das Angebot richtet sich an 940.000 junge Menschen im Alter von 18 bis 25 Jahren. Insgesamt sind dafür bis zu 141 Millionen Euro eingeplant. Ziel ist, dass in dem Elf-Millionen-Einwohner-Land bis Ende Juli knapp 60 Prozent der Bevölkerung voll geimpft sind [DS, 2021, 28.06.].

Для привлечения к вакцинированию молодежи в Великобритании была организована акция, благодаря которой любой вакцинировавшийся получал пиццу в качестве бонуса:

Impfpizza gefällig? [Überschrift] [...] Um die Corona-Impfquote bei jungen Leuten zu steigern, bieten mehrere Fahr- und Essenslieferdienste in Großbritannien nun Anreize. Bisher haben rund zwei Drittel (67 Prozent) der 18- bis 29-Jährigen eine erste Impfung erhalten. Zuletzt war das Impftempo aber gesunken. [...] [SD, 2021, 01.08].

Следующий способ стимулирования вакцинации представлен в США, где во время продвижения закона о легализации наркотиков параллельно существовала акция для вакцинированных: каждый вакцинированный получал «косячок» (самокрутка, начиненная наркотиком). В данном случае прослеживается манипулятивный способ управления общественным сознанием за счет рекламирования самокруток среди только что привившихся:

Wenn die Einwohner Washingtons nach ihrer Impfung plötzlich ausgesprochen gelassen auf die Welt blicken, dann könnte dies nicht nur am Sicherheitsgefühl liegen, das der Impfschutz auslöst. Vielleicht haben sie sich einfach ihre *Impfbelohnung* gegönnt: einen Joint. In mehreren Städten der USA haben Aktivisten Joints an frisch Geimpfte verteilt, um die Impfbereitschaft anzukurbeln und gleichzeitig für die Legalisierung von Cannabis zu werben [NZZ, 2021, 09.06].

Национально-культурной спецификой отмечены слова-реалии, обозначающие вакцинирование, специфические для жизни определённого народа. Национальная специфика выявленных лексических единиц заключается в тех отличиях, которые обнаружены нами в составе их компонентов. Так, в лексико-тематическую группу по стимулированию к вакцинированию отнесены слова, которые имеют национально-культурную специфику: *Impfwurst*, *Impfzuckerl*. Например, в Германии в качестве поощрения для вакцинировавшихся выдаются немецкие жареные колбаски, которые являются неотъемлемой частью немецкой кухни:

Demos gegen Impfzwang in Frankreich, Ansturm auf *Impfwurst* in Deutschland [Überschrift] Wenn Expertinnen nicht mehr gehört werden, Testpflicht bei der Einreise verordnet werden muss und die eigene Gesundheit trotzdem nicht Anreiz genug ist, um zur Impfung zu gehen – was kann man dann noch tun? «Bratwurst!» ist die Antwort, die in der thüringischen Gemeinde Sonneberg den Verantwortlichen eingefallen ist [SD, 2021, 01.08].

В австрийской газете упоминается другой способ вознаграждения, который широко представлен именно в австрийском медийном пространстве. Австрийские конфетки обозначаются в качестве неоспоримого преимущества для здоровья вакцинировавшегося:

Dass ein möglichst barrierearmer Impfungang die Impfquote nach oben bringt, hat der Impffortschritt der vergangenen Wochen gezeigt. Gesundheit ist ja immerhin doch das beste *Impfzuckerl* [WZ, 2021, 15.07].

На основе проанализированных лексико-семантических единиц о вакцинации было выявлено, что в медийном дискурсе широко описываются процессы и стимулы вакцинации. Во всех обществах стран немецкоязычного пространства представлены два полярных мнения о вакцинировании, во многом были разработаны различные виды

поощрений и акций, в том числе денежных, чтобы вакцинировать как можно больше людей. Помимо возрастного аспекта, в текстах статей отмечена национально-культурная специфика слов-реалий в немецкоязычных странах. В целом для повышения числа вакцинированных все виды стимулов направлены не только на тех, кто выступает против вакцинации, но и на тех, кому предстоит ревакцинация.

Заключение

Тема вакцинации от COVID-19 стала причиной пополнения словарного запаса любого словаря, в том числе немецкого. Широкое обсуждение вызвала данная тема в медийном пространстве немецкоязычных стран. В ходе исследования были определены способы образования неологизмов с компонентом **impf** и выявлено, что рассмотренные лексические единицы были образованы по принципу лексического словосложения и конверсии. Неологизмы о вакцинации широко используются в немецкоязычном медийном пространстве для формирования положительного отношения к данному процессу.

Благодаря контекстологическому анализу для определения смысла каждой лексической единицы было установлено, что каждый фрагмент обладает определенным прагматическим потенциалом и с помощью него оказывает определенное воздействие на адресанта для повышения уровня вакцинации. По результатам исследования выявлено, что тема вакцинации широко освещается в медиадискурсе Австрии, Германии и Швейцарии используется также и для обсуждения различных стимулов и поощрений различных групп общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аккуратова И. Б. Особенности неологизации в период пандемии в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 10. С. 3080-3085.
2. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Москва, 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 5-30.
3. Балакина Ю. В. Пандемия COVID-19 в Германии: информационные кампании, медиа, общество // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 3. С. 83-101.
4. Басыров Ш. Р. Структурно-семантические особенности лексики периода пандемии коронавируса // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2020. Т. 16. Вып. 4 (50). С. 79-85.
5. Буренкова С. В. Неологизмы немецкого языка: тематика, лингвистические особенности, перевод // Гуманитарные исследования. 2020. № 1 (26). С. 59-63.
6. Дмитриева О. А., Ванюшина Н. А. Неологизмы эпохи пандемии COVID-19 (на материале русского и немецкого языков) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 2. С. 48-62

7. Замальдинов В. Е, Хоригути Д. «Коронавирусные» новообразования в языке СМИ и интернет-коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. Т. 20. № 5. С. 141-152.
8. Зуйкина К. Л., Соколова Д. В. Пандемия COVID-19 как медиасобытие: особенности конструирования в социальных медиа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 222-240.
9. Касьянова Л. Ю. Коннотативно-прагматическое содержание неологизма // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. Т. 7. № 28. С. 36-49.
10. Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427-447.
11. Ленец А. В., Зарипова А. Н. Лингвокультурный и прагматический аспекты использования терминов-реалий в медийных сообщениях о миграции (на материале медийного дискурса Германии и Австрии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8. № 4 (29). С. 73-81.
12. Распопова С. С. Пандемия COVID-19 как триггер для изменений СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 4 (42). С. 88-93.
13. Степанова М. Д. Лексикология современного немецкого языка. Москва: Академия, 2003. 256 с.
14. Шемчук Ю. М. Лексические изменения в немецком языке под влиянием пандемии коронавируса (на примере неологизмов спортивной тематики) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 498-499.
15. Юшкова Л. А. «Chronisch coronisch»: неологизмы с компонентом -corona- в немецкой адъективной лексике периода пандемии COVID-19 // Язык и культура. 2022. № 59. С. 110-129.
16. Elsen H. Neologismen. Formen und Funktionen neuer Wörter in verschiedenen Varietäten des Deutschen. 2, überarbeitet Auflage. Tübingen: Narr, 2011. 202 S.
17. Elsen H. Neologisms in Contemporary German – Problems in Theory and Practice // Lublin Studies in Modern Languages and Literature. 2021. Vol. 45 (1). P. 113-125.
18. Engler S., Brunner P., Loviat R., Abou-Chadi T., Leemann L., Glaser A. & Kübler D. Democracy in times of the pandemic: explaining the variation of COVID-19 policies across European democracies // West European Politics. 2021. Vol. 44. Iss. 5-6: COVID-19 in Europe: Political Reactions and Consequences. P. 1077-1102.
19. Klosa-Kückelhaus A. Ein Weg aus der Coronakrise: Das Impfen // Sprache in der Coronakrise. Dynamischer Wandel in Lexikon und Kommunikation. Mannheim: IDS-Verlag, 2021. S. 83-89.
20. Klosa-Kückelhaus A. Über Corona sprechen: eine besondere Zeit und ihre Folgen // Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. 2021. 24. Juni. Available at: https://www.idsmannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/Klosa_Corona_FOLK.pdf. (accessed: 10.09.2022).
21. Römer Ch., Matzke B. Lexikologie des Deutschen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2005. 236 S.
22. Schuchter N. Wie Corona unsere Sprache verändert: Vom «Impfdrängler» zum «Impfgegner» // Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. 2022. 17. Februar. Available at: <https://www.salzburg24.at/news/salzburg/wie-corona-unsere-sprache-veraendert-117203635>. (accessed: 10.09.2022).
23. Wolfer S., Koplenig A., Michaelis F., Müller-Spitzer C. cOWIDplus Analyse: wie sehr schränkt die Corona-Krise das Vokabular deutschsprachiger Online-Presse ein? // Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. 2020. 03. Dezember. Available at:

https://www.idsmannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/mueller-spitzer_2.pdf. pdf. (accessed: 10.09.2022).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Der Blick, 2021, 03.03.
2. Der Standard, 2021, 16.09.
3. Der Standard, 2021, 28.06.
4. Der Standard, 2021, 31.12.
5. Die Zeit, 2021, 21.11.
6. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 2021, 12.11.
7. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 2022, 08.01.
8. Kronen Zeitung, 2021, 30.08.
9. Neue Zürcher Zeitung, 2021, 09.06.
10. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie // OWID. Available at: <https://www.owid.de/docs/neo/1>. (accessed: 10.09.2022). [OWID].
11. Sammlung von Neubildungen und zuvor nur selten gebrauchten Wörtern im Umfeld der Coronaviruspandemie // Hor.de. Available at: <https://hor.de/coronawoerter/impfwoerter.htm>. (accessed: 10.09.2022). [Hor].
12. Westdeutsche Zeitung, 2021, 15.07.
13. Westdeutsche Zeitung, 2022, 20.01.

REFERENCES

1. Akkuratova, I. B. (2021). Osobennosti neologizatsii v period pandemii v nemetskom yazyke [The Features of Neologization during the Pandemic in the German Language]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 14. Iss. 10. Pp. 3080-3085. (In Russ.).
2. Arutyunova, N. D. (1985). Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [Sources, Problems and Categories of Pragmatics]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moskva. Iss. 16: Lingvisticheskaya pragmatika. Pp. 5-30. (In Russ.).
3. Balakina, Yu. V. (2022). Pandemiya COVID-19 v Germanii: informatsionnye kampanii, media, obshchestvo [COVID-19 pandemic in Germany: information campaign, media, society]. In *Baltiyskiy region*. Vol. 14. No. 3. Pp. 83-101. (In Russ.).
4. Basyrov, Sh. R. (2020). Strukturno-semanticheskie osobennosti leksiki perioda pandemii koronavirusa [Structural-Semantic Peculiarities of Covid-19 Pandemic Vocabulary]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. Vol. 16. Iss. 4 (50). Pp. 79-85. (In Russ.).
5. Burenkova, S. V. (2020). Neologizmy nemetskogo yazyka: tematika, lingvisticheskie osobennosti, perevod [German neologisms: topics, linguistic features, translation]. In *Gumanitarnye issledovaniya*. No. 1 (26). Pp. 59-63. (In Russ.).
6. Dmitrieva, O. A., Vanyushina, N. A. (2021). Neologizmy epokhi pandemii COVID-19 (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Neologisms of the COVID-19 pandemic era (based on the Russian and German languages)]. In *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. No. 2. Pp. 48-62. (In Russ.).
7. Zamaldinov, V. E., Khoriguti D. (2021). «Koronavirusnye» novoobrazovaniya v yazyke SMI i internet-kommunikatsii [«Coronavirus» Innovations in Media Language and Internet Communication]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Edition 2. Yazykoznanie. Vol. 20. No. 5. Pp. 141-152. (In Russ.).
8. Zuykina, K. L., Sokolova, D. V. (2022). Pandemiya COVID-19 kak mediasobytie: osobennosti konstruirovaniya v sotsialnykh media [COVID-19 pandemic as a media event: The

specifics of construction in social media]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 77. Pp. 222-240. (In Russ.).

9. Kasyanova, L. Yu. (2007). Konnotativno-pragmatischeskoe sodержanie neologizma [Connotative and pragmatic substance of a neologism]. In *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*. Vol. 7. No. 28. Pp. 36-49. (In Russ.).

10. Makusheva, M. O., Nestik, T. A. (2020). Sotsialno-psihologicheskie predposylki i efekty doveriya sotsialnym institutam v usloviyakh pandemii [Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic]. In *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*. No. 6. Pp. 427-447. (In Russ.).

11. Lenets, A. V., Zaripova, A. N. (2018). Lingvokulturnyy i pragmaticheskiy aspekty ispolzovaniya terminov-realiy v mediynykh soobshcheniyakh o migratsii (na materiale mediynogo diskursa Germanii i Avstrii) [Linguoculture and pragmatics aspects of the use of culture-bound terms in mass media messages regarding migration (based on mass media discourse in Germany and Austria)]. In *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. Vol. 8. No. 4 (29). Pp. 73-81. (In Russ.).

12. Raspopova, S. S. (2021). Pandemiya COVID-19 kak trigger dlya izmeneniy SMI [COVID-19 pandemic as a trigger for media change]. In *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. No. 4 (42). Pp. 88-93. (In Russ.).

13. Stepanova, M. D. (2003). *Leksikologiya sovremennogo nemetskogo yazyka* [Lexicology of Modern German Language]. Moskva: Akademiya. (In Russ.).

14. Shemchuk, Yu. M. (2020). Leksicheskie izmeneniya v nemetskom yazyke pod vliyaniem pandemii koronavirusa (na primere neologizmov sportivnoy tematiki) [Lexical changes in the German language under the influence of the coronavirus pandemic (based on the example of neologisms of sports topics)]. In *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. No. 4 (83). Pp. 498-499. (In Russ.).

15. Yushkova, L. A. (2022). «Chronisch coronisch»: neologizmy s komponentom -corona- v nemetskoj adyektivnoy leksike perioda pandemii COVID-19 [«Chronisch coronisch»: neologisms with the -corona- component in the German adjective vocabulary of COVID-19 pandemic era]. In *Yazyk i kultura*. No. 59. Pp. 110-129. (In Russ.).

16. Elsen, H. (2011). *Neologismen. Formen und Funktionen neuer Wörter in verschiedenen Varietäten des Deutschen*. 2, überarbeitet Auflage. Tübingen: Narr.

17. Elsen, H. (2021). Neologisms in Contemporary German – Problems in Theory and Practice. In *Lublin Studies in Modern Languages and Literature*. Vol. 45 (1). Pp. 113-125.

18. Engler, S., Brunner, P., Loviat, R., Abou-Chadi, T., Leemann, L., Glaser, A. & Kübler, D. (2021). Democracy in times of the pandemic: explaining the variation of COVID-19 policies across European democracies. In *West European Politics*. Vol. 44. Iss. 5-6: COVID-19 in Europe: Political Reactions and Consequences. Pp. 1077-1102.

19. Klosa-Kückelhaus, A. (2021). Ein Weg aus der Coronakrise: Das Impfen. In *Sprache in der Coronakrise. Dynamischer Wandel in Lexikon und Kommunikation*. Mannheim: IDS-Verlag. S. 83-89.

20. Klosa-Kückelhaus, A. (2021). Über Corona sprechen: eine besondere Zeit und ihre Folgen. In *Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise*. 24. Juni. Available at: https://www.idsmannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/Klosa_Corona_FOLK.pdf. (accessed: 10.09.2022).

21. Römer, Ch., Matzke, B. (2005). *Lexikologie des Deutschen*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.

22. Schuchter, N. (2022). Wie Corona unsere Sprache verändert: Vom «Impfdränger» zum «Impfgegner». In *Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise*. 17. Februar. Available at: <https://www.salzburg24.at/news/salzburg/wie-corona-unsere-sprache-veraendert-117203635>. (accessed: 10.09.2022).

23. Wolfer, S., Koplenig, A., Michaelis, F., Müller-Spitzer, C. (2020). cOWIDplus Analyse: wie sehr schränkt die Corona-Krise das Vokabular deutschsprachiger Online-Presse ein? In *Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise*. 03. Dezember. Available at: https://www.idsmannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/mueller-spitzer_2.pdf. (accessed: 10.09.2022).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Der Blick*, 2021, 03.03.
2. *Der Standard*, 2021, 16.09.
3. *Der Standard*, 2021, 28.06.
4. *Der Standard*, 2021, 31.12.
5. *Die Zeit*, 2021, 21.11.
6. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 2021, 12.11.
7. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 2022, 08.01.
8. *Kronen Zeitung*, 2021, 30.08.
9. *Neue Zürcher Zeitung*, 2021, 09.06.
10. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. In *OWID*. Available at: <https://www.owid.de/docs/neo/1>. (accessed: 10.09.2022).
11. Sammlung von Neubildungen und zuvor nur selten gebrauchten Wörtern im Umfeld der Coronaviruspandemie. In *Hor.de*. Available at: <https://hor.de/coronawoerter/impfwoerter.htm>. (accessed: 10.09.2022).
12. *Westdeutsche Zeitung*, 2021, 15.07.
13. *Westdeutsche Zeitung*, 2022, 20.01.

Ленец Анна Викторовна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации (e-mail: annalenets@mail.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93

Lenets Anna V. – Doctor of Philology, Associate professor, head of Germany Philology Department of Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, (e-mail: annalenets@mail.ru), Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education «Southern Federal University» 93 Universitetskiy, Rostov-on-Don, 344006

Лагажан Юлия Алексеевна – магистрант кафедры немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации (e-mail: lagazhan@sfedu.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93

Lagazhan Yulia A. – Master's Degree Student of Germany Philology Department of Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, (e-mail: lagazhan@sfedu.ru), Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education «Southern Federal University» 93 Universitetskiy, Rostov-on-Don, 344006

Поступила в редакцию 26 ноября 2022 г.

УДК 811.11-112

© 2022 М. Е. Морозова, О. А. Донскова

ДИСКУРСИВНЫЙ АРХИВ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПЕСНИ

Статья посвящена молодежному песенному дискурсу, описываемому как феномен дискурсивной формации. На материале английского и немецкого языков в ограниченный период выявляются его релевантные константы, лингвосемиотические особенности, жанровое, тематическое и социально-психологическое своеобразие. Наряду с уже разработанными закономерностями показаны и понятийные новации в дискурсивной практике молодежной песни.

Ключевые слова: лингвосемиотика, молодежная песня, дискурсивная практика, жанровое многообразие, понятийные новации.

© 2022 M. E. Morozova, O. A. Donskova

DISCURSIVE ARCHIVE OF MODERN YOUTH SONG

The article is devoted to youth song discourse, which is described as a phenomenon of discursive formation. Based on the English and German languages, in a limited period, its relevant constants, linguo-semiotic features, genre, thematic and socio-psychological originality are revealed. Conceptual innovations in the discursive practice of youth song are also shown along with the already developed patterns.

Key words: linguo-semiotics, youth song, discursive practice, genre diversity, conceptual innovations.

Современную молодежную песню – как дуальное знаковое образование (разножанровый текст, наложенный на музыку соответствующего жанра) – следует рассматривать с опорой на основы лингвосемиотики, поскольку выявление семантических, синтаксических и прагматических особенностей обусловлено увязывается с особенностями той или иной лингвокультуры, вписывается в те или иные каноны межкультурной коммуникации и указывает на некую социальную поведенческую специфику молодых людей. Существенным образом это знание прирастает описанием концептосферы молодежной песни (особенно интересен этот аспект при сопоставлении языковых пространств) и выявлением прагматических единиц воздействия, исходящего от песенных знаков.

Лингвосемиотика песни не относится к хорошо разработанным разделам семиотики. Опоры можно искать в работах по семантике фольклорных произведений [Кучукова, 2004; Гулая, 2019; Тепшеева, 2020; Эмер, 2022], семиотике музыкальных мультимодальных текстов [Way, McKerrell, 2017], лингвосемиотике дискурсивных типов [Кириллова, 2010; Плахова, 2013; Склярова, 2019]. О.В. Шевченко редуцировала исследование молодежного песенного дискурса [Шевченко, 2009] социокультурными и жанровыми моментами, И. С. Самохиным

[Самохин, 2010] рассматриваются модальные сигналы поп-музыки 70-х годов, в русле концептологии проведены исследования Я. М. Янченко [Янченко, 2019-2021]. Опубликованных сопоставительных работ по современной молодежной песне нет.

Цель данной статьи – провести дискурсивное описание молодежной песни за период конца XX – начала XXI вв., выставляя семиотику дискурса главной единицей обсуждения.

1. Пространство молодежной песни как дискурсивная проблематика

Наукой переменной действительность воспринимается как структуральная эпистема, в которой изучаемый феномен включается в некоторую концептуальную систему, именуемую М. Фуко «археологией знания» [Фуко, 1996]. Причем любой феномен в такой системе наращивает свой дискурс, где «популяция событий» в его пространстве участвует в полилогической коммуникации. Полилогической такая коммуникация становится вследствие того, что участвуют в ней законные (конвенциональные) места в структуре эпистемы («дискурсивной формации» по Фуко [Фуко, 1996: 39]) – «знание», «традиция», «профессионализм» и другие.

Используя обозначения, введенные М. Фуко, мы вписываемся в некую конвенциональную практику обсуждения феноменов как организованного поля высказываний, дополняемого дискурсивно (коммуникативно, по принятым образцам). Константы дискурса не воспринимаются нами как идеальные структуры, скорее мы исходим из закономерностей дискурса, присущих ему и уже признанных в нем.

При переносе уже наработанного в дискурсивной практике на материал молодежной песни (ограничиваем свое описание периодом современности: конец XX – начало XXI вв.), остановимся на релевантных для данного текста разработанных константах интересующего нас дискурса.

Нам близок подход к дискурсу с позиций семиологии Р. Барта, который отдает приоритет семиотическому как структурированному, по сравнению с процессуальным дискурсивным говорением [Барт, 2003: 427]. Мы видим в дискурсе некую модель производства текста [Серио, 1999: 14], точнее – распознаем в текстах песен некие когнитивные модели (фреймы) песенного дискурса, объединяемые по стереотипам жанров и стилей. Вслед за Тео ван Дейком мы понимаем, что текст, как продукт дискурса, следует рассматривать как событие взаимодействия говорящего / пишущего (в нашем случае исполняющего) и воспринимающего. Причем оно может быть одномоментным, с присутствующим говорящим, а может быть направленным на воспринимающего, удаленного от говорящего в пространстве и времени. Важное в этом понимании то, что и временные, и пространственные, параметры составляют специфику дискурса, что

сказывается на обширном арсенале невербальных средств передачи информации и эмоций. Кроме того, в дискурс вовлекаются социальные и психологические факты, а также и факты личностные [Дейк, 1989: 122-123]. Благодаря такому подходу конституируется широкое понимание дискурса.

С учетом когнитивного подхода мы берем дискурс и текст в соотношении «результат и процесс», «статическое и динамическое», «когнитивное и речевое» [Александрова, 1997: 17]. Дискурс в этом случае проявляется некой моделью общения, порождения, понимания, такой структурной рамкой с распределением ролей и позиций, предусматривающих тональности и прагматические установки. Эта модель дискурса хранит результаты освоения объективной действительности как практик коммуникации. Причем гарантия понимания – владение такими моделями по обе стороны коммуникации.

Типология дискурса по жанрам вписывается в единую концепцию дискурсивного анализа по А. А. Кибрику [Кибрик, 2000: 5]. Концептуальный подход к дискурсу В. З. Демьянкова ориентируется на «дискурсивный топик», выделяя опорный концепт [Демьянков, 2005: 37]. В. И. Карасик ориентируется на репрезентацию в дискурсе связей с культурой, социально- и этнокультурными фактами [Карасик, 2004]. Кроме того, песенный дискурс от лица одного человека (или коллектива под одним именем) – говорящего/пишущего/исполняющего – направляет свой посыл на социально ранжированные группы людей, сам представляя некоторый социум.

Как разновидность институционального дискурса, песня включает и такие его параметры, как: цель, участники, разделяемые ценности, стратегии, жанры. Перевод данных конституентов в личностный формат предполагает факт воздействия только, если перечисленные конститутивные признаки песенного дискурса будут нарушены, что позволит говорить о непохожести или оригинальности произведения (коммуникационного способа) в рамках динамично развивающегося дискурса.

В итоге мы получаем прописанные структуры дискурса как структурированную дискурсивную формацию (по М. Фуко), которая позволяет накапливать «археологически» значимое знание о феномене «песня» (далее «молодежная песня»). Полилогической коммуникацией будет проявляться жанровое, тематическое, социально-психологическое своеобразие музыкально-вербально-знаковых произведений, заполняющих событийную популяцию данного дискурса.

2. Лингвосомиотика молодежной песни

При анализе песенного дискурса следует исходить из того факта, что он представлен множеством, включающим жанровые и авторские подмножества, которые далее

подразделяются на отдельные тексты-песни. Текст песен записывается формально-графически, состоит из вербально-знаковых рядов, перемежающихся с ритмичной закономерностью. Поскольку песня представляет собой музыкально-вербальное произведение, его жанр определяется мелодией (ритм+тональность). Основные жанры современного песенного дискурса: поп, рок (+ его разновидности), рэп (вид хип-хоп); как менее частотные жанры известны хаус, инди и смешанные (инди-рок, блюз-н-рок др.). Вербальный и тональный планы звучания связаны музыкальной оболочкой в целом, делимое на музыкальные синтагмы и такты. Мелодийная когезия способствует достижению связности, но не придает тональной стороне символичности: она остается за комбинациями вербальных знаков. В конечном виде музыкально-вербально-знаковое произведение попадает к интерпретатору (исполнителю), задача которого соотнести значения и смыслы вербальных знаков песни с его тональной формой и расставить собственные акценты. Такая созидательная подготовка и повседневность либо особенность исполнения на публике составляют «дискурсивную практику» песни.

«Дискурсивной практикой», таким образом, считается то, в результате чего складывается конститутивный «порядок объектов». Современная практика объединяет часто лишенные рифмы произведения (как и в архаичных песнях), причем длина строки, определяемая мелодией, задается продолжительностью звучания голоса. В некоторых песнях вербальные знаки-символы могут заменяться иконическими, то есть звукоизобразительными знаками.

Рассмотрим жанровое разнообразие молодежных песен. Жанр «поп» происходит от английского слова *popular*, что ассоциируется с понятиями «популярность» и «народ». В дефиниции термина *pop music* по словарю Collins Dictionary выделены такие прагматические аспекты, как: параметр возраста (учет сферы функционирования и целевой аудитории) и апеллятивность.

В словаре Oxford Dictionary отмечены жанровые особенности: ритмичность и простота мелодии, контрастирование с другими формами популярной музыки: роком, соул.

Словарь Cambridge Dictionary вносит в дефиницию поп музыки наличие организованных рифмой слов, сильного ритма, а также нацеленность на молодых представителей воспринимающей публики.

Немецкий словарь Duden акцентирует те же моменты в поп-музыке: массовая популярность, развлекательная музыка различных направлений (шлягер, сонг, мюзикл, фольклор, фанк и др.).

Жанр «рок» в энциклопедии Britannica отмечен как преобладающий в США и

Европе, ставший мейнстримом (mainstream), создавший индустрию звукозаписи.

Уже упомянутые словари делают в дефиниции рока акцент на простоту мелодии и мощный ритм, при условии мощной громкости и небольшого количества исполнителей, с использованием электрогитары и ударных. Позже английские законодатели отменили социологическую разницу между поп-музыкой как синглами для тинейджеров («singles-based music aimed at teenagers») в противопоставлении року как альбомной музыке для взрослых («album-based music for adults»). Внемузыкальными особенностями рока названы творческое начало, искренность, коммерция и популярность.

История рэпа – третьего жанра современного молодежного песенного дискурса – возвращает нас в африканские речитативы. Как тип музыки, рэп характеризуется не пропеванием, а быстрым и ритмичным произнесением, рифмованностью текста, чтением нараспев (выделяем компоненты в значении глагола to chant «монотонность», «бубнить»).

Европейское представление о «правильности» песни исключает компонент «пение» из дефиниции рэпа, а рифмовку в рэпе указывает как необязательную.

Музыкальное сопровождение рэпа (так называемую backing music) именуют хип-хопом (hip-hop): это обширное культурное направление, в которое входят собственно рэп, граффити (graffiti painting), диджейнинг (deejaying), брейк-данс (break dancing), а позже и гангста-рэп (gangsta rap).

Знаковость жанров современной молодежной музыки – поп, рок и рэп – заключается в том, что они – в плане выражения – репрезентируют социальные и музыкальные моменты. Социальными отметим эпоху, возраст и стремление к многочисленности аудитории. К музыкальным отнесем ритмичность и громкость. Уточняя план содержания песен, назовем ключевыми / преобладающими темы любви, дружбы, одиночества и протеста.

3. Средства актуализации молодежной песни

Дискурсивная практика современной молодежной песни имеет еще один конститутивный момент – социально-культурную инфраструктуру функционирования молодежного песенного дискурса, которая заключается в актуализации молодежной песни. Знаменитая поп и рок-группа «Битлз» (Beatles) оформила переход от индустрии записи к «экономике живой музыки» (live-music economy): анонсированный концерт в конкретном месте, с заранее установленным числом слушателей. Ситуация «концерт» в корне отличается в отношении пространственно-временного параметра от ситуации «прослушивание диска», где параметры «время», «место» и «количество слушателей» не характеризуются точными показателями. Таким образом, «концертная форма» дискурса (узкий дискурс) заменяется широким дискурсом «цифровая запись». Теперь слушатель

способен носить «концерт» с собой (в айпаде, плеере), составляя личную фонотеку песен, причем сосредотачиваться может только на одной песне, а не на целом альбоме. Со времен группы Битлз в Европе становятся популярными рок-фестивали. Своя аудитория (популяция фанатов) собирается путем попадания в масс-медийные топовые списки (хит-парады) либо с «низов», посредством «местного» успеха.

Музыкальные открытия вплоть до мирового резонанса стали возможными на специальных платформах (YOUTUBE; MySpace) или веб-сайтах, то есть не на радио или CD-дисках. В период пандемии значимость живых концертов стала нулевой, концертный зал переместился в Интернет, видеотрансляция студийных концертов анонсировалась заранее. Такая трансформация привела к тому, что рок, возникнув как альтернатива поп-музыке пятьдесят лет спустя, и поп-музыку перевел в ранг рока. Это фактически означает стирание жанровых границ и характерно для англоязычной песенной культуры.

Современная немецкая поп-музыка объединяет жанры поп-рок, хард рок, хеви метал, электронную музыку и хип-хоп. Молодежный песенный дискурс формировался на вековых традициях немецких песен, но был подвержен и влиянию шаблонов западной музыки (включая Британию), поскольку немецкие исполнители, идентифицируя себя немцами, поют и на английском языке, не отходя от тем немецкой истории и культуры.

Культурологи Франкфуртской школы разработали и обосновали тезис о том, что жанр поп признается фольклором индустриального общества (Lawrence Levine), то есть формой сопротивления, фактором социального выравнивания и демократизации, а исполнение на публике оказывает влияние на общественное настроение, являясь важным социальным фактором. Немецкий культуролог К. Натхаус пишет о стирании национальных границ благодаря поп-культуре, хотя можно говорить о доминанте в ней Великобритании и США. Интернациональными темами в песенном поп-дискурсе называют классовые, гендерные, расовые отношения, политику. Поп-музыка, по К. Натхаусу, является трансфером культуры, именуемой «американизацией» [Nathaus, 2016].

Социолог М. Регев считает, что поп музыка и рок в настоящее время представляют одно целое – поп-рок, где культурная уникальность отдельной нации воспринимается только как единица большого сложного целого, мирового музыкального дискурса. В этом пространстве всё чаще появляются противостоящие западному поп-року местные музыканты, создающие свою – местную – музыку, ценящие признание на уровне региона [Regev, 2013: 3]. Примером может служить немецкая группа Krautrockers.

Вместе с тем, по мнению М. Регева, стираются социальные различия: молодёжь высокого социального статуса в музыке предпочитает не былой снобизм классики, джаза,

прогрессивного рока, а всеядность электронной музыки.

Немецкий рок (Deutschrock) появился в конце 50-х – начале 60-х под влиянием англоязычного рок-н-рола, немцы (в частности, Freddie Quinn) запели американские песни, но на немецком языке. Пели на немецком и англоязычные певцы, на концертах в Германии. В развитие немецкого рока большой вклад внес психоделический krautrock групп Cologne's Can, Munich's Amon Duul и Düsseldorf's Neu, затем группы Tangerine Dream, Cluster и Düsseldorf's Kraftwerk, оказавшие огромное влияние на электронную танцевальную музыку Новой волны и ранний хип-хоп. Далее музыкальный дискурс создавался Neue Deutsche Welle (превратили панк рок в электро-звучание).

Популярными вне Германии были певшие хард рок на английском Scorpions и Rammstein, пропагандировавшие индастриал метал и готик металл. Пространство рок дискурса наполнялось разновидностями: indie rock (Die Prinzen и Wir Sind Helden), в 2010х годах появился немецкий hip-hop (Sido, Bonez MC, Gzuz). Метал играли группы Helloween, Kreator, Masterplan.

Следует указать на отличительные черты немецкого поп-дискурса в отличие от англоязычного. Во-первых, это бóльшая роль синтезаторов и ударных; во-вторых, – акцент на немецкой идентичности в текстах, наряду с общими темами любви, счастья и разбитых сердец. Третье отличие – слабые доли такта и танцевальность мелодии. Для английского поп-дискурса характерологическими являются гармония всех инструментов, отсутствие ссылок на британскую идентичность, меньшая танцевальность мелодии.

4. Содержательная особенность молодежного песенного дискурса

Необходимо уделить особое внимание такому социальному аспекту молодежного песенного дискурса, как протест, отношение к политике, власти, существующим в обществе нормам и правилам. Имеет место термин «песни протеста» или «песни социального протеста». В статье Д. Мартинелли указывает на разнообразие песен социального протеста, причем у них могут быть совершенно противоположные характеристики: агрессивные, целенаправленные и спокойные, дипломатичные [Martinelli, 2013]. Это не обязательно политически заряженные песни, но и «левые», и «правые», даже анти-политические.

Таким образом, современная музыка необычайно разнообразна. Однако, понятие жанра в музыке, считают исследователи, достаточно расплывчато. Например, песни Stingа можно смело отнести и к року, и к джазу, а после The Labyrinth (2006 год, Deutsche Grammophon) – и к классике.

Поп музыка постоянно развивается – и это отражается в появлении новых жанров.

Так, Britpop появился в 1990-х, но стал лейблом и для других групп: Blur, Oasis, Suede. Интересны и жанры с приставкой «пост» («post»): post-rock, post-punk, post-tango.

Жанры песенного дискурса должны определяться не только мелодией и темами их слов / стихов, но и прагматической значимостью, направленностью, социальным контекстом. Иными словами, и планом выражения (музыкальным, широким, социальным контекстом, аудиторией), и планом содержания, – т. е. с позиций семиотики.

Согласимся с Т. Джонсоном в том, что при классификации жанров в области популярной музыки необходимо учитывать следующие аспекты: саму мелодию, музыку (например, Prog, Boogie, Melodic Pop), музыку как вид искусства (Experimental Rock, Art-Rock), тип инструментовки (Synth Pop, Acoustic Pop, Electronica), место представления (Arena Rock, Club Music, Pub Rock) [Johnson].

Выражения типа Club Music или Pub Rock являются гибридными, они соединяют музыку и место. На наш взгляд, это названия с двумя «измерениями» дискурса. Возможно, именно такие выражения отражают суть современного песенного дискурса во всем его многообразии. Место действия отмечено в таких локативных названиях песенных жанров, как Philadelphia soul, Delta blues, Mandopop – география, социальные активности – lounge, surf, skate punk. Кроме того, обозначаются и эмоциональные тональности: blues, soul, goth.

Как свидетельствуют многочисленные специальные исследования, музыка, особенно, молодежная, коррелирует с политикой. На конференции под названием Changing the Tune: Popular Music and Politics in the XXIst Century. From the Fall of Communism to the Arab Spring (июнь 2013, Страсбург) [Changing the Tune] были затронуты проблемы связи демократии и музыки, революционных саундтреков, убеждения и пропаганды, вопросы расы и постколониализма в популярной музыке, локальный (местный) хип-хоп и политика аутентичности, этика и эстетика поп-музыки. В конференции принимали участие и англоязычные, и немецкие лингвисты.

В 2020 году движение BLM. Black Lives Matter внесло в песенный дискурс огромное количество новых протестных песен, сформировался новый концепт, который продолжает развиваться. Политика является для современного молодежного песенного дискурса и сопредельной областью, и частью концептосферы.

Как видим, и английский, и немецкий песенный дискурс прошел долгий путь развития, выстроил свою структуру как комплексное образование, в которой можно выделить следующие семиотические аспекты: семантика, синтактика, прагматика. Семантика – смыслы песни / песен; синтактика и прагматика проявляются внутри одной песни и в рамках всего песенного дискурса определенного периода или песен жанра (или

автора, группы). Некоторые моменты могут считаться частью как плана выражения, так и плана содержания, а также одновременно и внутренними, и внешними моментами песенного дискурса.

Сформировавшиеся крупные жанры молодежного песенного дискурса – поп, рок и рэп – демонстрируют сходные черты в пространствах английского и немецкого языков, отражают социальные настроения и психологические состояния молодых людей. Сходства прослеживаются на уровне тематики, концептов песен, способов создания социально-психологических образов.

Результаты исследования

Исследование дискурса представляет собой погружение в конкретное пространство, где «популяция событий» структурно встроена в полилогическую коммуникацию. Константы других, более разработанных дискурсов, дают возможность осваивать новый дискурс.

Молодежная песня представлена в исследовании комплексным музыкально-вербальным знаковым образованием с семиотическими аспектами: семантикой, синтактикой, прагматикой. К семантике отнесены смыслы песни. Синтактика и прагматика имеют проявление как внутри одной песни, так и в рамках всего песенного дискурса (в определенный период) или песен жанра (или автора, группы). Жанр молодежной песни не определяется только семиотической структурированностью текста песни, а включает мелодию и музыку как вид искусства, а также тип инструментовки и место презентации. Сформировавшиеся центральные жанры молодежного песенного дискурса – поп, рок и рэп – демонстрируют сходные черты на материале английского и немецкого языков, отражают основные социальные настроения и психологические состояния как сочиняющих (исполняющих) молодых людей, так и приверженцев конкретного жанра. Сходства выявлены на уровне тематики (или концептов песен) и способов создания социально-психологического имиджа.

Самобытное развитие дискурса разрабатывает и собственные понятийные новации. Для молодежной песни, помимо многопланового разнообразия жанров, это еще и сращивание дискурсивных измерений (например, привязка музыки к месту презентации). Другой новацией в дискурсивном архиве молодежной песни является ее корреляция с политикой (на фоне протестного плана содержания).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О. В., Кубрякова Е. С. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. Москва: Диалог-МГУ, 1997. С. 15-25.
2. Барт Р. Система моды // Статьи по семиотике культуры. Москва, 2003. С. 427-441.

3. Гулая Т. Н. Семантика звука и вокальная артикуляция в народно-песенных традициях: проблема взаимосвязи (на примере мордовского песенного фольклора) // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 135-140.

4. Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Москва: Прогресс, 1989. 310 с.

5. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: Сборник к 70-летию Т. М. Николаевой. Москва: Языки славянских культур, 2005. С. 34-55.

6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

7. Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Москва: МГУ, 1997. С. 276-339.

8. Кириллова И. К. Лингвосомиотика англоязычного университетского дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.04. Волгоград, 2010. 23 с.

9. Кучукова Л. П. Грамматическая характеристика народно-песенного лирического дискурса (на материале немецких и русских внеобрядовых голосовых песен): автореф. дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.20. Тверь, 2004. 20 с.

10. Плахова О. А. Английские сказки в этнолингвистическом аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.04. Москва, 2007. 21 с.

11. Самохин И. С. Слова-сигналы различных видов эмоциональной модальности в дискурсе поп-музыки 1970-х гг. (на материале англо- и русскоязычных песенных текстов): автореф. дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.20. Москва, 2010. 26 с.

12. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. Москва: Прогресс, 1999. С. 14-53.

13. Складорова Н. Г. Лингвосомиотика милитарно-медийного дискурса (на материале современных публикаций англоязычных СМИ). Москва: НИЦ ИНФРА-М, 2019. 88 с.

14. Тепеева Д. Р. Лингвокультурные особенности фольклорного песенного дискурса (религиозные и эмоционально-чувственные концепты): дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.19. Нальчик, 2020. 165 с.

15. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. Доступ: <https://gtmarket.ru/library/basis/6850>. (дата обращения: 04.11.2022).

16. Шевченко О. В. Лингвосомиотика молодежного песенного дискурса: на материале английского языка: дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.04. Москва, 2009. 223 с.

17. Эмер Ю. А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.

18. Янченко Я. М. Хип-хоп как особое дискурсивное пространство отдельной субкультуры // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Ижевск, 2020. № 3. С. 403-407.

19. Levine L. W. Highbrow/Lowbrow: The emergence of Cultural Hierarchy in America. Cambridge, Mass., and London: Harvard University Press, 1990. 306 p.

20. Martinelli D. Popular music, social protest and their semiotic implications // New Sound. 2013. Available at: <https://www.newsound.org.rs/pdf/en/ns42/Dario42.pdf>. (accessed: 04.11.2022).

21. Nathaus K. The Production of Popular Culture in Twentieth-Century Western Europe: Trends in and Perspectives on 'Europop'. London: Routledge, 2015. 18 p. (Made in Europe. The production of popular culture in the twentieth-century).

22. Regev M. Pop-Rock Music: Aesthetic Cosmopolitanism in Late Modernity. Cambridge: Polity, 2013. 224 p.

23. Way L. C. S., McKerrel S. Music as Multimodal Discourse: Semiotics, power and protest. London: Bloomsbury Academic, 2017. 256 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Cambridge Dictionary. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary>. (accessed: 04.11.2022).
2. Changing the Tune. Available at: <https://journals.openedition.org/volume/3444>. (accessed: 04.11.2022).
3. Collins Dictionary. Available at: <https://www.collinsdictionary.com>. (accessed: 04.11.2022).
4. Duden. Available at: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Popmusik>. (accessed: 04.11.2022).
5. Encyclopedia Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/>. (accessed: 04.11.2022).
6. Johnson. Available at: https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3967&context=gc_etds. (accessed: 04.11.2022).
7. Merriam-Webster. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>. (accessed: 04.11.2022).
8. Oxford Dictionary. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. (accessed: 04.11.2022).

REFERENCES

1. Aleksandrova, O. V., Kubryakova, E. S. (1997). Vidy prostranstv teksta i diskursa [Types of spaces of text and discourse]. In *Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya*. Moskva: Dialog-MGU. Pp. 15-25. (In Russ.).
2. Bart, R. (2003). Sistema mody [Fashion system]. In *Stati po semiotike kultury*. Moskva, Pp. 427-441. (In Russ.).
3. Gulaya, T. N. (2019). Semantika zvuka i vokalnaya artikulyatsiya v narodno-pesennykh traditsiyakh: problema vzaimosvyazi (na primere mordovskogo pesennogo folklora) [Semantics of Sound and Vocal Articulation in Folk Song Traditions: the Problem of Interrelation (based on Mordovian Song Folklore)]. In *Manuskript*. Tambov: Gramota. Vol. 12. Iss. 4. Pp. 135-140. (In Russ.).
4. Dejk, T. van. (1989). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moskva: Progress. (In Russ.).
5. Demyankov, V. Z. (2005). Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydennoy yazyka [Text and discourse as terms and as ordinary language words]. In *Yazyk. Lichnost. Tekst: Sbornik k 70-letiyu T. M. Nikolaevoy*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. Pp. 34-55. (In Russ.).
6. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
7. Kibrik, A. A., Plungyan, V. A. (1997). Funktsionalizm [Functionalism]. In *Fundamentalnye napravleniya sovremennoy amerikanskoj lingvistiki*. Moskva: MGU. Pp. 276-339. (In Russ.).
8. Kirillova, I. K. (2010). *Lingvosemiotika angloyazychnogo universitetskogo diskursa* [Lingvosemiotics of English University Discourse]: avtoref. diss. ... kand. filol. n.: 10.02.04. Volgograd. (In Russ.).
9. Kuchukova, L. P. (2004). *Grammaticheskaya kharakteristika narodno-pesennogo liricheskogo diskursa (na materiale nemetskikh i russkikh vneobryadovykh golosovykh pesen)* [The grammatical characteristic of the folk-song lyrical discourse (based on German and Russian non-ritual voice songs)]: avtoref. diss. ... kand. filol. n.: 10.02.20. Tver. (In Russ.).
10. Plakhova, O. A. (2007). *Angliyskie skazki v etnolingvisticheskom aspekte* [English fairy tales in the ethnolinguistic aspect]: avtoref. diss. ... kand. filol. n.: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
11. Samokhin, I. S. (2010). *Slova-signalny razlichnykh vidov emotsionalnoy modalnosti v diskurse pop-muzyki 1970-kh gg. (na materiale anglo- i russkoyazychnykh pesennykh tekstov)* [Word-signals of various types of emotional modality in the discourse of pop music of the 1970s. (based on English and Russian song texts)]: avtoref. diss. ... kand. filol. n.: 10.02.20. Moskva. (In Russ.).

12. Serio, P. (1999). Kak chitayut teksty vo Frantsii [How texts are read in France]. In *Kvadratura smysla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa*. Moskva: Progres. Pp. 14-53. (In Russ.).
13. Sklyarova, N. G. (2019). *Lingvosemiotika militarно-mediynogo diskursa (na materiale sovremennykh publikatsiy angloyazychnykh SMI)* [Linguisticsemiotics of military-media discourse (based on modern publications of the English-language media)]. Moskva: NITs INFRA-M. (In Russ.).
14. Teppeeва, D. R. (2020). *Lingvokulturnye osobennosti folklornogo pesennogo diskursa (religioznye i emotsionalno-chuvstvennyye kontsepty)* [Linguocultural features of folklore song discourse (religious and emotional-sensual concepts)]: diss. ... kand. filol. n.: 10.02.19. Nalchik. (In Russ.).
15. Fuko, M. (1996). *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Kiev. Available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/6850>. (accessed: 04.11.2022). (In Russ.).
16. Shevchenko, O. V. (2009). *Lingvosemiotika molodezhnogo pesennogo diskursa: na materiale angliyskogo yazyka* [Linguistic semiotics of youth song discourse: based on the English language]: diss. ... kand. filol. n.: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
17. Emer, Yu. A. (2011). *Sovremennyy pesenny folklor: kognitsii i diskursy* [Modern Song Folklore: Cognitions and Discourses]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (In Russ.).
18. Yanchenko, Ya. M. (2020). Khip-khop kak osoboe diskursivnoe prostranstvo otdelnoy subkultury [Hip-hop as a special discursive space of a specific subculture]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»*. Izhevsk. No. 3. Pp. 403-407. (In Russ.).
19. Levine, L. W. (1990). *Highbrow/Lowbrow: The emergence of Cultural Hierarchy in America*. Cambridge, Mass., and London: Harvard University Press.
20. Martinelli, D. (2013). Popular music, social protest and their semiotic implications. In *New Sound*. Available at: <https://www.newsound.org.rs/pdf/en/ns42/Dario42.pdf>. (accessed: 04.11.2022).
21. Nathaus, K. (2015). *The Production of Popular Culture in Twentieth-Century Western Europe: Trends in and Perspectives on 'Europop'*. London: Routledge. (Made in Europe. The production of popular culture in the twentieth-century).
22. Regev, M. (2013). *Pop-Rock Music: Aesthetic Cosmopolitanism in Late Modernity*. Cambridge: Polity.
23. Way, L. C. S., McKerrel, S. (2017). *Music as Multimodal Discourse: Semiotics, power and protest*. London: Bloomsbury Academic.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Cambridge Dictionary*. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary>. (accessed: 04.11.2022).
2. *Changing the Tune*. Available at: <https://journals.openedition.org/volume/3444>. (accessed: 04.11.2022).
3. *Collins Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com>. (accessed: 04.11.2022).
4. *Duden*. Available at: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Popmusik>. (accessed: 04.11.2022).
5. *Encyclopedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/>. (accessed: 04.11.2022).
6. *Johnson*. Available at: https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3967&context=gc_etds. (accessed: 04.11.2022).
7. *Merriam-Webster*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>. (accessed: 04.11.2022).
8. *Oxford Dictionary*. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. (accessed: 04.11.2022).

Морозова Маргарита Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры германистики и межкультурной коммуникации (e-mail: mar.mor@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пятигорский государственный университет»
357500, Пятигорск, пр. Калинина, 9

Донскова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин Новороссийский филиал (e-mail: linguafan@mail.ru), Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
353920, Новороссийск, ул. Куникова, 47б

Morozova Margarita E. – Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of German Studies and Intercultural Communication Department (e-mail: mar.mor@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Pyatigorsk State University»
9 Kalinina, Pyatigorsk, 357500

Donskova Olga A. – Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines Department (e-mail: linguafan@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Pyatigorsk State University»
47-B Kunikova, Novorossiysk, 353920

Поступила в редакцию 30 ноября 2022 г.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АУГМЕНТАТИВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются аугментативные наименования лица в английском языке. Определены денотативные и коннотативные значения рассматриваемых лексем, осуществлена классификация аугментативов по тематическим группам, установлены такие способы семантической деривации аугментативных наименований человека, как метафорический и метонимический перенос.

Ключевые слова: аугментатив, наименование лица, семантический признак, классификация, метафора, метонимия.

SEMANTIC CLASSIFICATION OF AUGMENTATIVE DESIGNATIONS OF A PERSON IN ENGLISH

The article deals with the study of augmentative designations of a person in English. Denotative and connotative meanings of the lexemes under study are ascertained, classification of augmentatives into thematic groups has been carried out, such means of semantic derivation of augmentative designations of a person as metaphorical and metonymic transfer have been identified.

Kew words: augmentative, designation of a person, semantic feature, classification, metaphor, metonymy.

1. Введение

Данная статья посвящена рассмотрению семантических особенностей английских аугментативных наименований лица. В английском языке выделяют синтетические аугментативы, в которых увеличительная семантика представлена на морфологическом уровне, и аналитические аугментативы, в которых такое значение выражено на синтаксическом уровне. Рассмотрим примеры лексических единиц, о которых говорилось выше: *superstar* ‘суперзвезда’ – an exceptionally famous or successful actor, musician, sportsman or sportswoman ‘очень знаменитый или успешный актер, музыкант, спортсмен или спортсменка’; *chief doctor* ‘главврач’ – a physician who holds the highest senior management title at a healthcare facility that treats patients or a hospital ‘врач, который занимает руководящую должность в медицинском учреждении для предоставления услуг пациентам или больнице’.

Аугментативные наименования лица – это оценочные языковые средства обозначения человека, которые передают значение увеличительности обычно с помощью аугментативных аффиксов и выражают различные эмоции от восхищения до презрения.

Следует отметить, что аугментативность находится в неразрывном единстве с диминутивностью, поэтому большая часть того, что говорится о диминутивах, также справедливо и в отношении аугментативов. Данные частные проявления более общей категории количества выполняют аналогичные функции с помощью разных стратегий: диминутивы занижают интенсивность признака, а аугментативы, наоборот, завышают ее.

В ряде работ аугментативность исследовалась как семантическая [Schneider, 2003], функционально-семантическая [Вольф, 2006; Телия, 1996], прагматическая [Резниченко, 2009], морфопрагматическая [Dressler, Barbaresi, 1994] категория. Комплексное изучение аугментативности невозможно без исследования ее взаимосвязи со смежными лингвистическими категориями, такими как интенсивность [Туранский, 1990], оценка [Vyessonova, 2021], эмотивность [Шаховский, 2008]. Кроме того, к аугментативам и диминутивам обращались в связи с изучением градуальности [Ткаченко, 2019], гендерных особенностей выражения оценки [Буряковская, Звонарева, 2011], роли суффиксальных средств в репрезентации эмоций [Попова, Григорова, 2021].

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена многоаспектностью и недостаточной изученностью категории аугментативности в лингвистике, а также необходимостью описания особенностей аугментативных наименований лица, которые называют субъекта языковой коммуникации и занимают важное место в системе языка с учетом его антропоцентрической сущности. **Объектом** исследования данной работы выступают английские аугментативные наименования лица. **Предметом** исследования являются их семантические характеристики.

Методика исследования включает в себя ряд этапов, в том числе: установление критериев отбора материала; определение денотативных и коннотативных значений рассматриваемых лексем; осуществление классификации аугментативов по тематическим группам; выделение и анализ продуктивных семантических признаков в структуре значения; установление способов семантической деривации аугментативных наименований человека.

2. Результаты исследования

2.1. Критерии отбора материала исследования

Так как в фокусе данного исследования находятся аугментативные наименования лица в английском языке, которые способны актуализировать увеличительную и эмоционально-оценочную семантику, одной из задач стало определение критериев отбора эмпирического материала. Основными критериями отбора являются:

1. Маркеры, указывающие на человека (*adjective + person, a person of, a person who, a*

person with);

2. Маркеры увеличительности в дефиниции:

2.1. Прилагательные (*big, senior, chief, superior, head, better, big, great, super, superb, supreme, considerable, major, principal, prima, leading, high(-er/-est), powerful, important, influential, remarkable, prominent, eminent, preeminent, outstanding, extraordinary, exceptional, advanced, dominant, strong, broad, wide, many, a lot of*);

2.2. Наречия (*extremely, very, remarkably, exceptionally, masterly, significantly, highly, particularly, unduly, overly, most*);

2.3. Существительные (*leader, specialist, superiority, authority, rule*);

2.4. Глаголы (*to supervise, to watch, to be in charge of, to be of high rank*);

2.5. Предлоги (*over, above, beyond*);

2.6. Числительные (*first*).

3. Лексикографические пометы:

3.1. Эмотивные пометы (*ironical, vulgar, derogatory*);

3.2. Стилистические пометы (*informal*);

4. Маркеры семантической деривации (*transf.*);

5. Маркеры словообразовательной деривации:

5.1. Прилагательные лексико-семантического поля «большой» (*big, senior, chief, prime, superior, head, grand, master, leading, full, high*);

5.2. Увеличительные аффиксы (*arch-, grand-, great-, super-, mega-, hyper-, over-, proto-, -occio, -oon*).

2.2. Характеристика материала исследования

Материалом исследования послужили 294 аугментативных наименования человека, полученных методом сплошной выборки из авторитетных толковых словарей английского языка: Англо-русский словарь табуированной лексики и эвфемизмов [Кудрявцев, Куропаткин, 2001], The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English [CNPDSUE, 2007], The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical principles [NSOED, 2002].

Несмотря на привлечение значительного корпуса англоязычных лексикографических источников выборка объединяет небольшое количество аугментативов. Скучная представленность аугментативных наименований лица еще более четко просматривается на фоне диминутивных номинаций, которых в английском языке зафиксировано 2129 единиц.

Данное наблюдение можно объяснить по-разному. Во-первых, на количественную оценку влияет человеческий фактор. Превышение нормы считается чем-то неправильным и неестественным, поэтому его стараются всячески избегать. Во-вторых, на восприятие количества оказывают влияние существующие общественные нормы. В социуме сложилось представление о том, что много – это хорошо, а мало – плохо. Человеку же свойственно концентрировать внимание на недостатках, а не достоинствах. В-третьих, непродуктивность аугментативов обусловлена активными словообразовательными процессами. В современном английском языке префиксация значительно уступает суффиксации и считается менее продуктивным способом словообразования. Подтверждением данных слов является тот факт, что среди синтетических наименований лица, то есть таких языковых единиц, которые образованы с помощью аффиксов, аугментативы преимущественно образуются префиксальным способом, а диминутивы – суффиксальным.

2.3. Особенности семантики аугментативных наименований лица в английском языке

Анализ корпуса исследования показал, что в английском языке выделяется 3 типа аугментативных наименований лица:

- 1) те, которые содержат только дескриптивную информацию;
- 2) те, которые содержат только оценочную информацию;
- 3) те, которые содержат дескриптивную и оценочную информацию.

Следовательно, аугментативные наименования человека обладают полифункциональной семантикой и способны выражать рациональную, эмоциональную или смешанную рационально-эмоциональную оценку [Бессонова, Осташова, 2022]. В первом случае оценка осуществляется по шкале «больше – норма – меньше», во втором случае – по шкале «хорошо – безразлично – плохо», в третьем случае оценка базируется на двух шкалах, так как в основе корреляции между рациональной и эмоциональной оценкой лежит когнитивная и эмоциональная связь между реальными свойствами объекта номинации и отношением говорящего к нему.

Денотативными значениями аугментативных наименований лица в английском языке выступают:

- 1) старшинство (*senior warrant officer* ‘старший мичман’ – мичман старшего разряда в вооруженных силах);
- 2) высшая степень проявления качества (*superman* ‘супермен’ – мужчина необычайной силы или с выдающимися способностями);
- 3) интервал между поколениями (*great-granddaughter* ‘правнучка’ – дочь внука

или внушки);

4) первоначальность (*archfather* ‘прародитель’ – тот, от кого ведет свое начало род).

Коннотативные значения аугментативных наименований лица реализуют оценку (положительную или отрицательную) и эмоции:

1) восхищение (*grand marshal* ‘главный маршал’ – человек, удостоенный звания великого маршала парада);

2) презрение (*archtraitor* ‘Иуда’ – коварный предатель).

В ходе исследования установлено, что корпус аугментативных наименований лица английского языка является достаточно разнородным и служит для характеристики человека по роду занятий, семейному родству, поведению, личным убеждениям, выдающимся способностям, межличностным отношениям, состоянию здоровья, характеру и другим признакам (см. табл. 1).

Таблица 1. Количественная характеристика семантических признаков в структуре значения английских аугментативных наименований лица

Семантический признак	Кол-во	%	Пример
Род занятий	136	46,3	<i>prime minister</i> ‘премьер-министр’ – первый министр или лидер избранного правительства
Семейное родство	66	22,4	<i>grandfather</i> ‘дед’ – отец отца или матери
Положение в социальной группе	21	7,1	<i>archduke</i> ‘эрцгерцог’ – великий герцог
Поведение	16	5,4	<i>arch-liar</i> ‘архилжец’ – отъявленный лжец
Личные убеждения	14	4,8	<i>superconservative</i> ‘суперконсерватор’ – очень консервативный человек; радикальный правый
Выдающиеся способности	14	4,8	<i>superbrain</i> ‘супермозг’ – исключительно умный человек; гений
Межличностные отношения	5	1,7	<i>archenemy</i> ‘архивраг’ – заклятый враг
Состояние здоровья	4	1,4	<i>supercrip</i> ‘суперкалека’ – спортсмен-инвалид, который несмотря на трудности вдохновляет других своими достижениями и успехами
Характер	3	1	<i>big head</i> ‘цаца’ – высокомерный человек
Другое	15	5,1	<i>superfan</i> ‘суперфан’ – очень преданный фанат
Всего	294	100	

Из представленной таблицы видно, что самыми многочисленными являются аугментативные наименования лица по роду занятий (136 единиц, 46,3%). Исследуемую тематическую группу составляют наименования человека по:

1) трудовой деятельности (*prime minister* ‘премьер-министр’ – первый министр или лидер избранного правительства);

2) спортивной деятельности (*superbat* ‘супербита’ – превосходный игрок в крикет);

3) криминальной деятельности (*archmurderer* ‘массовый убийца’ – человек, который совершает убийство большого количества людей одновременно или за короткий промежуток времени).

Второе место по продуктивности занимают термины семейного родства, которые выражают значение интервала между поколениями (66 единицы, 22,4%). Лексемы данной тематической группы обозначают родство через:

2 поколения (*grandfather* ‘дед’ – отец отца или матери);

3 поколения (*great-grandchild* ‘правнук, правнучка’ – ребенок внука или внучки);

4 поколения (*great-great-grandmother* ‘прапрабабушка’ – мать прадеда или прабабушки);

много поколений (*primogenitor* ‘пращур, прародитель’ – предок, от которого ведет свое начало род).

Третье место по продуктивности занимают наименования человека по положению в социальной группе (21 единица, 7,1%). В рамках данной тематической группы выделяются обозначения лица по:

1) по сословному титулу (*archduke* ‘эрцгерцог’ – великий герцог);

2) социальной важности (*big gun* ‘шишка’ – важная персона).

Меньшее количество аугментативных наименований лица обозначают человека по его поведению (16 единиц, 5,4%), личным убеждениям (14 единиц, 4,8%), выдающимся способностям (14 единиц, 4,8%).

Примечательно, что среди лексем, характеризующих человека по личным убеждениям, просматриваются аугментативы, свидетельствующие о его ориентации в разных сферах деятельности:

1) политическая ориентация (*superconservative* ‘суперконсерватор’ – очень консервативный человек; радикальный правый);

2) социальная ориентация (*archsexist* ‘архисексист’ – человек с чрезвычайно сексистскими взглядами);

3) религиозная ориентация (*archheretic* ‘архиеретик’ – самый выдающийся еретик).

Аугментативные наименования лица по межличностным отношениям (5 единиц, 1,7%), состоянию здоровья (4 единицы, 1,4%), характеру (3 единицы, 1%) оказались наименее численными.

Отметим, что аугментативные наименования человека по межличностным отношениям выражают исключительно отрицательные эмоции к объекту номинации, такие как враждебность, ненависть, неприязнь.

Однократно или двукратно встречаются 15 аугментативов (5,1%), обозначающих человека по другому признаку: *superfan* ‘суперфан’ – очень преданный фанат; *superbabe* ‘суперкрошка’ – очень сексуально привлекательная молодая женщина.

2.4. Семантическая деривация аугментативных наименований лица в английском языке

Анализ корпуса исследования показал, что аугментативная семантика наименований лица может возникать в результате метафорического и метонимического типов переноса (см. табл. 2).

Таблица 2. Способы семантической деривации английских аугментативных наименований лица

Тип переноса	Кол-во	%	Пример
Метафорический	20	77	<i>big daddy</i> ‘большой папочка’ → о важном и влиятельном мужчине
Метонимический	6	23	<i>big mouth</i> ‘большой рот’ → слишком многословный, болтливый или хвастливый человек
Всего	26	100	

Метафорический перенос занимает первое место по продуктивности (20 единиц, 77%) и представлен тремя моделями: человек → человек (8 единиц), предмет → человек (8 единиц), животное → человек (4 единицы). Типы регулярного метафорического переноса **человек → человек** и **предмет → человек** являются наиболее продуктивным.

Лексика семантической сферы «человек» подразделяется на следующие тематические группы: семейное родство, род занятий, возраст. Например, важного и влиятельного человека шутливо называют *big daddy* ‘большой папочка’, тем самым сравнивая его с главой семейства, от решений и поступков которого зависит благополучие его семьи.

Лексика семантической сферы «предмет» включает названия оружия, механизмов, денег, еды. Например, влиятельный человек ассоциируется с пушкой, мощным артиллерийским оружием большого калибра, предназначенным для подавления огневых средств: *big gun* ‘пушка’ – шишка, крупная фигура. А должностное лицо, занимающее высокий пост, сравнивают с блюдом мексиканской кухни под названием энчилада, которое имеет вид блинчика с острой мясной начинкой: *big enchilada* ‘большая энчилада’ – высший руководитель. Данное метафоричное выражение было введено, а затем популяризовано администрацией американского президента Ричарда Никсона во время Уотергейтского скандала (1972-1974) и адресовано генеральному прокурору Джону Митчеллу, который

выступил главным объектом обвинений в этом процессе.

Модель метафорического переноса **животное** → **человек** является менее продуктивной. В семантической сфере «животное» выделены тематические группы млекопитающие, птицы, рыбы. К примеру, кондуктора поезда, предназначенного для перевозки тяжелых грузов, сравнивают с быком, крупным и сильным животным, часто используемым в качестве тягловой силы: (*big ox* ‘большой бык’ – кондуктор грузового поезда).

Метонимический тип переноса оказался непродуктивным (6 единиц, 23%). Примером аугментативного наименования лица, образованного посредством данного способа семантической деривации, может послужить лексема *big mouth* ‘большой рот’, которая обозначает болтливого или хвастливого человека. В данном случае наблюдается перенос по модели **соматизм** → **человек**, поскольку ротовая полость является частью речевого аппарата и участвует в формировании звуков и речи.

3. Выводы

Языковая категория количества выступает средством выражения категории размера, которая вербализована с помощью аугментативов, передающих значение увеличительности и превышения нормы, и диминутивов, выражающих значение малости и недостижения нормы.

В результате исследования установлен корпус английских аугментативных наименований лица, который составляют 294 единицы. Сравнение объема двух корпусов, а именно аугментативов и диминутивов, дает возможность сделать вывод о том, что лексемы с увеличительной семантикой в английском языке менее продуктивны, чем лексемы с уменьшительной семантикой, что объясняется человеческим фактором и установленными общественными нормами, влияющими на количественную оценку, а также активными словообразовательными процессами современного английского языка.

Денотативными значениями аугментативных наименований лица в английском языке являются старшинство, высшая степень проявления качества, интервал между поколениями, первоначальность; коннотативные значения реализуют эмоции, находящиеся на противоположных концах оценочной шкалы, а именно восхищение и презрение. Следовательно, аугментативные обозначения человека обладают полифункциональной семантикой и способны выражать три типа оценочных значений: рациональную, эмоциональную и рационально-эмоциональную оценку.

Анализ семантических особенностей аугментативных наименований лица позволил выделить 10 тематических групп, а именно: род занятий, семейное родство, положение в

социальной группе, поведение, личные убеждения, выдающиеся способности, межличностные отношения, состояние здоровья, характер, другое. Количественный анализ аугментативов, входящих в вышеперечисленные тематические группы, показал, что наиболее многочисленными являются аугментативные наименования лица по роду занятий.

Основным механизмом реализации аугментативной семантики наименований лица в английском языке является метафорический перенос, в то время как метонимический перенос непродуктивен. Метафорический перенос представлен моделями человек → человек, предмет → человек, животное → человек.

Таким образом, аугментативные наименования лица выражают отклонение от нормы, принятой для данного класса объектов, и выполняют, главным образом, оценочную и экспрессивную функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О. Л., Остахова О. И. Оценочное высказывание в англоязычном художественном дискурсе XIX-XX веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2022. Т. 21. № 4. С. 72-86.
2. Буряковская А. А., Звонарева Ю. Н. Гендерные особенности выражения оценки при помощи диминутивов и аугментативов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. №2. С. 448-454.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва: КомКнига, 2006. 280 с.
4. Попова О. А., Григорова Е. А. Диминутивные и аугментативные суффиксы в новообразованиях периода пандемии (на материале «Словаря русского языка коронавирусной эпохи») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 12. С. 3784-3787.
5. Резниченко Л. Ю. Специфика диминутивных номинаций лица (на материале английского, немецкого и русского языков) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2009. № 5. С. 70-89.
6. Телия В. Н. О различии рациональной и эмотивной / эмоциональной оценки // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. Москва: Институт языкознания РАН, 1996. С. 31-38.
7. Ткаченко С. Г. Градуальность в английской фразеологии: лингвокультурологический аспект. Донецк: ООО НПП «Фолиант», 2019. 195 с.
8. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. Москва: Высш. шк., 1990. 173 с.
9. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Москва: Гнозис, 2008. 416 с.
10. Byessonova O. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community // The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries: Collective monograph / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarina Žeňuchová. Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. P. 259-284.
11. Dressler W. U., Barbaresi L. M. Morphopragmatics: diminutives and intensifiers in Italian, German and other languages. Berlin, 1994. 682 p.
12. Schneider K. P. Diminutives in English. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2003. 266 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Англо-русский словарь табуированной лексики и эвфемизмов / под ред. А. Ю. Кудрявцева, Г. Д. Куропаткина. Минск: ООО «Кузьма», 2001. 384 с.
2. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. Routledge, 2007. 740 p. [CNPDSUE].
3. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford: Oxford University Press, 2002. 3750 p. [NSOED].

REFERENCES

1. Bessonova, O. L., Ostashova, O. I. (2022). Otsenochnoe vyskazyvanie v angloyazychnom khudozhestvennom diskurse XIX-XX vekov [Evaluative Utterance in the English-Speaking Fictional Discourse of the 19th and 20th Centuries]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. Vol. 21. No. 4. Pp. 72-86. (In Russ.).
2. Buryakovskaya, A. A., Zvonareva, Yu. N. (2011). Gendernye osobennosti vyrazheniya otsenki pri pomoshchi diminutivov i augmentativov [Gender Particularities of Evaluation Expression by Means of Diminutives and Augmentatives]. In *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No. 2. Pp. 448-454. (In Russ.).
3. Volf, E. M. (2006). *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
4. Popova, O. A., Grigorova, E. A. (2021). Diminutivnye i augmentativnye suffiksy v novoobrazovaniyakh perioda pandemii (na materiale «Slovyarja russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi») [The Role of Diminutive and Augmentative Suffixes in the Formation of Corona-Related Neologisms (based on «Russian COVID-19 Dictionary»)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12. Pp. 3784-3787. (In Russ.).
5. Reznichenko, L. Yu. (2009). Spetsifika diminutivnykh nominatsiy litsa (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov) [Specificity of Diminutive Nominations of a Person (based on English, German and Russian)]. In *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. No. 5. Pp. 70-89. (In Russ.).
6. Teliya, V. N. (1996). O razlichii ratsionalnoy i emotivnoy / emotsionalnoy otsenki [To the Realisation of Rational and Emotive / Emotional Evaluation]. In *Funktsionalnaya semantika: Otsenka, ekspressivnost, modalnost*. Moskva: Institut yazykoznaniiya RAN. Pp. 31-38. (In Russ.).
7. Tkachenko, S. G. (2019). *Gradualnost v angliyskoy frazeologii: lingvokulturologicheskiy aspekt* [Graduality in English Phraseology: Linguocultural Aspect]. Donetsk: ООО NPP «Foliant». (In Russ.).
8. Turanskiy, I. I. (1990). *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke* [Semantic Category of Intensity in English]. Moskva : Vyssh. shk. (In Russ.).
9. Shakhovskiy, V. I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic Theory of Emotions]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
10. Byessonova, O. (2021). Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community. In *The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries: Collective monograph / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarína Žeňuchová*. Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University. Pp. 259-284.
11. Dressler, W. U., Barbaresi, L. M. (1994). *Morphopragmatics: diminutives and intensifiers in Italian, German and other languages*. Berlin.
12. Schneider, K. P. (2003). *Diminutives in English*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Anglo-russkiy slovar tabuirovannoy leksiki i evfemizmov* [English-Russian Dictionary of Taboo Vocabulary and Euphemisms]. In A. Yu. Kudryavtseva, G. D. Kuropatkina (ed.). Minsk: ООО «Kuzma», 2001. (In Russ.).
2. *The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English*. Routledge, 2007.
3. *The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Осокова Анна Сергеевна – аспирант
кафедры английской филологии
(e-mail: anna_ososkova@mail.ru),
Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донецкий национальный
университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Ososkova Anna S. – Post-Graduate Student
of English Philology Department
(e-mail: anna_ososkova@mail.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 23 ноября 2022 г.

УДК 81'33

© 2022 Г. М. Чопсиева

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ-РЕАЛИЙ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МИГРАЦИОННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Статья посвящена рассмотрению прагматического аспекта этнографических терминов реалий в немецкоязычном миграционном дискурсе на материале глоссариев миграционных процессов и корпуса газетных статей. Миграционная лингвистика занимается изучением дискурса СМИ, который носит ситуативный и социокультурный характер. Установлено, что этнографические реалии обладают большим прагматическим потенциалом и способствуют формированию определенного образа мигрантов.

Ключевые слова: прагмалингвистика, медиадискурс, термин-реалия, мигрант, миграция, миграционная лингвистика.

© 2022 G. M. Chopsieva

PRAGMALINGUISTICS ASPECT OF USING ETHNOGRAPHIC REALITY TERMS IN GERMAN MIGRATION MEDIA DISCOURSE

The article is devoted to analysis of the pragmatic aspect of the ethnographic reality terms in the German migration discourse based on the glossaries of migration processes and the corpus of newspaper articles. Migration linguistics deals with the study of media discourse, which is situational and socio-cultural. Ethnographic realities have great pragmatic potential and contribute to the formation of a certain image of migrants.

Key words: pragmalinguistics, media discourse, reality term, migrant, migration, migration linguistics.

Введение

Увеличение миграционных потоков и рост культурного взаимодействия между различными ее представителями является отличительным признаком современного мироустройства. Основной причиной данного явления выступает перемещение мигрантов из стран Северной Африки в Европу, начиная с 2015 года. Политика европейских стран, в особенности Германии, направленная на формирование привлекательности проживания стране и толерантности по отношению к беженцам, способствовала их большому притоку. Европейский миграционный кризис стал причиной острых дискуссий в обществе и СМИ, т. к. культура прибывающего и местного населения сильно отличается, что препятствует успешному межкультурному взаимодействию [Чопсиева, 2021: 181].

Недовольство местного населения, проблемы интеграции и культурные различия стали с 2015 года актуальными темами публикаций в немецкоязычном миграционном медиадискурсе. В связи с этим, появилась необходимость формирования положительного образа мигранта, а также воздействующего использования лексических единиц при

освещении вышеупомянутых тем [Ленец, Терюха, 2019: 6]. Так, объединением журналистов в Германии созданы глоссарии, которые предоставляют «не дискриминирующий» набор терминов и список нежелательных для описания миграционных процессов лексических единиц. Данные глоссарии содержат набор определённых терминов-реалий, использование которых является эффективным средством управления общественным сознанием.

Термины-реалии представляют собой лексемы, обозначающие реалии быта и общественной жизни, специфичные для какой-либо страны, народа или местности [Алексеева, 2004: 181]. **Цель настоящей статьи** заключается в анализе использования этнографических терминов-реалий миграционных процессов и их описании с позиции прагмалингвистики. Обозначенная цель требует решения следующих задач: 1) определение содержания понятия этнографической реалии; 2) описание использования обнаруженных этнографических терминов-реалий в миграционном медиадискурсе; 3) установление прагматического потенциала этнографических терминов-реалий при создании образа мигранта.

Материалом исследования глоссарии миграционных процессов 2015-2021 гг., а также статьи, посвященные миграционной тематике в немецких газетах и журналах *Der Spiegel*, *Die Welt*, *Die Zeit*, *Süddeutsche Zeitung* (2015-2022 гг.). Методом сплошной выборки было отобрано 30 этнографических терминов-реалий из глоссариев миграционных процессов *Neue Deutsche Medienmacher*innen* (Германия, далее NdM), а также 40 статей о миграционных процессах в Германии из корпуса газетных статей IDS-Korpora (IDS-Mannheim). Для текстового анализа выбраны архивы следующих немецких изданий: *Die Welt*, где публикуются аналитические материалы, затрагивающих тему миграции и мигрантов. *Der Spiegel*, *Die Zeit* известны как одни из самых тиражируемых немецкоязычных газет международной направленности. Немецкое издание *Süddeutsche Zeitung* является крупнейшей региональной газетой. Выбранные новостные каналы охватывают большую аудиторию читателей и оказывают влияние на мнение общества по вопросам миграции.

Для исследования прагматического аспекта этнографических терминов реалий применялись следующие лингвистические **методы**: метод полевого моделирования, с помощью которого установлено соотношение ядра и периферии лексемы *Migration*; методы лингвокультурологического и контекстуального анализа, позволяющие выявить культурные особенности действительности, создаваемой в медиатекстах.

Миграционные процессы изучаются отечественными и зарубежными исследователями с различных позиций. Изучением данных лингвистических аспектов, релевантности языковой динамики и её вариативности занимается миграционная лингвистика (*Migrationslinguistik*), которая определяется как наука, изучающая процесс постоянных и временных изменений языка участников миграционного процесса, зависящие от временных, мотивационных, социокультурных факторов, отраженных в средствах массовой коммуникации [Желтухина, 2019: 6]. Предмет изучения данного направления включает формирование базовых категорий, развитие теоретико-методологической базы и разработку системы методов миграционной лингвистики [Шустова, 2018: 117].

Как новое направление науки миграционная лингвистика динамично развивается в европейской лингвистической науке такими учеными как Т. Крефельд, Т. Штель, Е. Гутенбергер. Т. Крефельд фокусирует свое внимание на одной из основных свойств языковой системы – вариативности, которая характеризуется, как способность языковой системы получать реализацию в речи в виде множества вариантов. Учёный развивает концепцию коммуникативного пространства, которое может служить моделью для многообразных коммуникативных пространств [Krefeld, 2004: 19]. Е. Гутенбергер придерживается мнения о необходимости разработки междисциплинарного подхода в миграционной лингвистике, а также формировании новой методологической базы и корпуса данных [Gutenberger, 2018: 18]. Миграционная лингвистика связана с такими аспектами лингвистической науки, как теория коммуникации, межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика, лексическая семантика, дискурсология [Шустова, Исаева, 2019: 20].

Ключевым объектом изучения миграционной лингвистики является миграционный дискурс, который представляет собой социальную практику коммуникации участников социального и политического феномена – миграции [Шустова, 2018: 120]. Обширность и связь миграционных процессов с различными сферами общества позволяет выделить «миграционный дискурс» в отдельный, самостоятельный тип дискурса. В силу того, что основной объём информации о мигрантах и миграции транслируется обществу через средства массовой информации, возникает необходимость рассмотрения понятия «медиадискурс». Данный тип дискурса определяется как связанный с прагматическими, социокультурными и др. факторами вербальный / невербальный, устный / письменный текст, производимый СМИ [Viola, Musolff, 2019: 302]. Исходя из определений выше, можно заключить, что под «миграционным медиадискурсом» понимается совокупность

процессов, продуктов речевой деятельности в массовой коммуникации, направленных на освещение и трансляцию обществу актуальных вопросов миграции.

Дискурс СМИ носит ситуативный и социокультурный характер, отличается использованием специальных языковых средств, отвечающих конкретным целям и задачам [Ленец, Зарипова, 2018: 77]. Частота употребления определённых лексических единиц позволяет установить ключевые аспекты и проблемы конкретного общественного явления. Так, в данном исследовании интерес представляет анализ языковых средств описания миграционных процессов.

Результаты исследования. Рассмотрим лексико-семантическое поле лексемы *Migration*. В немецкоязычном корпусе DWDS на материале медиатекстов ядро лексико-семантического поля *Migration* составляют такие существительные, как *Menschenschicksal*, *Steuerung*, *Eindämmung*, которые описывают влияние событий, связанных с миграцией, на судьбу отдельного человека, на проблему сложности регулирования потока миграции принимающим государством. Кроме того, в газетном корпусе IDS-Korpora в изданиях *Der Spiegel (DS)*, *Die Welt (DW)*, *Die Zeit (DZ)*, *Süddeutsche Zeitung (SDZ)* лексема *Migration* употребляется с рядом существительных (*Flüchtlinge*, *Bundesamt*, *Integration*, *Europa*, *Flucht*) и прилагательных, которые указывают на ключевые проблемы миграции и характеризуют процесс миграции как неконтролируемый (*unkontrolliert*), нелегальный (*illegal*), сложно регулируемый (*irregulär*) процесс, который имеет массовый характер (*massenhaft*).

С указанными ключевыми лексическими единицами в немецком языке образуются различные термины-реалии миграционных процессов. Особую группу в классификации терминов-реалий занимают предметные, включающие в себя географические, общественно-политические и этнографические реалии. Географические реалии в медиасообщениях о миграции используются для обозначения стран прибытия и локализации мигрантов (*Maghreb-Staate*). К общественно-политическим реалиям относятся политические организации, органы власти, административно-территориальные единицы и социальные явления [Алексеева, 2004: 183].

Под влиянием миграционных процессов в языке могут появляться новые термины, необходимые для обозначения возникших социальных реалий [Зарипова, 2019: 98]. Например, следующий ряд лексических единиц иллюстрирует степень миграции, а именно указывает на его массовость: *Migrationsflut*, *Flüchtlingswelle*, *Migrationswelle*, *Flüchtlingsstrom*, *Flüchtlingsansturm*. Использование данных лексем в статьях о миграционных процессах формирует в сознании граждан опасения относительно

массового притока мигрантов, что создаёт их негативный образ.

Manche von uns fürchten den Terror, der Blutspuren durch die Straßen unserer Städte gezogen hat, manche fürchten die ungeheure Migrationswelle, die unsere Grenzen bestürmt, manche fürchten, durch diese Flut ihre Arbeit zu verlieren [DZ, 2018].

Rom und Bern wappnen sich für Flüchtlingsstrom [SDZ, 2018].

Flüchtlingsansturm an polnischer Grenze: Europa wurde überrascht – dabei war die Krise abzusehen [SDZ, 2019].

Особую группу представляют этнографические реалии, которые включают в себя лексические единицы для обозначения пищи, предметов одежды, утвари, праздников, религиозных терминов, обычаев и ритуалов. Данные лексемы обладают большим прагматическим потенциалом, т.к. являются непосредственно связанными с культурой и в контексте употребления могут создавать как положительный, так и отрицательный образ мигранта. В обиход вводятся этнографические реалии, характеризующие культуру прибывающего населения и несущие в себе лингвокультурный смысл. В глоссариях миграционных процессов приводится целый ряд подобных реалий *Blutrache, Boko-Haram, Burka, Clan-Kriminalität, Ehrenmord, Hadith, Haram, Koran, Kopftuch, Kabbala, Kippa, Koscher* и др. Данные лексические единицы обладают выраженной национально-культурной спецификой, привязкой к национальной лингвокультуре и формируют зависимости от контекста как положительный, так и отрицательный образ мигранта. Например, упоминание реалий *Blutrache, Ehrenmord* в статьях раскрывает такие противозаконные для немецкоязычного пространства обычаи мигрантов, как кровная месть, убийства в защиту чести и формируют негативный образ.

«In Syrien», sagt Nadims Vater, «hätten wir die Situation mit Blutrache zwischen den Familien geregelt. Die Familie des Opfers wäre zur Familie des Täters gegangen und hätte das geklärt, die Polizei mischt sich nicht ein» [DZ, 2019].

Ein gutes Beispiel ist schon der Begriff «Ehrenmord». Ich nenne es Femizid, denn es geht um Frauen oder Mädchen, die ermordet wurden, weil sie weiblich sind. Ansonsten ist es einfach Mord, man sollte es Mord nennen und es auch so behandeln [DZ, 2019].

Лексическая единица *Haram*, обозначает деяния, запрещённые в исламе, и является нейтральным. Однако в последние годы данная лексема в немецких СМИ встречается в основном в сочетании *Boko-Haram*. Согласно глоссариям миграционных процессов, организация *Boko-Haram* представляет собой террористическую исламистскую организацию, основанную на северо-востоке Нигерии в 2009 году. Так, частое использование реалии *Haram*, размывает исходное ее значение и формирует

отрицательное отношение к исповедующим ислам:

Die Freiheit vieler Nigerianer bedroht seit Jahren vor allem die sunnitische Islamistengruppe Boko Haram, durch deren Anschläge Tausende gestorben sind [DS, 2019].

Die Terrormiliz Boko Haram bedroht Gemeinden im Nordosten Nigerias sowie in den Nachbarländern Tschad, Niger und Kamerun [DS, 2018].

В следующем примере иллюстрируются опасения исповедующих ислам и иудаизм в вопросе возможности соблюдения предписаний их религии в чужой стране. В данном случае речь идёт об употреблении в пищу «разрешенной» в религии пищи: *koscher* и *halal*.

Dort hatte die Region Flandern die Schlachtung ohne Betäubung 2017 aus Tierschutzgründen verboten. Jüdische und muslimische Verbände klagten dagegen. In beiden Religionen gibt es Vorschriften zum Schlachten ohne Betäubung, um Fleisch kosher oder halal herzustellen. Gläubige sehen ihre Religionsfreiheit in Gefahr [DS, 2020].

Вместе с тем в Германии поднимается вопрос толерантного отношения к религиозным традициям представителей других культур. Так, в статье указывается на то, что для вегетарианцев существует определенный знак качества на продуктах, который гарантирует их пригодность для употребления в пищу, исходя из принципов вегетарианства. Для мусульман соответствующего знака, на который им можно ориентироваться при покупке продуктов, нет. Употребление в пищу дозволенной пищи, т.е. *halal* является также религиозным предписанием, отступление от которой не приветствуется:

«Im deutschen Handel stoßen sie mit Halal auf verständnisvolle Ablehnung. Ich behaupte, dass die Muslime derzeit mit Absicht nicht beachtet werden», sagt Bungenberg. Für ihn ist schwer nachvollziehbar, warum 1,3 Millionen Veganer in Deutschland ein allgemeingültiges Qualitätssiegel als Einkaufshilfe haben, Muslime aber nicht [DS, 2020].

В следующем примере мусульманская женская верхняя одежда *Burka*, закрывающая лицо и распространенная в странах Ближнего Востока, ассоциируется с резко радикальными последователями Ислама и воспринимается принимающим населением резко отрицательно, т.к. для представителей европейской культуры закрытое лицо транслирует неизвестность и опасность:

Zuweilen nimmt die Debatte absurde Züge an, wenn auf der psychologischen Ebene Ängste geschürt werden, in verschwörungstheoretischen Höhenflügen vor dem drohenden Untergang der europäischen Zivilisation durch Barträger, Burkaverhüllte und Bombenwerfer gewarnt wird [DS, 2017].

Dabei sind allenfalls die extremen Verschleierungen – etwa jene durch die Burka –

exklusiv dem Islam vorbehalten [DZ, 2015].

*Wer darauf besteht, dass seine Frau in der **Burka** herumläuft, der kann das gerne tun. Zum Beispiel in Afghanistan oder Pakistan [DZ, 2015].*

В следующих примерах авторы статей указывают на то, что форма одежды не должна быть причиной нетолерантного отношения к её представителям и их дискриминации. В данном случае хиджаб воспринимается менее негативно, чем бурка, т. к. лицо у женщин в хиджабе, в отличие от бурки, часто бывает открытым:

*Die 20 Jahre alte Boxerin muslimischen Glaubens kämpft mit einem **Hijab** und hat dazu den Körper bis auf das Gesicht völlig verdeckt. Der deutsche Verband hat das bereits erlaubt, auch in den USA ist es gestattet, so zu boxen [DS, 2019].*

*Die Apothekerin mit **Hijab** spielt mit ihrem Sohn auf dem Spielplatz. Sie wird von Alexander W. als Islamistin und Terroristin beschimpft. Sherbini benachrichtigt die Polizei. Alexander W. wird zu einer Geldstrafe von 780 Euro verurteilt [SDZ, 2019].*

Выводы. Таким образом, анализ глоссариев и газетных статей показал, что выявленные термины-реалии являются экзотизмами и обладают национально-культурной спецификой мусульманских стран Ближнего Востока. Данный факт объясняется высокой долей мигрантов из Турции, а также большим наплывом беженцев из Сирии во время Европейского миграционного кризиса 2015 года. Большое количество религиозных реалий отражает сильную привязку культуры мигрантов к исламской религии и их чуждость немецкому обществу.

Этнографические термины-реалии обладают выраженной привязкой к определённой этнокультуре и большим прагматическим потенциалом. В зависимости от контекста их употребления в дискурсе, СМИ могут оказывать влияние на общественное сознание и формировать необходимое общественное мнение о мигрантах. Реалии чужой культуры, в данном случае культуры мигрантов, могут оцениваться и восприниматься населением отрицательно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Москва: Академия, 2004. 352 с.
2. Желтухина М. Р. Миграционная медиалингвистика: конфликт vs. кооперация в межкультурной коммуникации // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019. С. 6-21.
3. Зарипова А. Н. Термины-реалии в системе специальной культурологически маркированной лексики (на материале немецкой прессы) // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 1-2 (79). С. 98-101.

4. Ленец А. В., Зарипова А. Н. Лингвокультурный и прагматический аспекты использования терминов-реалий в медийных сообщениях о миграции (на материале медийного дискурса Германии и Австрии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: лингвистика и педагогика. 2018. № 4 (29). С. 73-81.

5. Ленец А. В., Терюха Н. Г. Коммуникативно-прагматическая категория «Толерантность» как ценностная константа в современной немецкой лингвокультуре (на материале газеты «Die Zeit») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. 2019. № 4. С. 5-14.

6. Чопсиева Г. М. Лингвистические средства портретирования мигранта в англо- и немецкоязычном миграционном дискурсе // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. № 4. С. 179-184.

7. Шустова С. В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4. № 2. С. 114-125.

8. Шустова С. В., Исаева Е. В. Миграционная лингвистика: становление и развитие // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2019. С. 5-64.

9. Gutenberg E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieren und Galicierinnen in Argentinien. Wien: LiT Verlag, 2018. 664 S.

10. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. 173 S.

11. Viola L., Musolff A. Migration and Media. Juhn Ben Jamins Publishing Company, 2019. 372 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. DWDS: Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. Available at: <https://www.dwds.de/wp/?q=F1%C3%BChtling>. (accessed: 04.10.2019).

2. Glossar der neuen deutschen Medienmacher. Formulierungshilfen für die Berichterstattung im Einwanderungsland. Berlin: Bundesamt für Migranten und Flüchtlinge. 2018. 68 S.

3. IDS-Korpora. Leibniz Institut für deutsche Sprache. Available at: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>. (accessed: 28.01.2022).

REFERENCES

1. Alekseeva, I. S. (2004). *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to Translation Studies]. Moskva: Akademiya. (In Russ).

2. Zheltukhina, M. R. (2019). Migratsionnaya medialingvistika: konflikt vs. kooperatsiya v mezhkulturnoy kommunikatsii [Migration Media Linguistics: Conflict vs. Cooperation in Intercultural Communication] In *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoy nauchnoy paradigme: mediatsionnye praktiki*. Perm: Izdatelstvo «Permskiy gosudarstvennyy natsionalnyy issledovatel'skiy universitet». Pp. 6-21. (In Russ).

3. Zariyova, A. N. (2019). Terminy-realii v sisteme spetsialnoy kulturologicheskoi markirovannoy leksiki (na materile nemetskoy pressy) [Realia Terms in the System of Special Culturologically Marked Vocabulary (based on German press)]. In *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. No. 1-2 (79). Pp. 98-101. (In Russ).

4. Lenets, A. V., Zariyova, A. N. (2018). Lingvokulturnyy i pragmaticheskiy aspekty ispolzovaniya terminov-realiy v mediynykh soobshcheniyakh o migratsii (na materiale mediynogo diskursa Germanii i Avstrii) [Linguocultural and Pragmatic Aspects of Reality Terms Usage in Media Messages about Migration (based on media discourse of Germany and Austria)]

In *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika*. No. 4 (29). Pp.73-81. (In Russ).

5. Lenets, A.V., Teryukha, N. G. (2019). Kommunikativno-pragmatische kategoriya «Tolerantnost» kak tsennostnaya konstanta v sovremennoy nemetskoj lingvokulture (na materiale gazety «Die Zeit») [The communicative-pragmatic category «Tolerance» as a value-based constant in modern German linguoculture (based on «Die Zeit» newspaper)]. In *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: filologiya, pedagogika, psikhologiya*. No. 4. Pp. 5-14 (In Russ.).

6. Chopsieva, G. M. (2021). Lingvisticheskie sredstva portretirovaniya migranta v anglo- i nemetskojazychnom migratsionnom diskurse [Linguistic Means of Portraying a Migrant in English and German Migration Discourse] In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4. Pp. 179-184. (In Russ).

7. Shustova, S. V. (2018). Migratsionnaya lingvistika i migratsionnyy diskurs [Migration Linguistics and Migration Discourse]. In *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. Vol. 4. No. 2. Pp. 114-125. (In Russ).

8. Shustova, S. V., Isaeva, E. V. (2019). Migratsionnaya lingvistika: stanovlenie i razvitie [Migration Linguistics: Formation and Development]. In *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoy nauchnoy paradigme*. Perm: Izdatelstvo «Permskiy gosudarstvennyy universitet». Pp. 5-64. (In Russ).

9. Gutenberger, E. (2018). *Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien*. Wien: LiT Verlag.

10. Krefeld, Th. (2004). *Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.

11. Viola, L., Musolff, A. (2019). *Migration and Media*. Juhn Ben Jamins Publishing Company.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. DWDS: *Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute*. Available at: <https://www.dwds.de/wp/?q=Fl%C3%BChtling>. (accessed: 04.10.2019).

2. *Glossar der neuen deutschen Medienmacher*. Formulierungshilfen für die Berichterstattung im Einwanderungsland. Berlin: Bundesamt für Migranten und Flüchtlinge. 2018.

3. *IDS-Korpora*. Leibniz Institut für deutsche Sprache. Available at: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>. (accessed: 28.01.2022).

Чопсиева Гюльсум Мамед кызы – аспирант, преподаватель кафедры немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации (e-mail: chopsieva@sfedu.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93

Chopsieva Gyulsum M. – Postgraduate Student, Lecturer of German Philology Department of Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication (e-mail: chopsieva@sfedu.ru), Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education «Southern Federal University» 93 Universitetskiy, Rostov-on-Don, 344006

Поступила в редакцию 29 ноября 2022 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.112.2+811.161.1

© 2022 В. Ф. Белова, Г. А. Лебеденко, Л. А. Велис

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЖАНРОВ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена лингвистическому анализу текстов религиозного дискурса в немецком и русском языках. В работе выявлены и описаны такие особенности религиозного дискурса, как обширность границ использования, мистицизм, сакральность, консерватизм, вербальность / невербальность, эксплицитность / имплицитность. Сопоставительный анализ пяти жанров (молитвы, псалмы, притчи, проповеди, исповеди) позволил выделить их основные лингвистические характеристики и коммуникативные особенности.

Ключевые слова: религиозный дискурс, немецкий язык, русский язык, жанры, средства выразительности.

© 2022 V. F. Belova, G. A. Lebedenko, L. A. Velis

LINGUISTIC PECULIARITY OF RELIGIOUS DISCOURSE GENRES IN GERMAN AND RUSSIAN

The article is devoted to the linguistic analysis of religious discourse texts in German and Russian. The paper identifies and describes such features of religious discourse as the vastness of the boundaries of use, mysticism, sacredness, conservatism, verbal / non-verbal, explicit / implicit. A comparative analysis of five genres (prayers, psalms, parables, sermons, confessions) made it possible to identify their main linguistic characteristics and communicative features.

Key words: religious discourse, German language, Russian language, genres, means of expression.

Статья посвящена изучению лингвистических особенностей религиозного дискурса на материале лексических единиц, используемых в религиозных жанрах немецкого и русского языков.

Религия в Германии и России считается неотъемлемой частью культуры и быта. Актуальность данной работы заключается в необходимости исследовать способы репрезентации религиозного дискурса в немецком и русском языках.

Материалом лингвистического изучения являются тексты из Священного Писания, а также тексты проповедей, молитв, притч и исповедей.

Целью работы является выявление специфических лингвистических черт в немецком и русском религиозном дискурсе и исследование применения самого дискурса на практике в церковной деятельности.

Термин «дискурс» становится все более полисемичным, и на сегодняшний день существуют различные подходы к его описанию.

В. И. Карасик при распределении подходов на четыре вида (коммуникативный, структурно-синтаксический, структурно-стилистический, социально-прагматический) подчеркивает их специфику и определяет дискурс как вербальное общение или знаковую структуру, как сверхфразовое единство, в котором связность в смысловом отношении рассматривается как основной признак, как стилистически своеобразно организованную нетекстовую разговорную речь, текст, ориентированный на ситуацию общения [Карасик, 1999: 5].

Особый интерес вызывает религиозный дискурс, поскольку в его основе лежит религиозный аспект. Он характеризуется консервативностью, наличием норм, правил, обрядов, традиций и т. д. Религиозный дискурс – это комплексное понятие, имеющее сложную разветвленную структуру и представляющее собой речемыслительную деятельность в профессиональной сфере. Можно определить следующие основные особенности данного дискурса:

1. Обширность границ использования

Особое внимание данному аспекту религиозного дискурса уделила в своей работе Е. В. Бобырева. Она отмечает разные виды религиозного общения: не только в церкви, но и в религиозных группах, в прямом общении человека с Богом. Таким образом, одной из особенностей религиозного дискурса можно считать его многосторонность и обширность [Бобырева, 2008: 162].

Более того, выход религиозного дискурса за пределы церкви также объясняется быстрым развитием технологий и средств массовой коммуникации. К. В. Лученко отмечает, что в современном мире Интернет выступает «одним из основных каналов распространения информации о религии, важной площадкой информационно-коммуникационного обмена внутри религиозных организаций и одним из средств для осознания индивидуумом своей культурной и религиозной идентичности» [Лученко, 2009: 106].

2. Мистицизм (общение с Богом, получение откровений и т. д.).

3. Сакральность и консерватизм.

Эти особенности включают в себя сохранение догматического потенциала. Воспроизведение сакрального текста достигается благодаря использованию устаревшей лексики, экспрессивно-возвышенной, религиозной терминологии, цитирования, а также за счет применения изобразительно-выразительных средств [Кожемякин, 2016: 169].

С лингвистической точки зрения можно выделить ряд следующих особенностей

религиозного дискурса:

1. Коммуникативные особенности

– Вербальный и невербальный уровни. Если под вербальным религиозным дискурсом мы понимаем цитирование текстов, произнесение проповедей или молитв, пение псалмов, то к невербальному аспекту следует отнести различные ритуалы, т. е. действия, совершаемые в строгом порядке, по строго закрепленным канонам.

– Эксплицитность и имплицитность. Религиозный дискурс, подобно любому дискурсу, может передавать информацию как открыто, так и скрытно. С этой особенностью тесно связана такая черта религиозного дискурса, как многогранность. Многогранность заключается в том, что не всякий скрытый смысл понятен людям одинаково. Каждый видит то, что в определенный период его жизни ему необходимо.

– Центральное действующее лицо – Бог – Творец. Все, что проповедник излагает в проповеди – не его слова, но размышления и передача того знания и повеления, которые были оставлены Богом.

– Цитирование и сакральность текста. Данный пункт вытекает из предыдущего, поскольку все религиозные течения так или иначе основаны на Библии – священной книге Христиан. Цитирования Священного Писания позволяют не только придать словам силу, авторитетность и правильность, но и в какой-то степени снять с себя ответственность, поскольку проповедник уже говорит не от себя, но является посредником, транслирующим повеления могущественного Бога.

– Изобразительность и наглядность. С целью воздействия на чувства и воображение верующих во всех жанрах используются метафора, сравнения, противопоставления, эпитеты, гипербола, аллегория (чаще всего в притчах), олицетворение (каноны, акафисты, молитвы).

2. Лексические особенности

С точки зрения лексической специфики в немецкоязычных религиозных текстах преобладает лексика общерелигиозной тематики, включающая единицы, характерные многим монотеистическим религиям. Далее следуют единицы, выражающие основные христианские догматы. Третью группу составляют лексемы, характерные отдельным христианским течениям.

Лексические единицы относятся к следующим группам: библеистика, богословие, церковная история, богослужение, аскетика, бытовая сфера.

Характерным для религиозного дискурса является наличие устаревших слов и

использование эвфемизмов.

3. Особенности на стилистическом уровне

В текстах религиозного дискурса отмечается наличие стилистических средств и тропов (анафора, повторы, антитеза, синтаксический параллелизм, синонимы, антонимы, метафора, фразеологизмы и т. д.).

В языке религии исключено использование инвективой и табуированной лексики. Здесь репрезентированы возвышенные объекты не в терминах «приземленных» феноменов, а в применении изобразительно-выразительных средств.

Особенности возникновения и функционирования текстов религиозного дискурса легли в основу выделения двух видов жанров: первичные и вторичные [Бобырева, 2008: 166].

К первичным жанрам относится в первую очередь **МОЛИТВА**.

С. И. Ермоленко подчеркивает, что «молитва – это сакральный жанр, восходящий к древнейшей гимнической традиции» [Ермоленко, 2010: 9].

Отмечается ярко выраженная диалогическая природа молитвы. Но эта диалогическая природа не предполагает ответных реплик, в том числе невербального характера [Бердникова, 2009: 381]. «Автономная ценность религиозного диалога связывается при этом, – пишет М. Войтак, – с тремя основными типами позиции молящегося человека: религиозного ожидания (надежды), религиозного понимания (веры) и преданности (любви)» [Войтак; 1998: 219].

Молитва может нести в себе сразу несколько целей: исповедь, благодарение, мольба, просьба, покаяние и т. д.

В данной статье мы рассматриваем молитву «Отче Наш» на немецком и русском языках. Коммуникативный уровень молитвы характеризуется следующими особенностями.

По форме молитва представляет собой диалог, в котором участвуют двое (молящийся и Бог), первый является активным участником, второй выполняет роль адресата. Молитва может проявляться как на вербальном, так и невербальном уровнях. Последний будет характеризоваться молитвенной позой, коленопреклонением, положением рук, наличием или отсутствием поклонов и крестного знамения. Клиширование выражено словом «Amen» – «аминь» в русском варианте, являющимся обязательным при завершении молитв.

Лексической особенностью является наличие сакральной лексики, свойственной преимущественно религиозному дискурсу: *Vater unser* ‘Отче наш’, *Geheiligt werde Dein Name* ‘Да святится имя Твое’, *Schuld* ‘вина’, *Versuchung* ‘искушение’, *erlöse uns von dem*

Bösen ‘избавь нас от лукавого’, *Amen* ‘аминь’.

На стилистическом уровне данная молитва характеризуется повествованием от первого лица множественного числа (*Vater unser* ‘Отче наш’, *Unser tägliches Brot* ‘Хлеб наш насущный’, *vergib uns unsere Schuld, wie auch wir vergeben* ‘прости нам грехи, как и мы прощаем’ и т. п.). Общим для двух языков является наличие тропов.

Сравнение – *wie im Himmel, so auf Erden* ‘и на земле, как на небе’; *wie auch wir vergeben unsern Schuldigern* ‘как и мы прощаем должникам нашим’.

Градация – *Denn dein ist das Reich und die Kraft und die Herrlichkeit in Ewigkeit* ‘Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки’.

Инверсия – *Vater unser* ‘Отче наш’.

Образ – *Vater* ‘Отец’, *der Schuldiger* ‘должник’, *der Böse* ‘лукавый’.

Лексический состав молитвы будет различаться в зависимости от коммуникативной цели молитвы и от характеристики молящегося: священнослужитель или простой гражданин. Так, у молитвы-покаяния будут преобладать выражения с коннотациями раскаяния, у молитвы-благодарности – лексические единицы благодарения и т. д.

Притча как жанр религиозного дискурса может быть рассмотрена с художественной и религиозной точки зрения.

В рамках первого подхода притча определяется как краткий рассказ в прозаической или поэтической форме. В основе повествования лежит назидательная история, иллюстрирующая нравственные уроки и дидактические поучения. Структурно притча строится на принципе аналогии. Ее прагматическая установка репрезентируется использованием стилистических возможностей метафоры и сравнения [Шпетный, 2014: 110]. Коммуникативной особенностью притчи является отсутствие в ней субъективности.

Для исследования нами была взята 23 глава книги Притч, в которой насчитывается тридцать пять стихов.

Коммуникативный уровень данной притчи по форме представляет собой монолог, где участником выступает автор, вкрапляющий в свою речь цитирование в последнем стихе. Адресатом выступает «сын», что в данном случае можно понимать не только эксплицитно, но и имплицитно, поскольку обращение может относиться ко всем, внимающим мудрости Соломона. Имплицитность в притче преобладает, т.к. притчи как, жанр, представляют собой некую поучительную зарисовку с использованием различных стилистических фигур.

Лексические особенности проявляются в употреблении устаревшей лексики

(*Fündlein, Bissen* ‘кусок (пищи), закуска’, *Knabe* ‘юноша’, *Rute* ‘розга’), уничижительной лексики (*Säufer und Schlemmer* ‘пьяницы и чревоугодники’, *Hure und Ehebrecherin* ‘блудница и прелюбодейка’, *Räuber* ‘разбойник’ и т. д.).

Стилистический уровень характеризуется большим количеством обращений к адресату (*Mein Sohn* ‘сын мой’; *Höre* ‘слушай’; *Gib dein Herz* ‘приложи сердце твое’) и т. д.

В обоих языках возвышенный, сакральный стиль достигается за счет стилистических фигур.

Метафора: *Laß dein Augen nicht fliegen nach dem, was du nicht haben kannst* ‘Устремись глаза твои на него, и – его уже нет’, *Dein Herz folge nicht den Sündern* ‘да не завидует сердце твое грешнику’, *richte dein Herz in den Weg* ‘направляй сердце твое на прямой путь’, *Kaufe Wahrheit, und verkaufe sie nicht* ‘купи истину и не продавай’, *dein Herz wird verkehrte Dinge reden* ‘и сердце твое заговорит развратное’.

Сравнение – *wie ein Adler* ‘как орел’, *wie ein Gespenst* ‘как призрак’, *wie ein Räuber* ‘как разбойник’, *wie eine Schlange und wie eine Otter* ‘как змея, как аспид’, *wie einer, der mitten im Meer schläft, und wie einer schläft oben auf dem Mastbaum* ‘как спящий среди моря, и как спящий на верху мачты’. Отличие в структуре лексического сравнения русского и сравнительного предложения немецкого языка базируется на своеобразии грамматических структур двух языков.

Антитеза: *Wünsche dir nichts von seinen feinen Speisen; denn es ist falsches Brot* ‘не прельщайся лакомыми яствами его; это – обманчивая пища’, *Rede nicht vor des Narren Ohren; denn er verachtet die Klugheit deiner Rede* ‘в уши глупого не говори, потому что он презрит разумные слова твои’.

Инверсия и вынос за рамку: *Wenn du sitzt und issest mit einem Herrn / und laß ab von deinen Fündlein* ‘Когда сядешь вкушать пищу с властелином / оставь такие мысли твои’.

Образ: *Erlöser* ‘спаситель’, *Narr* ‘глупец’, *Waise* ‘сирота’, *Neidischer* ‘завистник’, *Säufer und Schlemmer* ‘пьяницы и чревоугодники’, *eine Gerechte* ‘праведница’, *eine Hure* ‘блудница’, *eine Ehebrecherin* ‘прелюбодейка’.

Риторический вопрос: *Wo ist Weh? wo ist Leid? wo ist Zank? wo ist Klagen? wo sind Wunden ohne Ursache? wo sind trübe Augen?* ‘У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины? у кого багровые глаза?’.

Притча в старом завете, как следует из данного исследования, выполняла функцию понятного нравоучения с вкраплениями возвышенной, литературной лексики, о чем свидетельствует большое количество метафор, сравнительных оборотов и других стилистических фигур.

Новозаветные притчи, приведенные Иисусом Христом, при этом отличаются стилистической и лексической нейтральностью, при высоком уровне имплицитности, что усложняет их понимание и требует необходимости в богословском трактовании.

Для примера можно взять притчу о сеятеле (Матфея 13,3-9), которая разъясняется самим Иисусом Христом.

В отличие от выше рассмотренной притчи, для данной притчи Христа характерно прошедшее время, выраженное Претеритом. Наличие слов отрицаний (*nicht*) незначительно. Вопросительные предложения отсутствуют. Более того, во многих притчах Христа есть клишированная строчка «*Wer Ohren hat zu hören, der höre!*» «Кто имеет уши слышать, да слышит!».

Более же всего притчи Христа отличаются на стилистическом уровне. Хотя по форме эта притча тоже является монологом, повествование ведется от третьего лица. Лексический состав максимально упрощен, что подтверждают средства, характерные для разговорного стиля.

Из стилистических фигур, показывающих, что данный жанр все еще относится к притчам, преобладают.

Уподобление: *fiel etliches an den Weg* ‘упавшее при дороге – слушающий и неразумный’ / *die Vögel fraßen's auf* ‘птицы поедают – лукавый похищает’ / *Etliches fiel in das Steinige* ‘каменистая почва – непостоянен, не имеет в себе корня’ / *Etliches fiel unter die Dornen; und die Dornen wuchsen auf und erstickten's* ‘тернии – в значении суеты, мирской заботы’ / *Etliches fiel auf gutes Land und trug Frucht* ‘добрая почва, приносит плод’.

Антитеза: противопоставление друг другу четырех типов почв, четырех человеческих сердец (*Und indem er säte, fiel etliches an den Weg* ‘и когда он сеял, иное упало при дороге’; *Etliches fiel in das Steinige* ‘иное упало на места каменистые’; *Etliches fiel unter die Dornen* ‘иное упало в тернии’; *Etliches fiel auf gutes Land* ‘иное упало на добрую землю’).

Псалом, как первичный жанр религиозного дискурса, вызывает у лингвистов особый интерес, поскольку представляет собой лирический религиозный поэтический текст.

«Псалтирь – величайшее духовно-богословское и духовно-литературное творение, воплощающее связь и единство Бога, человека и мира» [Беспоместных, Ничик, 2016: 31].

Для исследования нами был взят 91 псалом в переводе Лютера 1912 года, насчитывающий 16 стихов (В русскоязычном переводе это будет 90 Псалом). Коммуникативный уровень псалма можно охарактеризовать следующим образом: по

форме псалом представляет собой монолог, в котором участником являются автор, Бог (прямая и косвенная речь), божий человек (прямое цитирование). Как и всем псалмам, данному псалму свойственен только вербальный уровень выражения. Присутствуют как эксплицитность, так и имплицитность. Имплицитность в данном случае выражена пророчеством, поскольку 10-16 стихи относятся к пророчеству об Иисусе Христе. В псалме, в отличие от молитвы, мы уже замечаем отсутствие клишированности.

Лексическая составляющая характеризуется сакральной лексикой: *der Höchste* 'Всевышний', *der Allmächtige* 'Всемогущий'; *Gottlose* 'нечестивые', *Engel* 'ангелы', *Drachen* 'дракон', *Heil* 'спасение' и историзмами – *Schirm und Schild* 'щит и ограждение', *Pfeile* 'стрелы'.

Стилистические особенности подчеркиваются повествованием от первого лица единственного числа. Присутствует цитирование слов человека, уповающего на Бога (*Meine Zuversicht und meine Burg, mein Gott, auf den ich hoffe* 'прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю') и Бога (14-16 стихи).

Возвышенный, сакральный стиль в немецком достигается за счет лексического состава, а также вынесением за рамочные конструкции (*daß du nicht erschrecken mußt vor dem Grauen der Nacht* 'не убоишься ужасов ночи' и т. д. В русском языке сакральность достигается за счет устаревших лексических единиц (*ибо, заповедает, осенит, да не...*).

Стилистические фигуры также способствуют созданию высокого стиля.

Метафора: *Wer unter dem Schirm des Höchsten sitzt und unter dem Schatten des Allmächtigen bleibt* 'Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится'; *mit seinen Fittichen decken, und Zuflucht wirst du haben unter seinen Flügeln* 'перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен'; *Seine Wahrheit ist Schirm und Schild* 'щит и ограждение – истина Его'.

Антитеза: *Wenn auch tausend fallen zu deiner Seite und zehntausend zu deiner Rechten, so wird es doch dich nicht treffen* 'Падут подле тебя тысячи и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится'.

Инверсия и вынос за рамку: *und Zuflucht wirst du haben unter seinen Flügeln* 'под крыльями Его будешь безопасен' / *daß du nicht erschrecken mußt vor dem Grauen der Nacht* 'не убоишься ужасов ночи' / *Wenn auch tausend fallen zu deiner Seite und zehntausend zu deiner Rechten* 'Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя' / *daß sie dich behüten auf allen deinen Wegen* 'чтобы они охраняли тебя всеми способами' / *Ich will ihn sättigen mit langem Leben und will ihm zeigen mein Heil* 'долгою дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое'.

Образ: *der Höchste* 'Всевышний', *der Allmächtige* 'Всемогущий'; *Gottlose* 'нечестивые'.

К вторичным жанрам религиозного дискурса относятся проповедь и исповедь. По составу участников проповедь стала все больше выступать в роли монолога. По способу передачи информации проповедь стала не только устной, но и письменной. А с появлением протестантского течения и композиция проповеди также расширилась: наравне с каноническим набрало популярность и свободное изложение темы.

Религиозная проповедь дефинируется как «речь, произносимая, как правило, в церкви священнослужителем перед прихожанами по определенному поводу с целью оказания религиозно-мотивированного воздействия» [Футкарадзе, 2010: 142]. Как отмечают Н. С. Шавкун и А. Г.-Б. Салахова, современная проповедь рассматривается как жанр ораторского искусства. Для нее характерен имплицитный призыв к действию, направленный на изменение мнения или социального поведения. Проповедь связана как с социальными, так и с политическими событиями в микрогруппе и обществе в целом [Салахова, Шавкун, 2019: 44].

Однако, несмотря на тенденции религиозного мира к становлению доступным и понятным простому обывателю, проповедь, как жанр, не отказалась от консерватизма и сакральности своих текстов.

В содержании проповеди важную роль играет прагматическое наполнение жанра. «Во время проповедования имеет место привлечение внимания аудитории, вызывание эмоций, передача знаний, воспитание навыков» [Рождественский; 2006: 425].

Для анализа немецкого религиозного дискурса была взята проповедь *Der Evangelist Markus* Фабиана Келлера, члена церковной общины (Ev. Verbundkirchengemeinde Hochdorf-Schietingen-Vollmaringen). В связи с тем, что данная проповедь не имеет литературного перевода на русский язык, то в данном исследовании будут выделены лингвистические особенности немецкого языка.

Из лексических особенностей следует подчеркнуть наличие сакральной лексики: *Glaube* 'вера', *Jerusalemmer Urgemeinde* 'Иерусалимская первообщина', *Evangelist* 'евангелист', *Leiden* 'страдания', *Auferstehung* 'воскрешение', *Evangelistensymbole* 'Символы евангелистов', *Gottes Wort* 'Слово Божие'.

Среди стилистических особенностей можно выделить повествование от первого лица, что свойственно подавляющему числу проповедей, так как проповедь по форме является монологом, передачей откровений, и ни русский, ни немецкий язык не предполагают при этом речь от третьего лица.

Благодаря тому, что данная проповедь свободна в своем изложении и не изобилует клише, она не является сложной для понимания, но и не опускается до разговорных форм, удачно сочетая простоту и отсутствие просторечий.

Наиболее яркими стилистическими фигурами являются:

1. Сравнение: *wie ein Löwe aus der Wüste* ‘как лев в пустыне’, *als den Sohn Gottes* ‘как сына Божия’;

2. Риторический вопрос: *Was ist wichtiger? Der Glaube oder die Taufe?* ‘Что важнее? Вера или факт крещения?’.

Данная проповедь начинается с трех вопросов от проповедника, что в свою очередь является одним из ораторских приемов по привлечению внимания.

Характер проповеди – поучительный, функционально-смысловой тип речи – повествовательный, с вкраплениями описания и рассуждения. В конце проповеди присутствует вывод.

Композиция данной проповеди – не каноническая, изложение свободное. Именно данная особенность отличает проповедь от всех остальных жанров религиозного дискурса. Проповедь изменяется в диахронии и является наиболее гибкой, поскольку подстраивается под время и культуру прихожан. Необходимо подчеркнуть, что у вторичных жанров религиозного дискурса лингвистические особенности наиболее неоднородны и не стабильны. В проповеди они варьируются под влиянием самого проповедника (его стиля речи, его уровня образования, его окружения, привычек и т. д.), в исповеди зависят от исповедующегося.

Исповедь или «таинство исповеди» определяется как «одно из семи таинств церкви, в котором кающемуся христианину прощаются содеянные им грехи и дается «благодатная помощь на исправление жизни» [Практическая энциклопедия православного христианина, 2003: 131].

Подобно проповеди исповедь является полусвободной формой изложения мыслей, поскольку ее структура и форма не ограничивают говорящего.

А. С. Пригарина разделяет исповедь на коллективную (общую) и индивидуальную (частную). В общих чертах она будет схожа – это ритуализированное действие, имеющее свои законы [Пригарина, 2009: 112]. Индивидуальные черты проявляются в глубине покаяния человека. Индивидуальная исповедь отличается от коллективной, так как определяется личностными особенностями кающегося человека. Это касается ее смысла, содержания и языковой экспликации.

Что касается общей структуры, в стилистическом плане исповедь похожа на

проповедь, отличается лишь ее содержательная часть, поскольку главной целью исповеди является признание грехов и примирение с Богом. На лексическом уровне могут прослеживаться изменения в индивидуальной исповеди, поскольку в зависимости от культурного уровня исповедующегося лексический состав может помимо возвышенной, сакральной лексики, также включать в себе разговорные формы.

Для исследования нами были взяты примерные варианты речи исповедующегося из католических источников (Bistum Eichstätt).

Коммуникативный уровень характеризуется следующими особенностями: по форме исповедь представляет собой диалог, где участниками являются прихожанин, священнослужитель (посредник), Бог. Вербальный и невербальный уровни проявляются в словах и крестных знамениях соответственно. Данному жанру не свойственна имплицитность, поскольку целью является исповедь в своих грехах, однако нельзя исключать того, что образованный прихожанин может оказаться достаточно начитанным, чтобы вплетать в свою речь сложные стилистические фигуры. Таким образом, эксплицитность / имплицитность, как особенность, тесно связана с манерой речи исповедующегося, его духовным уровнем, социальным статусом и уровнем образования.

Цитирование и сакральность текста также может варьироваться в зависимости от способа подачи исповеди самим исповедующимся, а также цитирование стиха и Священного писания священнослужителем (последний может уклониться от произнесения цитаты).

Der Beichtende (Pönitent) 'исповедующийся': Gelobt sei Jesus Christus 'Слава Иисусу).

Der Beichtvater 'духовник': Amen 'Аминь'.

Der Beichtende (bekreuzigt sich) 'крестится': Im Namen des Vaters, des Sohnes und des Heiligen Geistes 'Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу'.

Der Beichtvater (macht das Kreuzzeichen) 'совершает крестное знамение': Amen 'Аминь'.

Meine letzte Beichte war vor drei Monaten. Ich bekenne meine Sünden: Ich habe mich um die Vertiefung meines Glaubens nicht bemüht. Ich habe in der Heiligen Schrift oder in den Büchern nicht gelesen, die mich zu einem tieferen Verständnis Gottes führen können. Viermal habe ich gedankenlos gebetet und fünfmal gar nicht. Zweimal habe ich an der Sonntagsmesse nicht teilgenommen 'Моя последняя исповедь была три месяца назад. Я исповедую свои грехи: я не прилагал никаких усилий для углубления своей веры. Я не читал Священного Писания или книг, которые могли бы привести меня к более глубокому пониманию Бога.

Четыре раза я молился бездумно, а пять раз вообще не молился. Дважды я не присутствовал на воскресной службе’.

Лексические особенности характеризуются:

1. Уничижительной лексикой: *stehlen* ‘красть’, *lügen* ‘обманывать’, *töten* ‘убивать’, *ehebrechen* ‘прелюбодействовать’;

2. Сакральной лексикой: *die lässliche Sünde* ‘простительный грех’, *die schwere Sünde* ‘смертный грех’, *Reuegebet* ‘молитва покаяния’, *sich erbarmen* ‘помиловать’, *der barmherzige Vater* ‘милостивый Отец’, *Auferstehung* ‘воскресение’, *der Heilige Geist* ‘Святой Дух’, *die Kirche* ‘церковь’, *j-n lossprechen von den Sünden* ‘отпускать кому-либо грехи’, *ewig* ‘вечный’ и т. д.

Стиль исповеди может быть возвышенным и разговорным.

Главной особенностью канонической исповеди является ее неоднозначность и тесное переплетение с молитвой, поскольку последняя является частью первой. С точки зрения коммуникативной цели, исповедь, как жанр религиозного дискурса, представляет собой единственный жанр (если не считать молитву покаяния), который является следствием глубокого самоанализа и раскаяния. Так, если целью проповеди и притч является научение человека путям Божиим, то исповедь есть следствие первых.

Несмотря на то, что все рассмотренные нами жанры относятся к одному типу дискурса и могут иметь схожие особенности, они все существенно отличаются друг от друга.

Так, проповедь является наиболее гибкой и изменчивой, поскольку ориентируется на человека, на то, как лучше донести до него материал, как заинтересовать и привлечь. Проповедь требует от проповедника не только глубокого богопознания, начитанности и умения толковать, но и определенных ораторских способностей, знание психологии масс, понимание человеческой души и умение подстраиваться под группу слушателей.

Притчи, напротив, как жанр религиозного дискурса, являются строго фиксированными вне зависимости от принадлежности к старозаветным притчам или притчам Иисуса Христа. В них заложена глубокая имплицитность, что делает их многогранными, поскольку их можно толковать с разных точек зрения.

У молитвы и исповеди, как жанров религиозного дискурса, есть много общего. Исповедь присутствует не во всех Церквях Протестантского течения и часто переходит в жанр личной молитвы под видом молитвы-покаяния. Это объясняется тем, что молитва как жанр более разнообразна и многофункциональна. Поскольку она выступает единственным жанром, который предполагает полное таинство диалога между человеком

и Богом, то ее принято считать самым высокодуховным, сакральным жанром религиозного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердникова Т. В. Диалогизм жанра молитвы в структуре лирического стихотворения // *Жанры речи*. Саратов, 2009. Вып. 6. С. 381-388.
2. Беспоместных А. Е., Ничик Н. Н. Речевая композиция псалтири как структурная особенность жанра // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2016. Т. 2 (68). № 1. С. 31-36.
3. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // *Знание. Понимание. Умение*. 2008. № 1. С. 162-167.
4. Войтак М. Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (на материале литургической молитвы) // *Текст: стереотип и творчество*. Пермь, 1998. С. 214-230.
5. Ермоленко С. И. Религиозное чувство М. Ю. Лермонтова в лирическом выражении // *Лермонтовские чтения – III*. Екатеринбург, 2010. С. 6-30.
6. Карасик В. И. Религиозный дискурс // *Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики*. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5-19.
7. Кожемякин Е. А. Лингвистические стратегии институциональных дискурсов // *Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы*. Белгород, 2016. С. 167-174.
8. Лученко К. В. Религия как тематический сегмент Интернет-телевещания // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2009. № 4. С. 104-108.
9. *Практическая энциклопедия православного христианина. Основы церковной жизни*. Санкт-Петербург: Сатисъ-Держава, 2003. 330 с.
10. Пригарина А.С. Исповедь в контексте религиозного дискурса: построение и структурные особенности // *Lingua mobilis*. 2009. № 3 (17). С. 110-114.
11. Рождественский Ю. В. *Теория риторики*. Москва: Флинта: Наука, 2006. 512 с.
12. Салахова А. Г-Б., Шавкун Н. С. Тенденции развития современной немецкоязычной проповеди // *Вестник Пятигорского государственного университета*. 2019. № 3. С. 44-48.
13. Футкарадзе Н. Д. Общие характеристики церковной проповеди как жанра религиозного дискурса // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2010. С. 141-146.
14. Шпетный К. И. Притча как религиозно-художественный дискурс // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2014. Вып. 18 (704). С. 109-122.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Азбука Веры. Евангелие по Матфею. Доступ: https://azbyka.ru/biblia/?Mt.13:24,30,39&r~de_ml. (дата обращения: 14.09.2022).
2. Азбука веры. Книга Притчей Соломоновых. Доступ: https://azbyka.ru/biblia/?prov.23&r~de_ml. (дата обращения: 10.09.2022).
3. Азбука веры. Псалтирь. Доступ: https://azbyka.ru/biblia/?Ps.91:14-91:15&r~de_ml. (дата обращения: 14.09.2022).
4. Siedlanowska A. Die katholische Beichte im Lichte der textlinguistischen Untersuchungen. Avialable at: <https://bazhum.muzhp.pl>. (accessed: 03.10.2022).

REFERENCES

1. Berdnikova, T. V. (2009). Dialogizm zhanra molitvy v strukture liricheskogo stikhotvoreniya [Dialogism of the Prayer Genre in the Structure of a Lyric Poem]. In *Zhanny rechi*. Saratov. No. 6. Pp. 381-388. (In Russ.).
2. Bespomestnykh, A. E., Nichik, N. N. (2016). Rechevaya kompozitsiya psaltiri kak strukturnaya osobennost zhanra [The Speech Composition of Psalter as a Structural Feature of Genre]. In *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. Vol. 2 (68). No. 1. Pp. 31-36. (In Russ.).
3. Bobyreva, E. V. (2008). Religioznyy diskurs: tsennosti i zhanry [Religious Discourse: Values and Genres]. In *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No. 1. Pp. 162-167. (In Russ.).
4. Voitak, M. (1998). Proyavlenie standartizatsii v vyskazyvaniyakh religioznogo stilya (na materiale liturgicheskoy molitvy) [The Manifestation of Standardization in Statements of Religious Style (based on Liturgical Prayer)]. In *Tekst: stereotip i tvorchestvo*. Perm. Pp. 214-230. (In Russ.).
5. Ermolenko, S. I. (2010). Religioznoe chuvstvo M. Yu. Lermontova v liricheskom vyrazhenii [M. Y. Lermontov's Religious Sensation in Lyrical Expression]. In *Lermontovskie chteniya – III*. Ekaterinburg. Pp. 6-30. (In Russ.).
6. Karasik, V. I. (1999). Religioznyy diskurs [Religious Discourse]. In *Yazykovaya lichnost: problemy lingvokulturologii i funktsionalnoy semantiki*. Volgograd: Peremena. Pp. 5-19. (In Russ.).
7. Kozhemyakin, E. A. (2016). Lingvisticheskie strategii institutsionalnykh diskursov [Linguistic Strategies of Institutional Discourses]. In *Sovremennyy diskurs-analiz: povestka dnya, problematika, perspektivy*. Belgorod. Pp. 167-174. (In Russ.).
8. Luchenko, K. V. (2009). Religiya kak tematicheskiy segment Internet-televeshchaniya [Religion as a Thematic Segment of Internet Telecasting]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. No. 4. Pp. 104-108. (In Russ.).
9. (2003). *Prakticheskaya entsiklopediya pravoslavnogo khristianina. Osnovy tserkovnoy zhizni* [Practical Encyclopedia of an Orthodox Christian. Fundamentals of Church Life]. Sankt-Peterburg: Satis-Derzhava. (In Russ.).
10. Prigarina, A. S. (2009). Ispoved v kontekste religioznogo diskursa: postroenie i strukturnye osobennosti [Confession in the Context of Religious Discourse: Construction and Structural Features]. In *Lingua mobilis*. No. 3 (17). Pp. 110-114. (In Russ.).
11. Rozhdestvenskiy, Yu. V. (2006). *Teoriya ritoriki* [Theory of Oratory]. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
12. Salakhova, A. G-B., Shavkun, N. S. (2019). Tendentsii razvitiya sovremennoy nemetskoyazychnoy propovedi [Trends in the Development of Modern German Language Preaching]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3. Pp. 44-48. (In Russ.).
13. Futkaradze, N. D. (2010). Obshchie kharakteristiki tserkovnoy propovedi kak zhanra religioznogo diskursa [General Characteristics of a Church Sermon as a Genre of the Religious Discourse]. In *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. Pp. 141-146. (In Russ.).
14. Shpetnyy, K. I. (2014). Pritcha kak religiozno-khudozhestvennyy diskurs [Parable as Religious Prose Discourse]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 18 (704). Pp.109-122. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Azbyka Very. Evangelie po Matfeyu* [The alphabet of faith. The Gospel according to Matthew]. Available at: https://azbyka.ru/biblia/?Mt.13:24,30,39&r~de_ml. (accessed: 14.09.2022).
2. *Azbyka very. Kniga Pritchey Solomonovykh* [The alphabet of faith. The book of proverbs of solomon]. Available at: https://azbyka.ru/biblia/?prov.23&r~de_ml. (accessed: 10.09.2022).

3. *Azbyka very. Psalmy* [The alphabet of faith. Psalter]. Available at: https://azbyka.ru/biblia/?Ps.91:14-91:15&r~de_ml. (accessed: 14.09.2022).

4. Siedlanowska, A. *Die katholische Beichte im Lichte der textlinguistischen Untersuchungen*. Available at: <https://bazhum.muzhp.pl>. (accessed: 03.10.2022).

Белова Валентина Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры германистики и межкультурной коммуникации (e-mail: belovav2008@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532 Пятигорск, проспект Калинина 9

Belova Valentina F. – Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of Germanic Studies and Intercultural Communication Department (e-mail: belovav2008@yandex.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
9 Kalinina, Pyatigorsk, 357532

Лебеденко Галина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германистики и межкультурной коммуникации (e-mail: lebedenko@pgu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532 Пятигорск, проспект Калинина 9

Lebedenko Galina A. – Candidate of Philology, Associate Professor of Germanic Studies and Intercultural Communication Department (e-mail: lebedenko@pgu.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
9 Kalinina, Pyatigorsk, 357532

Велис Лолита Андреевна – магистрант кафедры германистики и межкультурной коммуникации (e-mail: lolla-99@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532 Пятигорск, проспект Калинина 9

Velis Lolita A. – Master's Degree Student of Germanic Studies and Intercultural Communication Department (e-mail: lolla-99@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
9 Kalinina, Pyatigorsk, 357532

Поступила в редакцию 24 октября 2022 г.

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ИСТОЧНИК МОДЕЛИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ОСЕТИН

В представленной статье продемонстрированы результаты ассоциативного эксперимента, предпринятого с целью анализа лингвокультурного концепта «единство» как компонента языковой картины мира осетин. В работе выявляются когнитивные признаки концепта «единство» в двуязычном языковом сознании жителей Республики Южная Осетия (далее РЮО), посредством чего определяется смысловое наполнение концепта. Исследование проводится на материале опроса различных возрастных групп населения республики.

Ключевые слова: национально-маркированный концепт, этноментальная специфика, ассоциативный эксперимент, когнитивный признак, когнитивный аспект, межкультурная коммуникация.

ASSOCIATION EXPERIMENT AS SOURCE OF LINGUISTIC WORLDVIEW MODEL OF OSSETIANS

The present article deals with the results of associative experiment, aimed at analysis of the lingua-cultural concept «unity» as the constituent of linguistic worldview of ossetian nation representatives. The paper reveals cognitive criteria of the concept «unity» in bilingual language consciousness of the Republic of South Ossetia citizens and therefore the semantics of the concept under study. The investigation is based on the results of interrogation of various age groups of the republic population.

Key words: culture-loaded concept, ethnomental specificity, associative experiment, cognitive criterion, cognitive aspect, intercultural communication.

Введение. В настоящей работе представлены особенности объективации лингвокультурного концепта «единство» как компонента языковой картины мира осетин. Для раскрытия национально-культурной специфики имени концепта следует изучить существующую научную и теоретическую литературу по данной тематике для выработки адекватного подхода к последовательному воссозданию содержания имени концепта, его парадигматических и синтагматических связей. Анализ концептов можно осуществлять на основе лексикографических источников, ассоциативного эксперимента и изучения текстовых фрагментов речевых произведений представителей осетинского этноса.

Цель данного исследования – определить способы актуализации рассматриваемого концепта как фрагмента языковой действительности представителей осетинского этноса на основе свободного ассоциативного эксперимента. С помощью ассоциативного эксперимента выделяются когнитивные признаки концепта в сознании носителей языка и культуры и определяются наиболее рекуррентные [Шапилова, 2003: 65]. По мнению

некоторых исследователей, ассоциативный эксперимент предназначен не только для определения семантических особенностей имени концепта, но и для выявления специфики национального менталитета, таким образом, служа инструментом познания психического своеобразия и отразившихся в специфических чертах данного языка особенностей культуры человека [Шапилова, 2003: 69]. Лингвокультурный концепт «единство» представляет собой одну из ключевых составляющих концептосферы осетин, воплощая в себе когнитивный образ наиболее существенных элементов жизни осетинского народа. При актуализации данного концепта представителями этноса воплощаются национально-культурные и этические нормы рассматриваемого национального сообщества. Изучение и конструирование номинативного поля концепта «единство» представляется достаточно **актуальным** в силу таких факторов, как разделенность осетинского народа и стремление к осуществлению давнего, обусловленного историческими и политическими реалиями, стремления осетин жить и строить государственность вместе, в едином политико-правовом пространстве.

Наиболее приоритетными задачами лингвокультурологии являются исследования, направленные на анализ видения картины мира представителями разных этносов. В современных исследованиях язык и культура, как правило, изучаются в тесном взаимодействии с коммуникацией и мышлением. Для полноценного освоения языка и формирования межкультурной компетенции нужно изучить этнокультурные особенности и универсальные национально-специфичные характеристики языкового сообщества, т. е. менталитет населения страны изучаемого языка. Менталитетом исследователи называют особую форму восприятия действительности, формирующуюся под влиянием когнитивных стереотипов человеческого сознания, которые присущи конкретной языковой личности, социальной или этнической группе людей [Попова, Стернин, 2006: 40]. Менталитет является отражением национального характера и оказывает значительное влияние на коммуникативное поведение. Специалисты в области лингвистики часто используют термин «языковая ментальность», имея в виду часть менталитета, манифестируемую языком.

Для познания особенностей этнической общности исследуются такие элементы культуры как обряды, традиции, этнонимы, наименования и т. д. Это помогает устранить нехватку или отсутствие обозначений или понятий в своей культуре и восполнить сведения о языковом знаке как о ментальной единице [Чернейко, Долинский, 1996: 21]. Язык является важным элементом при изучении коллективной, национальной памяти, являясь одним из инструментов её воплощения и освоения. Будучи ключевым

инструментом трансляции культуры, язык раскрывает сущность и содержание человеческого сознания, реализуя мыслительные образы, т. е. концепты. Познание менталитета народа предполагает изучение лингвокультурных концептов, в которых содержатся национальные традиции, обряды и обычаи. Раскрытию этноментальной специфики концепта путем анализа его когнитивных слоев, способствует метод свободного ассоциативного эксперимента.

Социальные явления, отличающиеся культурной значимостью, находят отражение в специфических языковых знаках, исследованию которых посвящены работы видных ученых [Верещагин, Костомаров, 1980]. Культурный концепт, основную единицу лингвокультурологии, можно определить как многообразную, разностороннюю целостную систему смыслов, в которой выделяются: ценностная, образная и понятийная составляющие. Для раскрытия смысла концепта необходимо изучить имя концепта и его когнитивные признаки [Карасик, 2002: 477].

Язык порождает концепты, используя для производства текстов, выполняя функцию инструмента социальной интеракции в рамках как бытового, так и институционального и других типов дискурса, способствуя проведению ритуалов, сохранению памяти народа. Язык выходит за границы концептов, теряя определенность [Аругюнова, 1988: 3]. Одним из языковых феноменов, несущих в себе функции представления ментального мира, является метафора [Чудинов, 2004: 29]. Концепты объединяются в систему, осуществляющую фиксацию фрагментов мира в сознании носителей лингвокультуры. Каждый признак концепта несет в себе индивидуальные характеристики, являясь, таким образом, самостоятельным концептом [Пименова, 2014: 17].

В понятие «национальное самосознание» входит помимо осознания представителями нации своего единства в силу принадлежности к одному народу и комплекс ценностей, приоритетов, мировоззрение членов других сообществ и понимание своего места в мировом сообществе [Андреева, 2006: 106].

Объективация лингвокультурного концепта происходит на основе фоновых знаний. Под фоновыми знаниями понимают культурноспецифичную информацию, которой владеет большая часть представителей нации и которая репрезентирована в языке конкретной этнической общности [Фёдоров, 1983: 131]. Они представляют собой культурное достояние народа, его традиции, обычаи, общественные устои, опыт, общественно-политические реалии и др. Фонovou лексикой отличается характерный фон, маркирующий ее наряду с иноязычным аналогом [Сиджимова, 2004: 79].

При изучении концепта специалисты в области лингвистики и психолингвистики

часто прибегают к различным экспериментальным психолингвистическим методам с целью выявления скрытых признаков концепта, его ассоциаций [Красавский, 2000: 21]. С точки зрения психолингвистики, ассоциативное поле какого-либо слова-стимула, сконструированное в результате проведения ассоциативного эксперимента, целесообразно рассматривать не только как элемент ментального лексикона индивидуума, но и как элемент концептосферы этнического сообщества, существующий в сознании носителя этнолингвокультуры.

Для того, чтобы изучить концепт в синхронии, нужно синхронно рассмотреть объективации концепта в лексико-семантическом аспекте, провести ассоциативный эксперимент, а также исследовать дискурсивные характеристики лексики как репрезентации исследуемого концепта [Крючкова, 2005: 23]. Анализируя концепт в таком ключе, можно понять, каким содержанием наделяют носители лингвокультуры определенные понятия, а также раскрыть пути и способы объединения концептов в единую концептосферу, и особенности функционирования конкретного концепта в рамках этой концептосферы. Данные ассоциативного эксперимента позволяют определить наиболее актуальные для носителей лингвокультуры репрезентемы исследуемого концепта. По результатам опроса респондентов осуществляется анализ смыслового наполнения концепта.

Среди исследований, посвященных особенностям ассоциативного эксперимента как способа раскрытия этноментальной специфики языкового сознания, примечательны работы таких ученых, как: Н. И. Береснева, Д. Гартли, Н. А. Гасица, Т. Гоббс, Дж. Диз, А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, А. П. Клименко, Н. В. Крушевский, Дж. Кэттел, Дж. Локк, А. Р. Лурия, И. Г. Овчинникова, Ф. Соссюр, М. Трауштольд, Д. Юм, занимавшихся описанием механизмов ассоциирования и проблематикой классификаций реакций.

В качестве объекта лингвокогнитивного анализа концепта целесообразно рассматривать номинативное поле концепта. Предметом исследования с когнитивной точки зрения является семантическое наполнение номинативного поля концепта. Именно семантика единиц раскрывает характеристики исследуемого концепта в языковом сознании носителей лингвокультуры [Попова, Стернин, 2007: 77].

1. Анализ лексикографических источников. Согласно «Словарю современного русского литературного языка», лексема «единство» впервые появилась в словарях в 1704 г.: Поликарпов, лекс. 1704 [ССРЛЯ, 1958: 1246]. В «Этимологическом словаре» под редакцией Макса Фасмера дается следующая этимология слова «единство»: заимств. из

слав., ср. ст.-слав. *Единъ*, -а, -о вместо русск. *одиан* (см.) [Фасмер, 1987: 9].

Лексема «*иудзинад*» появилась в осетино-русских словарях во второй половине XX века. Осетинская лексикография находится на этапе становления, наше изыскание опиралось на «Историко-этимологический словарь» и «Русско-осетинский словарь» под редакцией В. И. Абаева, «Краткий осетинско-русский словарь» под редакцией Т. А. Гуриева, «Русско-осетинский философский словарь» под редакцией Р. С. Кабисова, «Толково-этимологический словарь осетинского языка» под редакцией З. А. Битарти.

Анализ историко-этимологических словарей осетинского и русского языков позволил установить, что слова *единство* и *иудзинад* восходят к общему индоевропейскому корню **ei-*, **i-*. В осетинском языке корень *иу* происходит от иранского *aiva, а в русском языке *единство* происходит от церковнославянского *единъ* [Абаев, 1958; Фасмер, 1987, Черных, 1999].

В осетинско-русском словаре под редакцией А. М. Касаева *иудзинад* определяется как «единство, сплочённость народа» [Касаев, 1993: 109]. В толковых словарях осетинского языка слово *иудзинад* отсутствует. В «Кратком осетинско-русском словаре» под редакцией Т. А. Гуриева дается следующее определение лексемы *иудзинад*: «единство, единение, сплоченность» [Гуриев, 2004: 52]. В «Русско-осетинском философском словаре» под редакцией Р. С. Кабисова *единство* определяется следующим образом: «единство мира заключается в его материальности, в мире нет ничего нематериального» [Кабисов, 1995: 64]. В «Толковом словаре осетинского языка» под редакцией Н. Я. Габараева и «Толково-этимологическом словаре осетинского языка» под редакцией З. А. Битарти лексема *иудзинад* не выявлена.

2. Ассоциативный эксперимент с именами концепта «единство». В «Ассоциативном словаре русского языка» зафиксированы 103 реакции на стимул «единство». Самыми частотными являются братство (14), дружба народов (16). Можно предположить, что в русской языковой картине мира понятийной составляющей концепта *единство* является сходство интересов, взаимопомощь [РАС, 2002].

При анализе содержания концепта используется несколько видов ассоциативного эксперимента. Для свободного ассоциативного эксперимента требуется предоставление первой пришедшей в голову ассоциации на слово-стимул. Респонденты, как правило, не ограничены в вербализации реакций [Фрумкина, 1992: 70].

Свободный ассоциативный эксперимент со словами-стимулами *единство* и *иудзинад* был проведен среди 100 респондентов от 15 до 65 лет, одинаково владеющих русским и осетинским языками. Респондентам предлагалось написать или назвать вслух любое слово

или образ, вызванные стимулами *единство* и *иудзинад*.

В эксперименте принимали участие респонденты трех возрастных групп: 15–25 лет, 26–45 лет и 46–65 лет. Свободный ассоциативный эксперимент позволил выделить образы, кодирующие исследуемый концепт в сознании носителей языка. Реакции характеризуются разным смысловым наполнением в зависимости от возраста. На заданные слова-стимулы было предоставлено 386 реакций.

3. Ассоциативный эксперимент со стимулом *иудзинад*. На основе свободного ассоциативного эксперимента со словом-стимулом *иудзинад* ‘единство’ были получены следующие результаты (198 реакций): *Осетия* (27–13,6%); *народ* (16–8,1%), *нация* (15–7,6%); *объединение* (13–6,6%); *сила* (12–6,1 %); *мир* (11–5,6%); *семья* (10–5,1%); *любовь* (8–4%); *æмбаргæдзинад* ‘взаимопонимание’ (7–3,5%); *æфсымæрдзинад* ‘братство’ (7–3,5%); *надежда* (6–3%); *æмгардзинад* ‘дружба’ (6–3%); *иу туг æмæ стæг* ‘одна плоть и кровь’ (5–2,5%); *хи æмбарæн æнкъарæнтæ* ‘самосознание’ (5–2,5%); *цот* ‘дети’ (5–2,5%); *иумæ* ‘вместе’ (5–2,5%); *æгъдау* ‘традиции’ (5–2,5%); патриотизм (4–2%); *вместе* (4–2%); *æнгомдзинад* ‘сплоченность’ (3–1,5%); союз (3–1,5%); *зиу* ‘все трудящиеся’ (3–1,5%); ‘совместный труд’ (2–1%); *мадæлон æвзаг* ‘родной язык’ (2–1%); *фыдæлты хæзна* ‘сокровище предков’ (2–1%); *иувæндаг* ‘единый путь’ (2–1%); *аланты зæхх* ‘родина аланов’ (2–1%); *мадæлон мыггаг* ‘родной язык’ (2–1%); *Ирон фæндыр* ‘Осетинская лира’ (1–0,5%); правительство (1–0,5%); политический союз (1–0,5%); *Къоста* (1–0,5%); (*Ир, Къуыдар, Чысан, Дыгур, Туал; ’Рбалвасы сæ таласгæнгæ риумæ Мад-Ирыстон, царддæтæг, æмбал*; «Как созвездие на небосклоне, сияет: Иронцы, кударцы, ксанцы, дигорцы, твальцы. Ласково всех к сердцу прижимает Мать для всех – Осетия родная») (1–0,5%); *Кувæндоньы Сис* ‘стена храма’ (1–0,5%).

Реакции младшей возрастной группы опрашиваемых составили 43 (21,7% от общего числа реакций). Для представителей этой группы *иудзинад* ‘единство’ ассоциируется с единением общества, политической активностью всех осетин, сплоченностью граждан страны, дружбой, братством.

Для средней возрастной группы респондентов *иудзинад* ‘единство’ – это патриотизм; единение всех представителей осетинского народа вне зависимости от места проживания или религиозных убеждений; надежда на безоблачное будущее. Реакции этой возрастной группы составили 70 (35,4% от общего числа реакций). Респонденты старшей возрастной группы предоставили 85 (42,9%) реакций.

Для старшего поколения жителей РЮО, судя по результатам ассоциативного

эксперимента, слово-стимул *иудзинад* 'единство' ассоциируется с семейными ценностями; мирным сосуществованием всех представителей осетинского народа; наследием предков; Коста Хетагуровым (основоположником осетинского литературного языка); «Осетинской Лирой» (циклом стихотворений Коста Хетагурова, являющимся своего рода манифестом осетинского народа); с духовным единением осетинского народа.

По результатам проведенного эксперимента имя концепта «*иудзинад*» представлено в языковом сознании южных осетин следующими составляющими:

- понятийной (*союз, политический союз, патриотизм, сплоченность, семья, народ, нация, зиу* 'совместный труд', *цот* 'дети') – 121 (61%);
- образной (*любовь, сила*) – 20 (10%);
- ценностной (*Осетия, надежда, мир, аланты зæхх* 'родина аланов', *Къоста, Кувæндонь Сис* 'стена храма', *иу туг æмæ стæг* 'одна плоть и кровь') – 57 (29%).

4. Ассоциативный эксперимент со стимулом *единство*. На основе свободного ассоциативного эксперимента со словом-стимулом *единство* получены следующие реакции (188 реакций): *единый народ* (31–16,5%); *народ* (17–9%); *объединение* (15–8%); *сплоченность* (12–6,4%); *единение* (10–5,3%); *народов* (8–4,3%); *иумæ* 'вместе' (7–3,7%); *нации* (7–3,7%); *мир* (6–3,2%); *общество* (6–3,2%); *Осетия* (5–2,7%); *солидарность* (5–2,7%); *сила* (5–2,7%); *согласие* (5–2,7%); *общность* (4–2,1%); *общность народа* (4–2,1%); *организация* (3–1,6%); *взаимопомощь* (3–1,6%); *любовь* (3–1,6%); *вместе* (3–1,6%); *интеграция* (3–1,6%); *партия* (3–1,6%); *общие взгляды* (2–1,1%); *надежда* (2–1,1%); *взаимовыручка* (2–1,1%); *светлое будущее* (2–1,1%); *цельность* (2–1,1%); *поддержка* (2–1,1%); *гармония* (1–0,5%); *учреждение* (1–0,5%); *внутри общества* (1–0,5%); *взаимосвязь* (1–0,5%); *взаимодействие* (1–0,5%); *монолитность* (1–0,5%); *неразделимость* (1–0,5%); *взаимопомощь* (1–0,5%); *крепость* (1–0,5%); *æмбырд* 'собрание' (1–0,5%); *рука матери* (1–0,5%).

Реакции младшей возрастной группы опрошиваемых составили 28 (15,4% от общего числа реакций). Для представителей этой группы *единство* ассоциируется с поддержкой близких, с гармонией в отношениях, единством взглядов (*взаимопомощь, поддержка, гармония, единение*), политическим единством (*партия*).

Для средней возрастной группы респондентов *единство* – сила народа в единении. Для этих респондентов *единство* – это общность интересов внутри социума, сплоченность граждан, взаимодействие органов власти с народом. Реакции этой возрастной группы составили 90 (47,7% от общего числа реакций). Респонденты старшей возрастной группы предоставили 70 (36,9%) реакций.

Для старшего поколения жителей РЮО, судя по результатам ассоциативного

эксперимента, слово-стимул *«единство»* ассоциируется с единением осетинского народа, надеждой на общее будущее Северной и Южной Осетии, солидарность граждан в строительстве крепкого, сильного государства. Среди реакций старшей возрастной группы преобладают этнокультурные ассоциации, значимые для народа Южной Осетии в сравнении с преимущественно общероссийскими ассоциациями в двух других возрастных группах.

По результатам проведенного эксперимента имя концепта *«единство»* представлено в языковом сознании южных осетин следующими составляющими:

– понятийной (*объединение, единый народ, солидарность, организация, учреждение, партия*) – 96 (51,1%);

– образной (*народ, поддержка, вместе, æмбырд ‘собрание’, Осетия, сила, любовь, крепость, рука матери*) – 41 (21,8%);

– ценностной (*нации, единение, надежда, светлое будущее, гармония, мир*) – 51 (27,1%).

5. Анализ результатов ассоциативного эксперимента. Выявлена такая стратегия, применяемая респондентами в ходе проведения эксперимента, как стратегия перевода (на некоторые слова-стимулы респонденты отвечают на осетинском и русском языках одновременно или попеременно): *зиу ‘совместный труд’*. Это обусловлено тем, что осетины – билингвы.

В некоторых реакциях наблюдается метафорическое переосмысление заданного стимула: *Къоста* (основоположник осетинского литературного языка Коста Хетагуров), *Кувæндонь Сис ‘стена храма’*.

По результатам ассоциативного эксперимента ассоциативное ядро стимула *«единство»* составляют: *единый народ, народ, сплоченность, объединение*. Периферийную зону ассоциативного поля составляют реакции *этнос, крепость, рука матери, единый народ*. Ассоциативное ядро стимула *«иудзинад»* составляют реакции *Осетия, народ, нация, мир, сила, объединение*. Околоядерные реакции: *æмбаргæдзинад ‘взаимопонимание’, любовь, семья*. Периферийную зону составляют следующие реакции: *Къоста; Ир: (Къуыдар, Чысан, Дыгур, Туал; ’Рбалвасы сæ таласгæнгæ риумæ Мад-Ирыстон, царддæтæг, æмбал ‘Как созвездие на небосклоне, сияет: Иронцы, кударцы, ксанцы, дигорцы, твальцы. Ласково всех к сердцу прижимает Мать для всех – Осетия родная’); иувæндаг ‘единый путь’; аланты зæхх ‘родина аланов’; Кувæндонь Сис ‘стена храма’; иу туг æмæ стæг ‘одна плоть и кровь’*.

6. Выводы

По результатам исследования целесообразно сделать следующие обобщающие выводы:

6.1. В языковом сознании осетин прослеживается связь с синонимичными концептами: «нация», «объединение», «мир»; из этого следует, что единство осетинского народа играет значимую роль в жизни народа Осетии вообще и Республики Южная Осетия, в частности.

6.2. Ассоциативное ядро концепта представлено следующими когнитивными признаками: а) единство внутри югоосетинского общества: общие историко-культурные ценности, значимость сохранения родного языка, приверженность традициям, ощущение себя частью единого целого; б) единство Осетии – Южной и Северной; в) единство для осетин – не только физическое объединение народа Осетии, но и духовное его единение ради высокой цели, ради общенационального блага, мира и процветания Родины; г) единство – путь к свободе народа; д) единство – залог безопасности народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Т. Л. Религиозная составляющая национального самосознания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 4 (55). С. 105-110.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1988. 341 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. Москва: Русский язык, 1980. 320 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Красавский Н. А. Лингвистические методы исследования эмоциональной концептосферы // Лингвистические парадигмы: традиции и инновации. Волгоград: Перемена, 2000. С. 18-28.
6. Крючкова Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов. Саратов: Научная книга, 2005. 165 с.
7. Пименова М. В. Концептуальный мир-основа ментальности // Образ мира в зеркале языка. Москва, 2014. Вып. 1. С. 16-26.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Москва: Восток – Запад, 2007. 315 с.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
10. Сиджимова Д. Анализ рекламного текста в условиях межкультурной коммуникации // Болгарская русистика. 2004. № 3-4. С. 77-84.
11. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода. Москва, 1983. 303 с.
12. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и схемы. Москва, 1992. № 3. С. 3-17.
13. Чернейко Л. О., Долинский В. А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9. Филология. 1996. № 6. С. 20-41.
14. Чудинов А. П. Национальная ментальность и соответствующие ей метафорические модели // Eth-nohermeneutik und Antropologie. Landau: Verlag Emprische Pedagogik, 2004. S. 19-30.

15. Шапилова Н. И. Ассоциативно-семантическое поле как основа реконструкции содержания концепта // Мир человека и мир языка. Сер. Концептуальные исследования. Кемерово, 2003. Вып. 2. С. 237-245.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Москва – Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР, 1958. 448 с.
2. Гуриев Т. А. Осетинско-русский словарь. Владикавказ: Алания, 2004. 540 с.
3. Кабисов Р. С. Русско-осетинский философский словарь. Цхинвал, 1995. 586 с.
4. Касаев А. М. Осетинско-русский словарь. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 1993. 384 с.
5. Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др.: в 2-х т. Москва, 2002. Доступ: https://elementy.ru/catalog/8247/Russkiy_assotsiativnyy_slovar_tesaurus_ru_dict. (дата обращения: 27.08.2022). [РАС].
6. Словарь современного русского литературного языка: в 16-ти т. / глав. ред.: чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышев и др. Москва; Ленинград, 1958. Т. 7. 1246 с. [ССРЛЯ].
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Москва: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
8. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. Москва, 1999. 559 с.

REFERENCES

1. Andreeva, T. L. (2006). Religioznaya sostavlyayushchaya natsionalnogo samosoznaniya [Religious Dimension of National Self-awareness] In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 4 (55). Pp. 105-110. (In Russ.).
2. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meanings. Value. Event. Fact]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
3. Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1980). *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic and Cultural Studies of Theory of Word]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
4. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Linguistic Background: Person, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
5. Krasavskiy, N. A. (2000). Lingvisticheskie metody issledovaniya emotsionalnoy kontseptosfery [Linguistic Methods of Study of Emotional Conceptsphere]. In *Lingvisticheskie paradigmy: traditsii i innovatsii*. Volgograd: Peremena. Pp. 18-28. (In Russ.).
6. Kryuchkova, N. V. (2005). *Lingvokulturnoe varirovanie kontseptov* [Linguacultural Variety of Concepts]. Saratov: Nauchnaya kniga. (In Russ.).
7. Pimenova, M. V. (2014). Kontseptualnyy mir-osnova mentalnosti [Conceptual World as the Basis of Mentality]. In *Obraz mira v zerkale yazyka*. Moskva. Iss. 1. Pp. 16-26. (In Russ.).
8. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Longuistics]. Moskva: Vostok – Zapad. (In Russ.).
9. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2006). *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-Cognitive Analysis of Language]. Voronezh: Istoki. (In Russ.).
10. Sidzhimova, D. (2004). Analiz reklamnogo teksta v usloviyakh mezhkulturnoy kommunikatsii [The Analysis of Text of Advertisement in the Framework of Intercultural Communication]. In *Bolgarskaya rusistika*. No. 3-4. Pp. 77-84. (In Russ.).
11. Fyodorov, A. V. (1983). *Osnovy obshchey teorii perevoda* [Principles of General Theory of Translation]. Moskva. (In Russ.).
12. Frumkina, R. M. (1992). Kontseptualnyy analiz s tochki zreniya lingvista i psihologa [Conceptual Analysis from the Point of View of Linguist and Psychologist]. In *Nauchno-*

tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i skhemy. Moskva. No. 3. Pp. 3-17. (In Russ.).

13. Cherneyko, L. O., Dolinskiy, V. A. (1996). Imya SUDBA kak obyekt kontseptualnogo i assotsiativnogo analiza [The Word Sudba as an Object of Conceptual and Associative Analysis]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Filologiya.* No. 6. Pp. 20-41. (In Russ.).

14. Chudinov, A. P. (2004). Natsionalnaya mentalnost i sootvetstvuyushchie ey metaforicheskie modeli [National Mentality and Corresponding Metaphorical Models]. In *Ethnohermeneutik und Antropologie.* Landau: Verlag Emprische Pedagogik. Pp.19-30. (In Russ.).

15. Shapilova, N. I. (2003). Assotsiativno-semanticheskoe pole kak osnova rekonstruktsii sodержaniya kontsepta [Associative-Semantic Sphere as the Basis of Reconstruction of the Concept Content]. In *Mir cheloveka i mir yazyka. Ser. Kontseptualnye issledovaniya.* Kemerovo. Iss. 2. Pp. 237-245. (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Abaev, V. I. (1958). *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of Ossetian Language]. Moskva – Leningrad: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR. (In Russ.).

2. Guriev, T. A. (2004). *Osetinsko-russkii slovar* [Ossetian-Russian Dictionary]. Vladikavkaz: Alaniya. (In Russ.).

3. Kabisov, R. S. (1995). *Russko-osetinskiy filosofskiy slovar* [Russian-Ossetian Philosophical Dictionary]. Tskhinval. (In Russ.).

4. Kasaev, A. M. (1993). *Osetinsko-russkii slovar* [Ossetian-Russian Dictionary]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI. (In Russ.).

5. *Russkii assotsiativnyy slovar* [Russian Associative Dictionary]. In Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva and others (ed.). Moskva, 2002. Available at: https://elementy.ru/catalog/8247/Russkii_assotsiativnyy_slovar_tesaurus_ru_dict. (accessed: 27.08.2022). (In Russ.).

6. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. In V. I. Chernyshev and others (ed.). Moskva; Leningrad, 1958. Vol. 7. (In Russ.).

7. Fasmer, M. (1987). *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moskva: Progress. Vol. 3. (In Russ.).

8. Chernykh, P. Ya. (1999). *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Modern Russian language]. Moskva. (In Russ.).

Джигоева Варвильна Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка (e-mail: jio.varvilina@mail.ru), Юго-Осетинский государственный университет имени А. А. Тибилова. 100001 Республика Южная Осетия г. Цхинвал ул. Путина, 8.

Dzhioeva Varvilina P. – Candidate of Philology, Associate professor of English Language Department (e-mail: jio.varvilina@mail.ru), South Ossetia State University named after A. A. Tibilov 8 Putina, Tskhinval, Republic of South Ossetia, 100001

Поступила в редакцию 24 ноября 2022 г.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕТИСАЦИИ В ЯМАЙСКОМ И ТРИНИДАДО-ТОБАГСКОМ КРЕОЛЯХ

В статье рассматривается проблема развития лексических инноваций, представленных словами со значением метисации в тринидадо-тобагском и ямайском креолях. Семантическое развитие инноваций в этих креолях происходит в соответствии с различными способами семантической деривации: метонимизация, метафоризация, сужение значения.

Ключевые слова: заимствование, инновация, семантическая деривация, метонимия, метафора, сужение значения, изоморфизм, алломорфизм.

© 2022 V. A. Drozdov

LEXICO-SEMANTIC GROUP OF WORDS MEANING MISCEGENATION IN JAMAICAN AND TRINIDADO-TOBAGONIAN CREOLES

The article considers the problem of lexical innovations development on the basis of semantic derivation in the English-based Trinidado-Tobagonian and Jamaican creoles. The semantic development of lexical innovations in these creoles takes place in accordance with different ways of semantic derivation: metonymy, metaphor, specialization of meaning.

Key words: borrowing, innovation, semantic derivation, metonymy, metaphor, specialization, isomorphism, allomorphy.

1. Введение. Социальная иерархия в рабовладельческом обществе Вест-Индии в XVII–XVIII веках была неразрывно связана с цветом кожи. На протяжении нескольких веков принадлежность к негритянской части населения была символом социальной неполноценности. Придавалось огромное значение даже оттенкам кожи, и чем пигментация ее была светлее, тем выше был социальный статус и престиж человека. На Ямайке и Тринидаде «высший класс» в первой половине XX века состоял из белых и светлокожих, «средний класс» – из коричневых и отчасти черных, «низший класс» – из черных [Нитобург, 1982: 17].

Заметим, что пиджин не является родным ни для кого из говорящих. В определенных условиях расширенный пиджин может становиться родным для какого-либо языкового коллектива (т. е. нативизироваться). При этом еще более расширяются его коммуникативные функции и совершенствуется его структура. Такой язык определяется как креольский [Дьячков, 1987: 8-9].

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью диахронных аспектов территориального варьирования англоязычных карибских креолов.

Цель исследования – на примере лексико-семантической группы слов со значением метисации показать, как развивается английский язык на новой территории своего распространения, представленной территорией тринидадо-тобагского и ямайского креолей в Карибском бассейне, а также при каких условиях при неизменном плане выражения появляется новый план содержания.

Данная цель предусматривает решение следующих **задач**: 1) установить изоморфные и алломорфные признаки слов со значением метисации в тринидадо-тобагском и ямайском креолях Карибского бассейна; 2) описать семантические пути развития лексических заимствований со значением метисации в тринидадо-тобагском и ямайском креолях.

Объектом исследования являются тринидадо-тобагский и ямайский креоли. **Предметом** исследования являются языковые единицы со значением метисации в исследуемых креолях. **Методы** исследования: анализ словарных дефиниций, сопоставительный метод, контекстуальный анализ.

В качестве **материала** исследования послужили лексемы, извлеченные из различных словарей карибских креолей на англоязычной основе. Общий объем проанализированных языковых явлений составляет 1688 заимствований в ККАО (из них 722 заимствования в ямайском креоле, 548 заимствований в тринидадо-тобагском креоле), отобранных методом сплошной выборки из словарей ККАО. По проблеме заимствований имеются следующие новейшие публикации: Л. С. Алпеева [Алпеева, 2019], А. М. Николаева [Николаева, 2019], Д. Н. Шмелёв [Шмелёв, 2002], Вине Мари-Терез [Vinet, 2017], Чиру Костин Габриэл [Chiru, 2018], Fouad Seridj [Fouad, 2019]. Проблемы вторичной номинации рассматриваются в работе Ш. Р. Басырова [Басыров, 2019].

Тринидад и Тобаго – государство на двух островах, расположенное вблизи северо-восточного побережья Венесуэлы. Эти острова были открыты Колумбом в 1498 г. Имя Тринидад («троица») было подсказано Колумбу видом трёх вершин южной гряды острова. Название Тобаго произошло от изменённого испанского слова «табак». Исконными жителями Тринидада были индейцы араваки. Свою родину они называли Иёре, что значит «страна колибри». Испанская колонизация островов шла медленно. Этим воспользовались французские плантаторы, бежавшие вместе со своими рабами с острова Гаити от революции. В 1797 г. Тринидад был захвачен английской экспедицией, а в 1802 году официально передан Англии. Тобаго был окончательно закреплён за Великобританией в 1814 г. [Страны, 1981: 322].

В 140 км к югу от Кубы лежит остров Ямайка. Колумб открыл Ямайку в 1494 г.

За полтора столетия испанского господства на острове индейцы были уничтожены почти полностью. Первые партии рабов из Африки на Ямайку были доставлены в начале XVI в. Англичане превратили остров в грандиозный невольничий рынок и в крупную «сахарную» колонию. В XVIII в. соотношение негров-рабов и белых превышало 10:1. Среди рабов преобладали западноафриканцы – короманти. В неприступных горно-лесных районах Ямайки действовали маруны – беглые негры-рабы, отстаившие свою свободу с оружием в руках. Попытки плантаторов ввозить рабочую силу из Индии и Китая большого успеха не имели. В 1962 г. Великобритания была вынуждена предоставить Ямайке независимость [Страны, 1981: 254].

Одной из характерных особенностей стран Карибского архипелага является чрезвычайно пёстрый в расовом и этническом отношении состав населения [Нитобург, 1982: 8].

2. Лексемы со значением метисации в тринидадо-тобагском и ямайском креолях

В данном исследовании рассматривается лексико-семантическая группа (далее ЛСГ) существительных, объединенных понятием ‘метисация’ в тринидадо-тобагском и ямайском креолях. Данное понятие получила широкое развитие в странах Центральной Америки. Метисация – процесс смешения различных рас современного человека и возникновения целой серии специализированных обозначений метисов, т. е. группы лиц европеоидно-индейского происхождения, а также мулатов – людей европеоидно-негритянского происхождения [Страны, 1981: 28].

Иерархия специализированных обозначений метисов и мулатов приведена в исследовании К. Кэмпбелла, который пишет следующее: *The colour rating in descending order was something like this: whites, quadroon, mestee, costee, mulatto, cabre, mongrel, sambo, blacks* [Campbell, 1992: 60-1; DTrTCr, 2009: 605]. ‘Метисация по цвету кожи в нисходящем порядке может быть представлена следующим образом: *белые, кварталеры, мести, кости, мулаты, кабре, полукровки, самбо, чернокожие*’.

2.1. Первая позиция в иерархии наименований представителей среднего и низшего классов Вест-Индии по цвету кожи со значением метисации. В тринидадо-тобагском креоле первое место в иерархии по цвету кожи к белым (*whites*) относятся *shabine, chaben* (m) – *chabin* (f), *beke-neg* (т. е. *backra nigger*) [DTrTCr, 2009: 805]. В цитируемом словаре дается следующая трактовка значения лексемы *shabine*: ‘*Shabine* – человек смешанного африкано-европеоидного происхождения со светло-коричневой кожей, рыжеватыми волосами, негроидными чертами, с веснушками и сероватыми

глазами' (← ФрКр *chabin* 'самка', *chaben* 'самец', 'светлокожий человек' ← фр 'chabin 'разновидность овцы с длинной густой шерстью. Когда-то считалось, что она гибрид овцы и козла') = *beke neg* (Trin) = *an albino* (Trin) [Allsopp, 1996: 91] 'альбинос'. Например:

(1) 1956. *Chabeen, mulatto of fair complexion with reddish negroid hair*. '1956 г. *Chabeen*, светлокожий мулат с рыжеватыми волосами негроидного типа';

(2) «*Another shabeen again! ... Since a living here these ten years, I eh see one nigger child enter that gate*» [DTrTCr, 2009: 805]. 'Еще один светлокожий! ... Уже десять лет живу здесь и только один раз видел, как черномазый малыш заходил в эти ворота' (перевод наш).

Семантическое развитие заимствования тринидадо-тобагского креоля на основе метафорического переноса можно показать в виде следующей метафорической модели: фр. *chabin* (*shabine*) 'овца с длинной густой шерстью; гибрид овцы и козла' → ФрКр *chabin* (ж.), *chaben* (м.) 'светлокожий человек' → метафора → ТрТКр *chabin* 'полукровка; человек-альбинос (= *beke neg*) с бледно-коричневой кожей, курчавыми, рыжеватыми волосами, негроидными чертами, веснушками и сероватыми глазами'.

Семантическое развитие заимствования ТрТКр *chabin* (*shabine*) происходит в соответствии с метанимической моделью «цвет шерсти животного → цвет кожи человека».

В ямайском креоле к рангу белых (*whites*) относятся многочисленные наименования негров-альбиносов.

2.1.1. Первую группу образуют многочисленные слова, когда производное наименование ЯмКр 'негр-альбинос' представляет собой метафорическое переосмысление исходного наименования животного по зоонимной модели «животное → человек». Например:

(3) *white cockroach* 'белый таракан' → метафора → ЯмКр *white cockroach* [Cassidy, 1967: 470] 'негр-альбинос';

2.1.2. Во вторую группу входят имена существительные и прилагательные, которые образуют слова ЯмКр 'негр-альбинос', возникшие на базе метафоры артефактного типа:

(4) *sidepork* 'свиной бочок' → метафора → ЯмКр *sidepork* (derogat.) [from the *sallow* colour of a *sidepork*] [Cassidy, 1967: 409] (уничжит.) 'негр-альбинос' (из-за желтоватого цвета бочка свинины).

В примере (4) в ямайском креоле семантическое развитие производного слова происходит на базе метафорического сравнения по модели «цвет предмета → человек с данным цветом кожи».

Лексемы данного метафорического типа возникли в процессе переосмысления различных продуктов человеческой деятельности (артефактов): механических и

транспортных средств, музыкальных инструментов, материалов, произведений искусства, предметов для игры и т. п. [Басыров, 2019: 27].

2.1.3. Третью группу образуют слова ЯмКр, производные от исходного значения ‘внешние свойства или черты характера человека → человек определенной расы с этими чертами *характера* или приметам *внешности*’. Например:

(5) *dundus* [Cassidy, 1967: 164] ‘фрик; ненормальный’ → метонимия → ЯмКр *dundus* ‘негр-альбинос’.

2.2. Вторая позиция в иерархии наименований представителей среднего и низшего классов Вест-Индии по цвету кожи со значением метисации. В тринидадо-тобагском креоле вторую ступень в иерархии по цвету кожи занимают *quadroons* ‘квартироны’ или ‘квадруны’: <*Quadroon is the offspring of a white person and a mulatto; one who has a quarter of Negro blood*> [COED, 1993: 1483/962] ‘Квадрун – потомок белого и мулатки, тот, у кого одна четвертая часть негритянской крови’. Например:

(6) 1793. *Castaing is described as a small dark mulatto, and La Chaise as a Quateron*. ‘1793 г. Кастенг по описанию – маленький темнокожий мулат, а Лашез – квартирон’.

В ямайском креоле данную позицию в иерархии по цвету кожи занимает квадрун или квартирон, т. е. тот, у кого одна четвертая часть негритянской крови. В Америке – это человек, одним из предков которого в третьем поколении был негром’. Например:

(7) 1818. *From the mulatto and white comes the quadroon* [Cassidy, 1967: 312] ‘1818 г. От мулата и белой рождается квартирон’.

Семантическое развитие лексемы *quadroon* можно представить в следующем виде: исп. *cuarteron* → фр. *quarteron* ‘квартирон; человек, один из предков которого в третьем поколении был негром’ → метонимия → ТрТКр *quadroon* [‘современная форма, возможно, образовалась по аналогии с другими формами, начинающимися с *quadr-*’] [COED, 1993: 1483/962] (перевод наш).

В основе метонимического переноса слова *quadroon* лежит смежность, сопредельность в пространстве по модели: «четверть (негритянской крови) → человек с одной четвертью (негритянской крови)».

Аллонимом, т. е. вариантным наименованием [Ахманова, 1969: 40] квартирона в ямайском креоле является архаизм *castee*, который был образован по аналогии со словом *mustee* ‘мусти’: <*Castee – a quadroon, or person of one-eighth negro and seven-eighth white blood*> ‘Касте (арх.) – квартирон или человек с 1/8 частью крови чернокожего и 7/8 частями крови белокожего’.

В основе метонимического переноса лексемы *castee* лежит смежность, сопредельность в пространстве по модели: «одна восьмая часть (негритянской крови) → человек с одной восьмой частью негритянской крови». Например:

(8) 1740. *There are also Mulatoes and Mustees: the first are from a Negroe and white man; the other is from the second generation; and the third are called Castees* [Cassidy, 1967: 95] ‘1740. Кроме того, есть мулаты и мусти. Мулаты происходят от скрещивания негритянки и белого; мусти – результат скрещивания во втором поколении. Результат скрещивания в третьем поколении – гибриды касти’ (перевод наш).

2.3. Третья позиция в иерархии наименований представителей среднего и низшего классов Вест-Индии по цвету кожи со значением метисации. Третью позицию в иерархии по цвету кожи в Тринидаде и Тобаго занимают метисы – *mustee* ‘мусти’ (или *mestee* ‘мести’).

Происхождение слова *mustee* ‘мусти’ и его варианта *mestee* ‘мести’ в тринидадо-тобагском креоле имеет следующий вид: лат. *miscēre* ‘смешивать’ → лат. (причастие II) *mixt-us* ‘смешанный’ → народная лат. *mixtīcius* ‘смешанный’ → исп. *mestizo* ‘смешанный’, порт. *mestiço* ‘смешанный’ → прованс. *mestis* ‘метис’ (фр. *metis* ‘метис’) → ТрТ Кр *mestee* ‘мести’ или *mustee* [SOED, 1964: 1302] ‘мусти, полукровка’. Например:

(9) 1588. *A Mestizo is one which hath a Spaniard to his father and an Indian to his mother.* ‘1588 г. Метис – это человек, у которого отец – испанец, а мать – индианка’;

(10) 1613. *The Portugalls many of them are married with Indian women, and their posteritie are called Mesticos* [COED, 1993: 1069/661] ‘1613 г. Многие португальцы женаты на индианках, а их детей называют метисами’.

В словаре тринидадо-тобагского креоля приведена следующая дефиниция лексемы *mustee*: (n obs) <A person of mixed race; in West Indian colonial classification, specifically the child of one white parent and one parent who has one black grandparent; a white and a quadroon> (← E *mustee, mestee* ← Sp *mestizo* ‘a person of mixed race’) [DTrTCr, 2009: 595]. ‘Мести – (уст.) человек смешанной расы. В соответствии с классификацией слов колониального периода, мести (уст.) – ребенок одного белого родителя и другого родителя, у которого бабушка или дедушка были чернокожими’ (← от англ. *mustee, mestee* ← Sp *mestizo* ‘полукровка; метис’).

Приведём пример из словаря тринидадо-тобагского креоля:

(11) 1838. *[H]ere and there were numbers of tastily-dressed women, of the classes called mulattoes, mestees, and quadroons, who were the most beautiful of those classes which I, at that time had ever seen* [DTrTCr, 2009: 595] ‘1838 г. Кое-где было много со вкусом одетых

женщин. Это были мулатки, мести и квартеронки. Они были самые красивые, из всех, которых я когда-либо видел' (перевод наш).

Семантическое развитие слова *mustee* в тринидадо-тобагском креоле от исходной испанской лексемы происходит в соответствии с метонимической формулой «смешанная раса в результате метисации 'белый + квартеронка' → человек-метис с соответствующей частью крови чернокожего».

В ямайском креоле третью позицию в иерархии по цвету кожи занимает *mestee* 'мести', *mustee* 'мусти, полукровка'.

Семантическое развитие заимствования *mestee* 'мести', *mustee* 'мусти, полукровка' в ЯмКр происходит на основе метонимии в соответствии с моделью «характерный признак человека → человек, характеризующийся этим признаком» от исходной лексемы испанского языка.

2.4. Четвёртая позиция в иерархии наименований представителей среднего и низшего классов Вест-Индии по цвету кожи со значением метисации. Четвертую ступень иерархии по цвету кожи в тринидадо-тобагском креоле занимает *costee* (уст.): <*Costee* – a person of three parts black African descent and five parts white European descent> [DTrTCr, 2009: 279] '*Costee* (уст.) – человек, который по происхождению на 3/8 черный африканец и на 5/8 – европейского происхождения'. Например:

(12) *It seems that a cabre woman and a white man could have a mulatto child. A mulatto woman and a white man produced a mestee offspring; and a mestee and a mulatto produced a costee* [DTrTCr, 2009: 279] 'Вероятно, у женщины-кабре и белого мужчины может родиться ребёнок-мулат. У женщины-мулатки и белого мужчины может родиться ребёнок мусти. У мусти и мулатки – ребёнок *costee*, который по происхождению на 3/8 черный африканец и на 5/8 – европейского происхождения'.

По нашему мнению, название расы *costee* построено на основе телескопии контаминации: *co(loured mulatto + me)stee* → *costee*. Семантическое развитие заимствования *costee* 'кости; полукровка' происходит на основе метонимической модели «три восьмых части крови чернокожего → человек, имеющий три восьмых части крови чернокожего». Данную субмодель можно подвести под более обобщённую модель: «характерный признак человека → человек, называемый по этому признаку» от исходной лексемы испанского языка.

В ямайском креоле четвертую позицию в иерархии по цвету кожи занимает *mustifina, mustifino*: <This is the offspring of a mustee with a white i.e. one having 1/16 negro

and 15/16 white parentage> [Cassidy, 1967: 312] ‘мустефино – потомок мусти и белой, т. е. тот у которого 1/16 часть негритянской крови и 15/16 крови белых’. Например:

(13) 1924. *Massa Peter was a funny sort of a buckra massa. He was ‘mustafenia’ (white by law).* ‘1924 г. Хозяин Питер был странным белым хозяином. Он был «мустафеня» по закону’.

Согласно словарю SOED, лексема *mustifino* обозначает ‘чистый + метис’: <Sp *mustee + fino, fine, fina*> [SOED, 1964: 312].

Семантическое развитие метонима *mustifina, mustifino* происходит по субмодели «1/16 часть негритянской крови → человек, имеющий 1/16 часть негритянской крови», входящей в обобщённую модель вида «характерный признак человека – человек, характеризующийся по этому признаку».

2.5. Пятая позиция в иерархии наименований представителей среднего и низшего классов Вест-Индии по цвету кожи со значением метисации. На пятой позиции в иерархии по цвету кожи в тринидадо-тобагском креоле находятся цветные (*coloureds*). Рассмотрим архаизм с отрицательной коннотацией *mulatto* [Winer 2009:619] ‘человек-полукровка, смешанного европейского и африканского происхождения’.

Одна из версий происхождения данного слова сводится к следующей трактовке: исп. *mula* ‘ослица’ + уменьшительный суффикс *-ato* → *mulatto* ‘ослица’. Приведём некоторые примеры употребления архаизма *mulatto* в тринидадо-тобагском креоле:

(14) *The majority of coloured slaves were mulattoes, and the term came to be synonymous with the entire group of coloureds. It seems that a cabre woman and a white man could have a mulatto child. A mulatto woman and a white man produced a mestee offspring; and a mestee and a mulatto produced a costee. A mulatto and a black person would usually have a cabre child, occasionally a black child, rarely a mongrel or a sambo child* [DTrTCr, 2009: 619] ‘Большинство цветных рабов были мулатами, и это наименование стало синонимом всей группы цветных. Кажется, что от женщины-кабре и белого мужчины могут родиться дети-мулаты. Мулатка и белый мужчина могут породить метиса. Мести и мулат дадут жизнь ребенку-кости. У мулатки и черного обычно рождается ребенок-кабре, изредка этот ребенок – негр, редко полукровка или самбо’.

Итак, в номинатеме *mulatto* ‘мулат’ имплицитно присутствует метафорическое сравнение с животным – с молодой ослицей.

Семантическое развитие производного заимствования-архаизма ТрТКр *mulatto* от исходной испанской лексемы может быть представлено в виде следующей метафорической модели: исп. *mulatto* ‘молодая ослица’ → метафора → ТрТКр *mulatto* ‘мулат(ка)’.

В основу развития значения-архаизма *mulatto* ‘мулат(ка)’ в тринидадо-тобагском

креоле положен зоонимный тип метафоры.

У слова *mulatto* ‘мулат’ в тринидадо-тобагском креоле имеется синоним *zabrico* ‘мулат со светло-оранжевой кожей’ [DTTrTCr, 2009: 986], образованный в ходе вторичной номинации.

Из-за необычайной структуры слога во французском языке непроемный звук [z], при наличии явления связывания (*liaison*), появляется между определённым артиклем и существительным: *les* – [z] – *abricots*. В силу особенностей французской ритмомелодики данный звук примыкает к последующему слову, образуя новый слог – *zabrico*.

Во французском языке имеется морфологическое сандхи, т. е. слияние морфем на стыке слов [Ахманова, 1969: 394]. В рассматриваемом случае *les* – [z] – *abricots* [le-zabrico] происходит переразложение данного словосочетания и смещение морфологического шва на стыке двух слов. В письменной речи *les abricots* две морфемы оформлены отдельно, а в устной речи [le-zabrico] две морфемы подверглись фонетической трансформации, т. е. смещению морфологического шва: *les* – *abricots* [le-zabrico].

Семантическое развитие производного заимствования ТрТКр *zabrico* от исходной французской лексемы (с определённым артиклем *les* во множественном числе и непроемным окончанием /-s/ множественного числа существительного) может быть представлено в виде следующей метафорической модели: фр. *les abricots* ‘абрикосы’ → ФрКр *zabwico* → ТрТКр *zabrico* /zabrico, zabwiko/ ‘Phoebis Argante, ‘бабочка с крыльями цвета абрикоса и чёрными крапинками по краям’ → метафора + сужение значения → ТрТКр *zabrico* <mulatto with light orange skin> ‘мулат со светло-оранжевой кожей’.

В основу метафорического переноса положена общность светло-оранжевого цвета абрикоса и кожи мулата, т. е. модель «цвет предмета → цвет кожи человека».

В ямайском креоле на пятой позиции в иерархии по цвету кожи находятся лексемы *brown-skin* прилагат., диал.; ‘мулат(ка) или человек с подобным цветом кожи’. Например:

(15) 1954. *Brown-skin, someone whose skin is light brown* [Cassidy, 1967: 73] ‘1954 г. Мулат – это тот, чья кожа светло-коричневая’.

Другими аллонимами слова ‘мулат’ в ЯмКр являются слова *brown girl, brown man, maranta, mulatto* /malate, malanta, malantan, malato/.

Лексема *Brown girl* sb [Cassidy, 1967: 72] означает ‘мулатка или цветная девушка’. Например:

(16) 1827. *These brown girls are the devil incarnate: they fly at a pretty fellow as a parcel of sharks rush at a piece of salt beef* [Cassidy, 1967: 72] ‘1827 г. Эти цветные девушки – дьявол во плоти. Они набрасываются на красивого парня как стая акул на кусок солонины’.

Brown man имеет следующее толкование: <A coloured man, between black and white. (The term may be used neutrally, but among negroes it often carries resentment or scorn)>. [Cassidy, 1967: 72] ‘цветной; человек между чернокожей и белой расами. (Этот термин может использоваться как нейтральный, но в негритянской среде он несет эмоциональный заряд презрения или негодования)’. Например:

(17) *Brown man wife nyam [eats] cockroach a corner, sabe money fe buy silk dress* [Cassidy, 1967: 72] (Поговорка). ‘Жена цветного, сидя в углу, ест таракана. Она экономит деньги, чтобы купить шёлковое платье’.

2.6. Шестая позиция в иерархии наименований представителей среднего и низшего классов Вест-Индии по цвету кожи со значением метисации. На шестой ступени иерархии по цвету кожи в тринидадо-тобагском креоле находится цвет расы *cabre* (уст.). В тринидадо-тобагском креоле термином *cabre* обозначают <A person of mixed European and African or Amerindian ancestry, with medium or dark brown complexion> [DTrTCr, 2009: 179] ‘человека смешанной европейской и африканской или американо-индейской родословной при том, что цвет лица умеренно- или темно-смуглый’ (перевод наш). ФрКр *cabouesse* имеет следующее словарное толкование <female offspring of black and mulatto parents> ‘потомок черных родителей и родителей-мулатов’ ← фр. *capresse* <mixture of black and mulatto> ‘метисация темнокожего и мулатки’. Англ. *cabre* имеет следующее словарное толкование <mixture of black and white> ‘метисация темнокожего и белой’ [DTrTCr, 2009: 179]. Например:

(18) *The detailed colour scale does not seem to have been employed in everyday life, but chiefly when it was necessary to describe someone with particular accuracy. Thus wills, for instance, might specifically name a cabre or mestee inheritor* [DTrTCr, 2009: 179] ‘Подробная цветовая гамма расовых оттенков, по-видимому, в повседневной жизни не использовалась, но использовалась, когда было необходимо описать кого-нибудь особенно точно. Например, в завещаниях могли особенно точно указать расовую принадлежность мусти или кабре’.

Семантическое развитие производного устаревшего ЛСВ ТрТКр *cabre* ‘человек смешанной европейской и африканской или американо-индейской родословной; метисация темнокожего и белой’ от исходной лексической единицы испанского языка Латинской Америки *cabres* ‘индейцы из Колумбии и Венесуэлы’ может быть представлено при помощи следующей формулы: исп. язык Лат. Америки *cabres* ‘индейцы из Колумбии и Венесуэлы’ → специализация значения → ТрТКр *cabre* (уст.) ‘человек смешанной европейской и африканской или американо-индейской родословной’.

В ямайском креоле на шестом месте в иерархии по цвету кожи находится лексема *Rial* сущ. диал.; возможно оно происходит от *rial* ‘риал – монета низкой стоимости’. Прим.: *Rial* – это старая форма слова ‘*royal*’ ‘королевский’ и некоторые усматривают именно это значение в данном слове (если это так то, оно используется с иронией)). Однако, связь с ямайским значением не является четко выраженной: ЛСВ *rial* ‘полукровка’ обычно встречается в сложных словах (*chiney-rial* ‘полукровка от брака чернокожего и китайки’, *indian-rial* ‘полукровка от брака чернокожего и индуски’) и в других дериватах (*mule-rial* ‘гибрид коня и ослицы’, *turkey-rial* ‘скрещивание между курицей и индюком’). Например:

(19) 1943. *Rawyal, half-caste*. 1958 /*raial*/ *racial term: The offspring of East-Indian woman and black man*. /*raial*/ [Cassidy, 1967: 381]. ‘1943 г. *Rial* – расовый термин со значением ‘полукровка в результате брака индуски и чернокожего’.

Семантическое развитие ямайского слова *rial* ‘полукровка в результате брака индуски и чернокожего’ от исходной латино-американской лексической единицы *rial* ‘риал – монета низкой стоимости’ происходит путём метафоризации:

исп. Лат. Ам. *rial* (уст.) ‘риал – монета низкой стоимости’ → метафора → ЯмКр (арх.) *rial* ‘полукровка в результате брака индуски и чернокожего’.

В основе сравнения лежит метафорическая модель «низкая стоимость монеты → низкий социальный престиж метиса-полукровки».

2.7. Седьмая позиция в иерархии наименований представителей среднего и низшего классов Вест-Индии по цвету кожи со значением метисации. В тринидадо-тобагском креоле седьмую ступень иерархии по цвету кожи занимает лексема *mongrel* n (obs) ‘полукровка’ (уст.). Лексема <*Mongrel* – an official term for classifying slaves based on skin colour, apparently between «brown» and «black»> ‘*Mongrel* – официальный термин для классификации рабов на основании цвета кожи; *mongrel* ‘полукровка’, вероятно, занимал место между ‘коричневым’ и ‘черным’. (← Е *mongrel* ‘a negative term for a person not of pure race; the offspring of parents of different nationalities, etc.’) [DTTrTCr, 2009: 605]; ← герм. *mongrel* – термин с отрицательной коннотацией, обозначающий человека смешанной расы, потомка родителей различных национальностей’. Например:

(20) *A mulatto and a black person would usually have a cabre child, occasionally a black child, rarely a mongrel or a sambo child* [DTTrTCr, 2009: 619] ‘У мулатки и у черного обычно рождается ребенок кабре, иногда негр, редко полукровка или самбо’.

Одним из значений слова *mongrel* является ‘a dog of no definable breed, resulting from various crossings’ [SOED 1964: 1273]; ‘*mongrel* – дворняжка; собака не поддающейся определению породы; собака как результат различных скрещиваний’.

Семантическое развитие производного устаревшего ЛСВ ТрТКр *mongrel* ‘помесь, полукровка’ от исходной германской лексической единицы *mongrel* ‘дворняжка; собака смешанной породы’ может быть представлено при помощи следующей метафорической модели:

герм. *mongrel* ‘дворняжка; собака смешанной породы’ (SOED, XV век) → метафора → ТрТКр *mongrel* (уст.) ‘помесь, полукровка’.

В основу метафорического переноса положена модель зоонимного типа «животное → человек».

В ямайском креоле в следующем примере в именном словосочетании лексема *yellow snake* (арх.) актуализируется наименование со значением метисации ‘мулат(ка)’: *A mulatto* Obs. [Cassidy, 1967: 487] ‘мулат’ (уст.) (перевод наш).

В ямайском креоле в прямом значении наименование *yellow snake* обозначает пресмыкающееся: <*Yellow snake. The yellow boa Epicrates subflavus*> [Cassidy, 1967: 487] ‘*Yellow snake* – черно-желтый гладкогубый удав *Epicrates subflavus*, имеющий длину в 20 футов’. Например:

(21) 1868. *A Yellow Snake is very plentiful in Jamaica and is perfectly harmless to man* [COED, 1993: 2359/724] ‘1868 г. Черно-желтый гладкогубый удав – в изобилии на Ямайке, и он совершенно безвреден для человека’.

Семантическое развитие производного ЛСВ-архаизма ЯмКр *yellow snake* ‘мулат’ от исходной английской лексической единицы *yellow snake* ‘черно-желтый гладкогубый удав *Epicrates subflavus*’ может быть представлено при помощи следующей метафорической модели: англ. *yellow snake* ‘черно-желтый гладкогубый удав *Epicrates subflavus*’ → метафора → ЯмКр (Obs.) *yellow snake* ‘мулат’ (уст.).

Семантическое развитие данного заимствования происходит на базе метафоры зоонимного типа «животное → человек».

2.8. Восьмая позиция в иерархии наименований представителей среднего и низшего классов Вест-Индии по цвету кожи со значением метисации.

В тринидадо-тобагском креоле восьмую ступень иерархии по цвету кожи занимает архаизм лексемы *sambo n* (obs) – offspring of a *mulatto* (mixed African and European) and a Negro (African). (← Sp *zambo* ‘person of mixed Indian and Negro, sometimes European, descent’) [DTrTCr, 2009: 781] ‘(арх.) потомок мулата (метисация между африканцем и

европейкой) и негритянки'. (← исп. *zambo* 'человек смешанного индейско-негритянского происхождения'). Например:

(21) 1851. *You have the expression Black Sambo in the States. Down here, a sambo was the son of a nigger and a mulatto – not pure black at all* '1851 г. У тебя выражение лица как у черномазого самбо в США. В этих местах самбо – сын негра и мулатки, совсем не беспримесный чернокожий'.

В словаре COED отмечается, что «*sambo* is a name for a kind of yellow monkey» [COED, 1993: 1649/426], т. е. *sambo* – 'разновидность желтой обезьяны'.

Семантическое развитие производного устаревшего ЛСВ ТрТКр *sambo* 'потомок мулата и негритянки' от исходной испанской лексемы *sambo* 'желтая обезьяна' может быть представлено при помощи следующей метафорической модели зоонимного типа «животное → человек»: исп. *sambo* 'желтая обезьяна' > англ. *sambo* 'желтая обезьяна' → метафора → ТрТКр *sambo* 'потомок мулата и негритянки'.

3. Выводы

3.1. В зону изоморфных признаков ЛСГ со значением метисации в исследуемых карибских креолях включаются аллонимы карибских регионализмов, представленные различными наименованиями одной и той же расы, принятой в разных карибских странах для обозначения одного и того же референта.

3.2. Для лексем со значением метисации, заимствованных из французского языка и французско-креольского патуа в англоязычные карибские креоли, характерны различные способы семантической деривации (метафора, метонимия, специализация значения), которые носят системный характер и представляют собой зону изоморфизма тринидадо-тобагского и ямайского креолей.

3.3. Слова со значением метисации функционируют в карибских креолях с XVII века по настоящее время. В рассмотренных карибских креолях отмечены архаичные, неологистичные и устаревшие слова со значением метисации. Данный слой лексики характеризуется наличием стилистических обертонов, эмоциональной окраски презрения или негодования, отдельные лексемы носят ярко выраженную отрицательную коннотацию, в том числе ироничную.

3.4. Для тринидадо-тобагского и ямайского креолей универсальными моделями метафорического переноса наименования являются: 1) характерный признак → человек-носитель данного признака; 2) по сходству формы, внешнего вида; 3) артефактный тип метафоры; 4) зоонимный тип метафоры.

3.5. Для двух рассмотренных креолей универсальными моделями метонимического переноса наименования являются: 1) числовая часть крови → человек определённой расы, наделённый этой частью крови; 2) черты характера человека → человек определённой расы, обладающий этими чертами характера; 3) цвет → человек с данным цветом кожи.

Выявленные модели метафорического и метонимического переносов носят продуктивный характер.

3.6. Новый план выражения лексем с заимствованной инициальной [z] множественного числа существительных французского языка привял в тринидадо-тобагском креоле к развитию новых метафорических значений у существительных единственного числа. Данная модель метафорического переноса, характерная только для тринидадо-тобагского креоля, является уникальной. В тринидадо-тобагском креоле выявлены две лексемы с заимствованной инициальной [z] в значении метисации.

3.7. В ямайском креоле выявлена уникальная метафора «деньги с низкой стоимостью → полукровка с низкой социальной оценкой».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

англ. – английский язык, диал. – диалектальное, ККАО – карибские креолы на англоязычной основе, лат. – латинский язык, исп. Лат. Ам. – испанский язык Латинской Америки, ЛСВ – лексико-семантический вариант, ЛСГ – лексико-семантическая группа, народная лат. – народная латынь, порт. – португальский язык, прилагат. – имя прилагательное, прованс. – провансальский язык, ТрТКр – тринидадо-тобагский креоль, уст. – устарелое, фр. – французский язык, ФрКр – французо-креольский патуа, ЯмКр – ямайский креоль, Obs. – устаревшее слово, Sp – испанский язык, Trin – Trinidad

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпеева Л. С. Художественные функции архаизмов и историзмов в произведениях В. М. Шукшина // Научно-электронный журнал «Концепт». 2019. № 7. С. 187-196.
2. Басыров Ш. Р. Метафоры и метонимии в разноструктурных языках. Донецк: ДонНУ, 2019. 287 с.
3. Гуревич В. В. «Новое» и «старое» и их отношение к «началу» // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. Москва: Индрик, 2002. С. 56-60.
4. Дьячков М. В. Креольские языки. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. 106 с. (Серия «Языки народов Азии и Африки»).
5. Лэй Х. Лексический и культурологический аспекты описания историзмов (на материале русского и китайского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018. № 1 (79). Ч. 2. С. 387-389.
6. Николаева А. М. Устаревшая лексика в якутском историческом романе В. С. Яковлева – Далана «Тыгын Дархан» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 393-401.
7. Нитобург, Э. Л. Введение // Этнические процессы в странах Карибского моря. Москва: Наука, 1982. С. 3-25.
8. Осипова А. Д. Устаревшая лексика в русском современном языке (на материале толковых словарей) // Молодой ученый. Февраль 2020. № 7 (297). С. 280-281.

9. Чжан Кэ. Понимание термина заимствованное слово в русской и китайской лингвистике // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 724-734.
10. Шмелёв Д. Н. Архаические формы в современном русском языке // Избранные труды по русскому языку. Москва: Языки славянской культуры, 2002. С. 531-650.
11. Campbell C. Cedulants and capitulants: The policy of the coloured opposition in the slave society in Trinidad 1783-1838. Paria Publishing Company, 1992. 429 p.
12. Chiru C. G., Traian E. R. Archaisms, historicisms and neologisms identification in texts. Bucharest: PUB. Romania. Sept. 2018. 6 p.
13. Vinet M.-Th. Lexique, emprunts et invariants: une analyse theorique des anglicismes en Francais du Quebec // Université de Sherbrooke Revue québécoise de linguistique. 2017. Vol. 24. No. 2. P. 165-181.
14. Fouad S. De l'intégration des emprunts français à l'anglais // Synergies Algérie. Université de Béjaia, Algérie, 2019. No. 19. P. 197-213.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Издательство «Советская Энциклопедия», 1969. 605 с.
2. Страны и народы. Америка. Общий обзор Латинской Америки. Центральная Америка. Москва: Издательство «Мысль», 1981. 332 с. [Страны].
3. Cassidy F. G. Dictionary of Jamaican English. Cambridge at the Univesity Press, 1967. 487 p.
4. Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. Published in the USA by Oxford University Press, Inc., 1993. 2572 p. [COED].
5. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. London: Ithaca, 2009. 1041 с. [DTrTCr].
6. Shorter Oxford English dictionary on historical principles / Edited by C. T. Onions. Third edition, revised with Addenda. Oxford: Clarendon Press, OUP, London, 1964. 2515 p.
7. Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. London. Ithaca, 2009. 1041 p.

REFERENCES

1. Alpeeva, L. S. (2019). Khudozhestvennyye funktsii arkhazimov i istorizmov v proizvedeniyakh V. M. Shukshina [Functions of Archaisms and Historisms in V. M. Shukshin's Works]. In *Nauchno-elektronnyy zhurnal «Kontsept»*. No. 7. Pp. 187-196. (In Russ.).
2. Basyrov, Sh. R. (2019). *Metafori i metonimii v raznostrukturnykh yazykakh* [Metaphores and Metonymies in the Languages of Different Structure]. Donetsk: DonNU. (In Russ.).
3. Gurevich, V. V. (2002). «Novoye» i «staroye» i ikh otnosheniye k «nachalu» [«The new» and «the old» and their relation to the «beginning»]. In *Logicheskiy analiz yayka. Semantika nachala i kontsa*. Moskva: Indrik. Pp. 56-60. (In Russ.).
4. Dyachkov, M. V. (1987). *Kreolskiye yazyki* [Creole Languages]. Moskva: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. (Seriya «Yazyki narodov Azii i Afriki»).
5. Lai, H. (2018). *Leksicheskiy i kulturologicheskiy aspekty opisaniya istorizmov (na material russkogo i kitayskogo yazykov)* [Lexical and Cultural Aspects of Historisms (based on Russian and Chinese)]. In *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. No. 1 (79). Ch. 2. Pp. 387-389. (In Russ.).
6. Nikolayeva, A. M. (2019). *Ustarevshaya leksika v yakutskom istoricheskom romane V. S. Yakovleva – Dalana «Tygyn Darkhan»* [Obsolescent Words in a Yakut Historical Novel

«Tygyn Darkhan» by V.S. Jakovev – Dalan]. In *Mir Nauki, kultury, obrazovaniya*. 2019. No. 1 (74). Pp. 393-401. (In Russ.).

7. Nitoburg, E. L. (1982). Vvedeniye [Introduction]. In *Etnicheskiye protsesy v stranakh Karibskogo morya*. Moskva: Nauka, 1982. Pp. 3-25. (In Russ.).

8. Osipova, A. D. (2020). Ustarevshaya leksika v russkom sovremennom yazyke (na material tolkovykh slovarey) [Obsolescent Words in Modern Russian (based on explanatory dictionaries)]. In *Molodoy uchonyy*. No. 7 (297). Pp. 280-281. (In Russ.).

9. Chian, Kai (2017). Ponimaniye termina zaimstvovannoye slovo v russkoy i kitayskoy lingvistike [Explanation of the Term «borrowing» in Russian and Chinese Linguistics]. In *Vestnik RUDN. Teoriya yazyka, semiotika, semantika*. Vol. 8. No. 3. Pp. 724-734. (In Russ.).

10. Shmelev, D. N. (2002). Arkhaicheskie formy v sovremennom russkom yazyke [Archaic Forms in Modern Russian]. In *Izbranniye trudy po russkomu yazyku*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. Pp. 531-650. (In Russ.).

11. Campbell, C. (1992). *Cedulants and capitulants: The policy of the coloured opposition in the slave society in Trinidad 1783-1838*. Paria Publishing Company.

12. Chiru, C. G., Traian E. R. (2018). *Archaisms, historicisms and neologisms identification in texts*. Bucharest: PUB. Romania. Sept.

13. Vinet, M.-Th. (2017). Lexique, emprunts et invariants: une analyse theorique des anglicismes en Francais du Quebec. In *Université de Sherbrooke. Revue québécoise de linguistique*. Vol. 24. No. 2. Pp. 165-181.

14. Fouad, S. (2019). De l'intégration des emprunts français à l'anglais. In *Synergies Algérie*. Université de Béjaia, Algérie. No. 19. Pp. 197-213.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (1969). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moskva: Izdatelstvo «Sovetskaya Entsiklopediya». (In Russ.).

2. (1981) *Strany i narody. Amerika. Obshchii obzor Latinskoy Ameriki. Tsentralnaya Amerika* [Countries and Nations. America. General Review of Latin American Countries. Central America]. Moskva: Izdatelstvo «Mysl». (In Russ.).

3. Cassidy, F. G. (1967). *Dictionary of Jamaican English*. Cambridge at the Univesity Press.

4. (1993). *Compact Oxford English Dictionary*. Complete text reproduced micrographically. Published in the USA by Oxford University Press, Inc.

5. (2009). *Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles*. London: Ithaca.

6. Winer, L. (2009). *Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles*. London: Ithaca.

Дроздов Владимир Александрович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода (e-mail: v.drozдов@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Drozдов Vladimir A. – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Translation Studies Department (e-mail: v.drozдов@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 18 сентября 2022 г.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КАУЗАТОРА-СИТУАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительному анализу способов лексического выражения Каузатора-Ситуации в английском и русском языках. Исследование проводилось на материале предложений с глаголами и глагольными конструкциями, выражающими каузирование эмоционального состояния радости. Проведенный анализ позволил выделить их тематические группы с Каузатором-Ситуацией, которые продемонстрировали сходства и различия в том, что именно приводит к смене эмоционального состояния носителей английского и русского языков, и позволили составить обобщенную картину того, какие языковые средства используют носители разноструктурных языков для выражения каузирования ситуации радости.

Ключевые слова: Агнс, Каузатор-Ситуация, лексическое выражение, носители английского языка, носители русского языка, тематическая группа, Экспериенцер

© 2022 P. K. Lipanova

LEXICAL INTERPRETATION OF SITUATION CAUSATOR IN ENGLISH AND RUSSIAN

The article deals with comparative analysis of the means of lexical expression of Situation Causator in the English and Russian languages. The research is based on the sentences with verbs and verbal constructions that express the causation of the emotional state of happiness. The analysis allows to discern some thematic groups with Situation Causator that showed similarities and differences in what leads to changes in the emotional state of English and Russian speakers. The analysis helps to draw a general picture of the verbal means that are used by the speakers of the languages different by structures to express the causation of happiness situation.

Key words: Agent, Situation Causator, lexical expression, English speakers, Russian speakers, thematic group, Experiencer

1. Введение

Статья посвящена сопоставительному анализу способов лексического выражения Каузатора-Ситуации (далее КС) в предложениях с глаголами и глагольными конструкциями, обозначающими каузирование эмоционального состояния радости.

Эмоции исследовались и исследуются до сих пор с разных точек зрения, в первую очередь в психологии [Выготский, 1968; Ильин 2011; Ekman, 1979; Gray, 1973]. Концепт эмоций тесно связан с культурой народов [Wierzbicka, 1999: 4], поэтому изучение способов вербального выражения и чувственного восприятия эмоций всегда остается актуальным в лингвистике.

Эмоции связаны не только с состоянием отдельной личности, но также проявляют себя как социальный и коммуникативный феномен [Bartsch, Hübner, 2005: 2], из чего

можно заключить, что события и явления, которые возможно рассматривать в качестве источников эмоционального влияния, также являются этноспецифичными и могут давать дополнительную информацию о лингвокультурологических особенностях носителей языка [Buller, 1996: 271].

Понимания эмоций, как любого другого языкового явления, нельзя достичь без исследования их лексического выражения [Шаховский, 2008: 13]. Данное утверждение легло в основу ряда работ, посвященных проблеме исследования выражений эмоций в речи [Витт, 1986; Иорданская 1972; Камалова 1994; Романов 2005; Красавский, 2008; Бессонова 2019; Heelas, 1984; Wierzbicka, 1999]. Интуитивный выбор носителем языка того или иного слова для передачи эмоции определяется его значением, синтаксическими ограничениями, а также восприятием коммуникативной ситуации самим говорящим [Басыров, 2020; Калиущенко, 2020; Kiefer, 1996]. В работах Ю. Д. Апресяна последнее называется прагматикой языкового знака и подразумевает широкий круг значений, от экспрессивности до модальности, связанной с ситуацией общения [Апресян, 1974: 67].

Исследования семантики неизбежно приводят к необходимости определения семантических ролей [Булыгина, Селиверстова 1982; Калиущенко, Шагина, 2008; Мельчук, 1974; Падучева, 2004; Холодович, 1974; Храковский, 2021; Chomsky, 1973; Dowty, 1991]. В ситуациях каузирования эмоционального состояния главными семантическими ролями выступают Каузатор – синтаксический субъект – причина смены эмоционального состояния, и Экспериенцер – синтаксический объект – человек или группа лиц, испытывающие смену эмоционального состояния. Каузирование – это процесс, в основе которого лежит каузативная ситуация, представляющая собой макроситуацию, состоящую из двух микроситуаций: каузирующей (антецедента) и каузируемой (консеквента), связанных между собой отношением причинения [Недялков, Сильницкий, 1969: 6-7], например:

(1) англ. *His guitar playing pleased me at that difficult time [BNC]* ‘Его игра на гитаре радовала меня в то сложное время’.

(2) рус. *Поначалу жёсткая зелень радовала глаз Елены <...>* [НКРЯ].

Так, в примере (1) антецедентом является действие человека (*his guitar playing* ‘его игра на гитаре’), а консеквентом говорящий, которого приводит в состояние радости антецедент. В примере (2) антецедент – *жёсткая зелень* (домашние цветы в жестяных горшках) каузирует у консеквента *Елены* состояние радости. Отношения каузации, или причинения, являются константой каузативной ситуации, определяющим компонентом, который ее организует [Недялков, Сильницкий 1969: 6-7].

В семантической макроситуации каузирования эмоционального состояния могут принимать участие такие типы Каузатора как: *Ситуация*, т. е. осознанное или неосознанное действие одушевленного Каузатора, которое создает ситуацию [Fillmore, 1968: 25]; *Предмет* – предмет действительности искусственного или естественного происхождения; *Агенс* – одушевленный каузатор, совершающий некоторое осознанное действие, не имеющее эксплицитного выражения в рамках узкого контекста [Fillmore, 1968: 25]; *Информация* – новости, истории или слова Агенса [Падучева, 2004: 30]; *Атрибут* – внешние или внутренние признаки Агенса, его навыки, умения или состояние [Падучева, 2004: 94]; *Событие* – явление природы и глобальные события, которые формируют нерасчлененную ситуацию, в которой нельзя выделить субъект и объект [Калиущенко, 2016; Кацнельсон, 1972; Сусов, 1973].

Все вышесказанное определило **цель** данного исследования: провести сопоставительный анализ способов лексического выражения Каузатора-Ситуации в английском и русском языках и выявить их специфические особенности.

Материалом исследования послужили предложения, которые содержат глаголы и глагольные конструкции, выражающие каузирование эмоционального состояния радости, на английском (134 предложения) и русском (103 предложения) языках, отобранные из национальных корпусов языков.

2. Лексическое выражение Каузатора-Ситуации

Анализ отобранного материала позволил выделить ряд тематических групп, объединенных по принципу семантической общности ключевых лексических компонентов, выражающих КС.

2.1. Общие черты вербализации выражения КС в английском и русском языках

Следующие тематические группы проявляют относительное сходство в частотности в исследуемых языках: «Действия и деятельность человека», «Достижения и победы», «Интеллектуальная деятельность», «Научная сфера», «Праздник», «Спорт», «Карьера и карьерный рост», «Религиозная сфера» (см. таблицу).

Таблица. *Количественная характеристика тематических групп КС*

№	Тематическая группа каузатора	Количественные данные	
		англ. яз.	рус. яз.
1	2	3	4
1.	Действия и деятельность человека	29 (22%)	22 (21%)
2.	Абстрактное понятие	14 (10%)	8 (8%)
3.	Политика	12 (9%)	3 (3%)
4.	Достижения и победы	11 (8%)	7 (7%)
5.	Межличностные отношения	11 (8%)	4 (4%)
6.	Интеллектуальная деятельность	10 (7%)	9 (8%)

Окончание табл.

1	2	3	4
7.	Театр и театрализованные постановки	8 (6%)	15 (14%)
8.	Присутствие человека	7 (5%)	10 (10%)
9.	Научная сфера	6 (4%)	4 (4%)
10.	Праздник	5 (4%)	3 (3%)
11.	Спорт	4 (3%)	4 (4%)
12.	Карьера и карьерный рост	4 (3%)	2 (2%)
13.	Общение и разговоры	3 (2%)	5 (5%)
14.	Религиозная сфера	1 (1%)	2 (2%)
15.	Бизнес	4 (3%)	–
16.	Популярность	3 (2%)	–
17.	Социальное явление	2 (1%)	–
18.	Космическая программа	–	3 (3%)
19.	Юридическая сфера	–	1 (1%)
20.	Экономика и промышленность	–	1 (1%)
Всего		134 (100%)	103 (100%)

2.1.1. Самой многочисленной группой, проявляющей относительное сходство в количестве входящих в нее предложений, является «Действия и деятельность человека» (29 предложений в английском языке и 22 в русском), например:

(3) англ. *On the other hand, error-correction pleases the record producers <...>* [BNC] ‘С другой стороны, исправление ошибок радует музыкальных продюсеров <...>’.

(4) рус. *Чтоб немного развеселить пса, я кидался в него лопухими чернушками <...>* [НКРЯ].

В примере (3) Агенс, не имеющий эксплицитного выражения в рамках узкого контекста, совершает действие *error-correction* ‘исправление ошибок’, которое формирует ситуацию, являющуюся причиной смены эмоционального состояния Экспериенцера *the record producers* ‘музыкальные продюсеры’. В примере (4) Агенс я (говорящий) совершает действие *кидался*, пытаясь каузировать у Экспериенцера *пса* эмоциональное состояние радости.

2.1.2. Тематическая группа «Достижения и победы» является второй по частотности группой. В английском языке она представлена 11 предложениями, что составляет 8%, а в русском языке – 7 предложениями (7%), например:

(5) англ. *<...> in January he had been awarded the Order of Merit by George VI; some have said that this gratified him <...>* [BNC] ‘<...> в январе он был награжден Орденом за заслуги перед Георгом VI; некоторые говорили, что это обрадовало его <...>’.

(6) рус. *Успехи ученика тешат учительское самолюбие* [НКРЯ].

В примере (5) КС эксплицитно выражен в рамках предложения: Экспериенцера

наградили Орденом за заслуги перед королем Георгом VI. Тем не менее, каузативная макроситуация в примере (5) содержится именно в простом предложении *this gratified him*. В примере (6) к каузированию эмоционального состояния приводят не достижения самого Экспериенцера *учитель*, а Агенса *ученика*, с которым у Экспериенцера установлена связь на эмоциональном уровне.

2.1.3. Тематическая группа «Интеллектуальная деятельность» представлена почти одинаковым количеством предложений в исследуемых языках (10 примеров на английском языке и 9 на русском), например:

(7) англ. *I told him how much pleasure it gave me to think of him in charge of the school next year* [BNC] ‘Я сказал ему, как мне приятно думать, что в следующем году он будет руководить школой’.

(8) рус. <...> *тут иностранец сладко усмехнулся, как будто мысль о саркоме лёгкого доставила ему удовольствие* <...> [НКРЯ].

В примере (7) эмоциональный отклик у Каузатора вызывает не факт действительности (Агенса предположительно будет руководить школой), а интеллектуальная деятельность Экспериенцера, который *думает* об этом, и данные мысли его радуют. В примере (8) Каузатор выражен именовым словосочетанием *мысль о саркоме лёгкого*. На семантическом уровне данный Каузатор является Ситуацией, так как Экспериенцер *думает*, совершает мыслительный процесс (мысль не является статичной и требует интеллектуальной деятельности носителя).

2.1.4. Проведенный количественный анализ тематических групп позволил установить, что к каузированию эмоционального состояния радости приводят также достижения в области науки, особенно естественнонаучные открытия в биологии и химии (см. пункт 9 таблицы) и праздники, которые проводятся с целью намеренно улучшить эмоциональное состояние (см. пункт 10). Радостные чувства вызывают достижения спортсменов (см. пункт 11) или карьерный рост Агенса, который может выступать также Экспериенцером в каузативной макроситуации (см. пункт 12). Наименее частотной тематической группой, в которой были выявлены относительные сходства в количественных данных, является «Религиозная сфера» (см. пункт 14), что, вероятно, объясняется сакральностью данной области для носителей обоих исследуемых языков.

2.2. Дифференциальные черты в вербализации КС в английском и русском языках

Согласно данным таблицы, следующие тематические группы представлены в обоих исследуемых языках, однако проявляют заметные различия в частотности их

употребления, а именно: «Абстрактное понятие», «Политика», «Межличностные отношения», «Театр и театрализованные постановки», «Присутствие человека», «Общение и разговоры». Сопоставительный анализ данных групп позволяет сделать выводы относительно специфики выражения каузирования радости у носителей английского и русского языков.

2.2.1. Наиболее частотной тематической группой, проявляющей количественные различия, является «Абстрактное понятие». В английском языке в данную группу вошли 14 предложений (10%), а в русском языке – 8 (8%), например:

(9) англ. *But there are so many things to gladden the heart which take little time and no money.* [BNC] ‘Но есть так много вещей, радующих сердце, которые требуют мало времени и вовсе не требуют денег’.

(10) рус. *Зимой, когда солнце восходило поздно, он стоял, глядя на ночной восток, и думал о хорошем, о чем-то, что вызывало спокойную внутреннюю радость* [НКРЯ].

В примере (9) нельзя точно определить, какие именно вещи каузируют радость – *things* в данном контексте могут подразумевать как реальные вещи, так и действия или деятельность человека. В примере (10) узкий контекст также не позволяет определить, какое именно воспоминание, события или чьи-то действия вызывают эмоциональный отклик у Экспериенцера *он*.

2.2.2. Тематическая группа «Политика» является более частотной в английском языке – 12 предложений (9%) по сравнению с русским языком – 3 примера (3%), например:

(11) англ. *The Commonwealth would remain relevant, he said, and little pleases the Queen more than that* [BNC] ‘По его словам, Содружество наций останется актуальным, и мало что радует королеву больше, чем это’.

(12) рус. *Больше всего это событие обрадовало жителей Грозного* [НКРЯ].

В примере (11) эмоциональное состояние радости у Экспериенцера *the Queen* ‘королева’ каузирует тот факт, что *the Commonwealth* – политическая организация – *would remain relevant* ‘Содружество наций останется актуальным’. Чтобы определить тип Каузатора и отнести предложение к определенной тематической группе в примере (12), необходим более широкий контекст, который даст представление о том, какое событие подразумевается в предложении, а именно: *На прошлой неделе Ахмад Кадыров помирился с Бисланом Гантамировым*. Таким образом можно сделать вывод, что типом Каузатора является Ситуация, а сама каузативная макроситуация относится к сфере политики, так как в формировании антецедента участвуют два политических деятеля Чеченской Республики Ахмад Кадыров и Бислан Гантамиров.

Также в английском языке бóльшую частотность проявляет тематическая группа «Межличностные отношения» – 11 предложений (8%), что в два раза больше, чем в русском языке – 4 предложения (4%).

2.2.4. Группа «Театр и театрализованные постановки» более частотна в русском языке (15 предложений, что составляет 14%), чем в английском (8 предложений – 6%), например:

(13) англ. *It was the first time professional ballet was seen in South Africa, and the performances caused much excitement* [BNC] ‘Профессиональный балет в Южной Африке увидели впервые, и представления вызвали большой ажиотаж’.

(14) рус. *А 12 июня <...> артисты Читинской области порадовали москвичей театрализованным праздником «Забайкалье – золотая моя колыбель»* [НКРЯ].

В примере (13) Каузатор выражен существительным *performances* ‘представления’, что позволяет отнести данное предложение к данной тематической группе. Прямого указания на Экспериенцер в той части предложения, которая содержит каузативную макроситуацию, нет, но из первой части можно заключить, что Экспериенцером выступают люди, которые проживают в Южной Африке, и которые увидели представления, о которых идет речь. КС в примере (14) выражен именным словосочетанием с именем собственным *театрализованным праздником «Забайкалье – золотая моя колыбель»*. Агнс *артисты Читинской области* устроили театрализованное представление, намеренно каузируя у Экспериенцера *москвичей* эмоциональное состояние радости [Липанова, 2019: 29].

2.2.5. Также большую частотность в русском языке проявляет группа «Присутствие человека» (10 предложений в русском языке (10%) и 7 в английском (5%)), например:

(15) англ. *If the presence of Bruno was all that would cheer up Lydia <...>* [BNC] ‘Если присутствие Бруно было всем, что могло подбодрить Лидию <...>’.

(16) рус. *<...> государь император осчастливил полк своим присутствием <...>* [НКРЯ].

В примере (15) к смене эмоционального состояния Экспериенцера *Lydia* приводит не сам факт существования Агенса *Bruno*, но его присутствие рядом, неизбежно сопровождающееся действиями, не выраженными в узком контексте предложения, но которые подразумеваются под присутствием Агенса. Каузатор в примере (16) выражен не типичной конструкцией *государь император присутствием*, перифраза которой выглядит так: *присутствие государя императора*. Данное именование словосочетание содержит компонент *присутствие*, который позволяет отнести пример (16) к рассматриваемой группе «Присутствие человека».

Наименее частотной группой, количественный анализ которой выявил различия в исследуемых языках, является «Общение и разговоры». В русском языке в данную группу вошли 5 предложений, что составило 5%, а в английском языке 3 предложения (2%).

2.3. Специфические тематические группы с КС в английском и русском языках

Некоторые тематические группы являются характерными только для английского или только для русского языков (см. таблицу).

2.3.1. Следующие тематические группы отмечены только в английском языке: «Бизнес», «Популярность», «Социальное явление».

Тематическая группа «Бизнес» насчитывает 4 предложения (3%), например:

(17) англ. *Some of 1993's mussel profits will be invested in a cause calculated to gladden the dead king's heart* [BNC] 'Часть прибыли от мидий 1993 года будет инвестирована в дело, рассчитанное на то, чтобы порадовать сердце умершего короля'.

В примере (17) КС выражен существительным *a cause* 'дело' (т.е. предприятие), так как, согласно контексту, именно некое предприятие должно обрадовать Экспериенцера короля (*king's heart* 'сердце <...> короля'). При этом в контексте предложения можно также найти информацию, что деньги на данное дело поступят от прибыли с продаж морепродуктов, что также подчеркивает принадлежность данного предложения к тематической группе «Бизнес».

В тематическую группу «Популярность» вошли 3 предложения (2%), например:

(18) англ. *What especially pleases me is that we are extraordinarily popular <...>* [BNC] 'Что меня особенно радует, так это то, что мы необычайно популярны <...>'.

КС в примере (18) *we are extraordinarily popular* 'мы необычайно популярны' содержит компонент *popular*. Популярность, которая сопровождается взаимодействиями с фанатами, общением со СМИ и дополнительными выступлениями каузирует радость у Экспериенцера, который одновременно является Агенсом, так как именно его популярность приводит к смене эмоционального состояния.

Наименее частотной группой, представленной только в английском языке, является «Социальное явление» – в данную группу вошло всего 2 предложения, что составляет 1%.

2.3.2. Следующие тематические группы отмечены только в русском языке: «Космическая программа», «Юридическая сфера», «Экономика и промышленность».

Тематическая группа «Космическая программа», характерная только для русского языка, является немногочисленной – 3 предложения (3%), например:

(19) рус. *Как нам не радоваться, не гордиться такими подвигами советских людей, как успешный запуск в течение одного 1959 года трех космических ракет, вызвавший*

восхищение всего человечества [НКРЯ].

В примере (19) КС выражен словосочетанием *запуск <...> трех космических ракет*. В контексте предложения запуск ракет приравнивается к подвигу, который каузирует не только восхищение у Экспериенцера *всего человечества*, но и гордость у *советских людей*. Компоненты *подвиг*, *гордость* и *восхищение* подчеркивают важность события для носителей русского языка.

Специфические группы «Юридическая сфера» и «Экономика и промышленность» представлены одним предложением, из чего можно сделать вывод, что они не могут в полной мере свидетельствовать о лингвокультурологических особенностях вербализации каузирования эмоционального состояния.

3. Выводы

Проведенный анализ позволил сделать следующие основные выводы:

3.1. В обоих исследуемых языках КС чаще всего выражается лексическими единицами, обозначающими действия и деятельность Агенса, который может быть выражен в узком контексте предложения как эксплицитно, так и имплицитно. К смене эмоционального состояния носителей обоих исследуемых языков приводят также достижения и победы Агенса и мысли Экспериенцера (его интеллектуальная деятельность). В меньшей степени радость могут каузировать новости из сферы науки, праздники, события в сфере спорта, карьерный рост и религиозные обряды.

3.2. КС в английском языке чаще выражается лексическими единицами с широкой семантикой, которые могут подразумевать как предметы или действия, так и события или ситуации (абстрактное понятие). Носители английского языка больше вовлечены в политическую сферу, что подтверждается большей частотностью соответствующей тематической группы в английском языке, чем в русском. Они также придают больше значения межличностным отношениям, чем носители русского языка.

Специфичное выражение КС лексическими единицами из сферы бизнеса, а также имеющими значение популярности, свидетельствует о том, что немаловажную роль для носителей английского языка играет развитие собственного дела и признание собственного успеха.

3.3. В русском языке КС чаще выражается лексическими единицами, принадлежащими сфере театра и театрализованных представлений. Более важную роль для носителей русского языка играет присутствие другого человека, а также общение и разговоры (соответствующие тематические группы более частотны в русском языке). Для носителей русского языка особое значение имеет также космическая сфера – данная

тематическая группа является специфичной для русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва: Наука, 1974. 368 с.
2. Басыров Ш. Р. Структурно-семантические особенности лексики периода пандемии коронавируса // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2020. Т. 16. № 4 (50). С. 79-85.
3. Бессонова О. Л. Эмотивные наименования лица в англоязычном и русскоязычном художественном дискурсе XX столетия // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2019. Т. 15. № 3 (45). С. 66-79.
4. Булыгина Т. В., Селиверстова О. Н. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. Москва: Наука, 1982. С. 7-85.
5. Витт Н. В. Эмоциональная регуляция в речемыслительных процессах // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 3. С. 52-61.
6. Выготский Л. С. О двух направлениях в понимании эмоций в зарубежной психологии в начале XX в. // Вопросы психологии. 1968. №2. С. 157-159.
7. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 175 с.
8. Иорданская Л. Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Москва: МГПИИЯ, 1972. Вып. 16. С. 3-30.
9. Калиущенко В. Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике. Донецк: ДонНУ, 2016. 281 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 12).
10. Калиущенко В. Д. Глаголы, мотивированные зоонимами, в средневерхненемецком и современном немецком языке // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2020. Т. 16. № 4 (50). С. 86-94.
11. Калиущенко В. Д., Шагіна Г. С. Об'єктні конструкції та їх семантичні типи в англійській мові // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання*. Донецьк: ДонНУ, 2008. Т. 5. № 3 (15). С. 27-36.
12. Камалова А. А. Формирование и функционирование лексики со значением психического состояния в русском литературном языке. Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1994. 130 с.
13. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Москва: Гнозис, 2008. 374 с.
14. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Ленинград: Наука, 1972. 217 с.
15. Липанова П. К. Эмотивные глаголы в предложениях, каузирующих негативное эмоциональное состояние // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. С. 29-32.
16. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Москва: Наука, 1974. 346 с.
17. Недеялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград: Наука, 1969. 310 с.
18. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
19. Романов Д. А. Психолингвистическое обоснование эмоциональной идентификации // Вопросы языкознания. 2005. №1. С. 99-107.
20. Сусов И. П. Семантическая структура предложения (на материале простого предложения современного немецкого языка). Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ин-та,

1973. 141 с.

21. Холодович А. А. Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогии. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. 380 с.

22. Храковский В. С. Опыт сопоставительного анализа причинных и каузативных конструкций // Вопросы языкознания. 2021. № 5. С. 7-25.

23. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 3-е изд. Москва: URSS, 2009. 204 с.

24. Bartsch A., Hübner S. Towards a Theory of Emotional Communication // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2005. Available at: <https://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol7/iss4/2/>. (accessed: 20.10.2022).

25. Buller D. Communicating Emotions // Nonverbal communication. The unspoken dialog. 2 ed. New York; London; Tokyo: The McGraw-Hill Companies, 1996. P. 271-296.

26. Chomsky N. Deep structure, surface structure and semantic interpretation // Studies on Semantics in Generative Grammar. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 1973. Vol. 182. P. 63-119.

27. Dowty D. Thematic Proto-Roles and Argument Selection // Linguistic Society of America: Language. 1991. Vol. 67. No. 3. P. 547-619.

28. Ekman P., Oster H. Facial Expression of Emotion // Annual Review of Psychology. 1979. No. 30. P. 528-554.

29. Fillmore Ch. J. The case for case // Universals in Linguistic Theory. New York, 1968. P. 1-90.

30. Gray W. Emotional-cognitive structuring: A new theory of mind // Forum for correspondence and contact. 1973. P. 1-6.

31. Heelas P. Emotions Across Cultures: Objectivity and Cultural Divergence // Royal Institute of Philosophy Lectures. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 21-42.

32. Kiefer F. Lexical information and the temporal interpretation of discourse // Essays in Semantics and Pragmatics: In honor of Charles J. Fillmore. John Benjamins Publishing Company, 1996. P. 111-132.

33. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge university press, 1999. 361 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Национальный корпус русского языка. Доступ: <https://ruscorpora.ru/new/>. (дата обращения: 28.09.2022) [НКРЯ].

2. British National Corpus. Доступ: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. (дата обращения: 03.10.2022) [BNC].

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics. Synonymous Language Means]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

2. Basyrov, Sh. R. (2020). Strukturno-semanticheskie osobennosti leksiki perioda pandemii koronavirusa [Structural-Semantic Peculiarities of Covid-19 Pandemic Vocabulary]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk. Vol. 16. No. 4 (50). Pp. 79-85. (In Russ.).

3. Bessonova, O. L. (2019). Emotivnye naimenovaniya litsa v angloyazychnom i russkoyazychnom khudozhestvennom diskurse XX stoletiya [Emotive Designations of Person in the English and Russian Fiction of the XX Century]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk. Vol. 15. No. 3 (45). Pp. 66-79. (In Russ.).

4. Bulygina, T. V., Seliverstova, O. N. (1982). K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke [On the Construction of a Typology of Predicates in Russian]. In *Semanticheskie tipy predikatov*. Moskva: Nauka. Pp. 7-85. (In Russ.).

5. Vitt, N. V. (1986). Emotsionalnaya regulyatsiya v rechemyslitelnykh protsessakh [Emotional Regulation in Speech and Thought Processes]. In *Psikhologicheskii zhurnal*. Vol. 7. No. 3. Pp. 52-61. (In Russ.).

6. Vygotskiy, L. S. (1968). O dvukh napravleniyakh v ponimani emotsiy v zarubezhnoy psikhologii v nachale XX v. [On two Directions in Understanding Emotions in Foreign Psychology at the Beginning of the 20th Century]. In *Voprosy psikhologii*. No. 2. Pp. 157-159. (In Russ.).

7. Ilin, E. P. (2011). *Emotsii i chuvstva* [Emotions and Feelings]. Sankt-Peterburg: Piter. (In Russ.).

8. Iordanskaya, L. N. (1972). Leksikograficheskoe opisanie russkikh vyrazheniy, oboznachayushchikh fizicheskie simptomy chuvstv [Lexicographic Description of Russian Expressions Denoting the Physical Symptoms of Feelings]. In *Mashinnyy perevod i prikladnaya lingvistika*. Moskva: MGPIYa. Vol. 16. Pp. 3-30. (In Russ.).

9. Kaliušchenko, V. D. (2016). *Ot lingvisticheskoy tipologii k istoricheskoy lingvistike*. [From Linguistic Typology to History Linguistics]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya. Vol. 12). (In Russ.).

10. Kaliušchenko, V. D. (2020) Glagoly, motivirovannye zoonimami, v sredneverkhnenemetskom i sovremennom nemetskom yazyke [Zoonym Motivated Verbs in Middle High German and Modern German]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk. Vol. 16. No. 4 (50). Pp. 86-94. (In Russ.).

11. Kaliušchenko, V. D., Shagina, G. S. (2008). Obektni konstruktsiyi ta yikh semantychni typy v angliyskii movi [Objective Constructions and their Semantic Types in English]. In *Studia Germanica et Romanica: Inozemni movy. Zarubizhna literatura. Metodika vykladannya*. Donetsk: DonNU. Vol. 5. No. 3 (15). Pp. 27-36. (In Ukr.).

12. Kamalova, A. A. (1994). *Formirovanie i funkcionirovanie leksiki so znacheniem psikhicheskogo sostoyaniya v russkom literaturnom yazyke* [Forming and Functioning of Lexical Units Meaning Mental State in the Russian Literary Language]. Arkhangel'sk: Izdatelstvo Pomorskogo mezhdunarjdnogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russ.).

13. Krasavskiy, N. A. (2008). *Emotsionalnye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokulturakh* [Emotional Concepts in German and Russian Linguistic Cultures]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).

14. Katsnelson, S. D. (1972). *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of language and speech thinking]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

15. Lipanova, P. K. (2019). Emotivnye glagoly v predlozheniyakh, kuziruyushchikh negativnoe emotsionalnoe sostoyanie [Emotive Verbs in Sentences that Cause a Negative Emotional State]. In *Donetskie chteniya 2019: obrazovanie, nauka, innovatsii, kultura i vyzovy sovremennosti*. Donetsk: DonNU. Pp. 29-32. (In Russ.).

16. Melchuk, I. A. (1974). *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ↔ Tekst»* [Experience on the Theory of «Meaning ↔ Text» Linguistic Models]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

17. Nedyalkov, V. P., Silnitskiy, G. G. (1969). *Tipologiya kuzativnykh konstruktsiy. Morfoloicheskii kuzativ* [Typology of Causative Constructions. Morphological Causative]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

18. Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in Words Semantics]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).

19. Romanov, D. A. (2005). Psikholingvisticheskoe obosnovanie emotsionalnoi identifikatsii [Psycholinguistic Substantiation of Emotional Identification]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 1. Pp. 99-107. (In Russ.).

20. Susov, I. P. (1973) *Semanticheskaya struktura predlozheniya (na materiale prostogo predlozheniya sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Semantic Sentence Structure (based on a

Simple Sentence in Modern German)]. Tula: Izdatelstvo Tulskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. (In Russ.).

21. Kholodovich, A. A. (1974). *Tipologiya passivnykh konstruksiy. Diatezy i zalogi* [Typology of Passive Structures. Diathesis and Voices]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

22. Khrakovskiy, V. S. (2021). Opyt sopostavitelnogo analiza prichinnykh i kauzativnykh konstruksiy [Issues in Comparative Analysis of Causal and Causative Constructions]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 5. Pp. 7-25. (In Russ.).

23. Shakhovskiy, V. I. (2009). *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [The Categorisation of Emotions in Lexical-Semantic System of Language]. 3rd ed. Moskva: URSS. (In Russ.).

24. Bartsch, A., Hübner, S. (2005). Towards a Theory of Emotional Communication. In *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. Available at: <https://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol7/iss4/2>. (accessed: 20.10.2022).

25. Buller, D. (1996). Communicating Emotions. In *Nonverbal communication. The unspoken dialog*. 2 ed. New York; London; Tokyo: The McGraw-Hill Companies. Pp. 271-296.

26. Chomsky, N. (1973). Deep structure, surface structure and semantic interpretation. In *Studies on Semantics in Generative Grammar*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton. Vol. 182. Pp. 63-119.

27. Dowty, D. (1991). Thematic Proto-Roles and Argument Selection. In *Linguistic Society of America: Language*. Vol. 67. No. 3. Pp. 547-619.

28. Ekman, P., Oster, H. (1979). Facial Expression of Emotion. In *Annual Review of Psychology*. No. 30. Pp. 528-554.

29. Fillmore, Ch. J. (1968). The case for case. In *Universals in Linguistic Theory*. New York. Pp. 1-90.

30. Gray, W. (1973). Emotional-cognitive structuring: A new theory of mind. In *Forum for correspondence and contact*. Pp. 1-6.

31. Heelas, P. (1984). Emotions Across Cultures: Objectivity and Cultural Divergence. In *Royal Institute of Philosophy Lectures*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 21-42.

32. Kiefer, F. (1996). Lexical information and the temporal interpretation of discourse. In *Essays in Semantics and Pragmatics: In honor of Charles J. Fillmore*. John Benjamins Publishing Company. Pp. 111-132.

33. Wierzbicka, A. (1999). *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge university press.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/>. (accessed: 28.09.2022). (In Russ.)

2. British National Corpus. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. (accessed: 03.10.2022).

*Липанова Полина Константиновна – аспирант
кафедры германской филологии
(e-mail: p.lipanova@donnu.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, ул. Университетская, 24*

*Lipanova Polina K. – Postgraduate Student
of Germanic Philology Department
(e-mail: p.lipanova@donnu.ru),
State Educational Institution of Higher Professional
Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001*

Поступила в редакцию 26 ноября 2022 г.

УДК 81'373.7:316.613.4:811.111

© 2022 Е. В. Трофимова, А. Э. Караянова

СЕМАНТИКА ЭМОТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОСНОВАННЫХ НА МЕТАФОРЕ, В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена выявлению и описанию особенностей семантики фразеологических средств выражения эмоций в современном английском и русском языках, установлению общих и отличительных черт во фразеологической эмоциональной картине мира англичан и русских. Представлены результаты семантической классификации эмотивных фразеологизмов. Описаны виды метафорических моделей концептуализации эмоций.

Ключевые слова: семантика, эмоция, эмоциональная метафора, концептуализация, фразеологическая единица.

© 2022 E. V. Trofimova, A. E. Karayanova

SEMANTICS OF ENGLISH AND RUSSIAN EMOTIVE PHRASEOLOGICAL UNITS BASED ON METAPHOR

The article deals with the study of the semantics of phraseological means of expressing emotions in the modern English and Russian languages, the establishment of common and distinctive features in the phraseological emotional picture of the world of the English and Russian linguocultures. The results of the semantic classification of the emotive phraseological units are presented. Types of metaphorical models of conceptualizing emotions are described.

Key words: semantics, emotion, emotional metaphor, conceptualization, phraseological unit.

1. Введение. Данная статья посвящена исследованию особенностей семантики фразеологических единиц (ФЕ), выражающих эмоции в английском и русском языках. **Актуальность** работы обусловлена направленностью современных лингвистических исследований на изучение и описание вербализованных фрагментов эмоционального мира человека. Своевременным является также привлечение лингвокогнитивного подхода к анализу репрезентантов определённых эмоциональных концептов. Кроме того, актуальность вызвана сопоставительным характером исследования. Описание структурных и семантических особенностей ФЕ английского и русского языков позволяет глубже познать общие и отличные механизмы и принципы вербального воплощения эмоциональных смыслов, раскрыть системные закономерности ФЕ, способствует расширению границ научного знания о концептуальной и языковой картине мира англоязычного и русскоязычного сообществ. По утверждению О. Л. Бессоновой, «сопоставление фразеологических картин мира различных лингвокультурных сообществ основывается на установлении семантических особенностей конститuentов» и «представляется важным для эффективной межкультурной коммуникации» [Бессонова,

2019]. Е. Ю. Войтенко также указывает на интенсивное развитие сопоставительного изучения ФЕ, подчеркивая антропоцентричную направленность сравнительной фразеологии: «в центре внимания исследователей фразеологии оказывается человек как носитель языка и представитель определенной национальной культуры» [Войтенко, 2021].

Объектом исследования являются ФЕ английского и русского языков, вербализующие эмоциональную сферу человека.

Предметом исследования служат семантические особенности фразеологических единиц, обозначающих эмоции.

Материалом исследования послужили 450 ФЕ в английском языке и 450 ФЕ в русском языке, репрезентирующие эмоции, отобранные методом сплошной выборки из фразеологических словарей английского и русского языков.

2. Результаты исследования

2.1. Под эмоциями следует понимать специфические переживания, окрашенные в приятные или неприятные тона и связанные с удовлетворением жизненно значимых потребностей человека, выполняющие в его жизни определенные функции: мотивационно-регулирующую, коммуникативную, сигнальную и защитную [Немов, 2007: 251]. Мир эмоциональных переживаний включает в себя все стороны жизни: отношения с окружающими людьми, деятельность, общение и познание. Эмоции представляют собой пристрастное отношение субъекта к окружающему и к тому, что с ним происходит. Поскольку в данной работе анализируются ФЕ, обозначающие как положительные, так и отрицательные эмоции, необходимо отметить, что механизм возникновения эмоций тесно связан с потребностями и мотивами человека, из чего следует, что обстоятельства и явления, способствующие удовлетворению потребностей и достижению целей, вызывают положительные эмоции, в то время как ситуации, препятствующие реализации потребностей и целей, вызывают отрицательные эмоции. По мнению Ю. Д. Апресяна, эмоции относятся к основным системам человека [Апресян, 1995].

По определению Н. А. Красавского, эмоциональный концепт представляет собой сложное образование, вербализованное на лексическом и фразеологическом уровнях, и включающее в себя понятийный, образный и ценностный компоненты [Красавский, 2001: 60]. Фразеологические единицы языка имеют важное значение в вербализации чувств человека. Как отмечает А. П. Василенко, фразеологизмы, как правило, формируются на образно-метафорической основе и, более того, они обязательно участвуют в формировании языковой картины мира и служат средством выражения национальной культуры [Василенко, 2016: 71].

В свете когнитивного подхода является обоснованным тот факт, что эмоции имеют сложную концептуальную структуру, при этом в языковой картине мира эмоции часто концептуализируются с помощью метафоры. З. Кёвечеш убедительно показывает, что самая яркая особенность эмотивной лексики – это ее метафорическая и метонимическая природа [Kövecses, 2004]. По утверждению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причём не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична [Лакофф, Джонсон, 1990: 25]. Вопрос метафорической репрезентации эмоций привлекает внимание многих лингвистов: В. Ю. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, Е. Ю. Мягкова, А. Н. Баранов, Е. О. Опарина и другие. В концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафоризация отражает взаимодействие между концептуальными областями источника и цели.

В процессе концептуализации разного рода эмоций используются несколько видов метафорических моделей. Опираясь на классификацию метафор, образующих семантическое поле эмоций, разработанную В. Ю. Апресян [Апресян, 2005], можно выделить следующие типы метафоры:

– физиологический тип, основанный на реальном сходстве между эмоцией и физиологическим состоянием, которому она уподобляется (между источником и объектом): англ. *to shake with fear* ‘дрожать от страха’, рус. *скрежетать зубами* ‘досадовать, злобствовать’. По мнению П. Е. Клобукова, психо-физиологические ощущения выступают в качестве главного мотиватора развития метафоры при отражении в языке переживания базовых эмоций [Клобуков, 1997: 44]. Эту точку зрения также поддерживают другие ученые (см., например, [Будянская, Мягкова, 2002]);

– когнитивный тип, который основан на общей положительной или отрицательной оценке источника и объекта метафоры: англ. *heart is heavy with grief* ‘сердце, полное горя’, рус. *с тяжелым сердцем* ‘неохотно, предчувствуя неприятность, беду’;

– культурный тип эмоциональной метафоры связан с культурными соответствиями между объектом и источником метафоры: англ. *to shine with smth* ‘сиять (от счастья и проч.)’, рус. *метать искры* ‘зло, сердито смотреть’.

2.2. Анализ английских и русских ФЕ, репрезентирующих эмоции, позволил выделить восемь семантических групп, отображающих различные виды эмоций. Из них к положительным относятся группы «Happiness / Счастье» и «Joy / Радость», к негативным – группы «Anger / Гнев», «Fear / Страх», «Grief / Печаль», и к смешанным относятся группы «Indifference / Безразличие», «Passion / Страсть» и «Astonishment / Удивление».

В таблице представлены вышеуказанные семантические группы.

Таблица. Семантическая классификация ФЕ, обозначающих эмоции, в английском и русском языках

№ п/п	Эмоция	Английский язык		Русский язык		Примеры
		Кол-во ФЕ, ед.	%	Кол-во ФЕ, ед.	%	
Положительные эмоции						
1.	Happiness / Счастье	53	12	55	12	англ. <i>die with laughter</i> 'умирать со смеху' рус. <i>быть на седьмом небе</i> 'чувствовать себя очень счастливым'
2.	Joy / Радость	50	11	48	11	англ. <i>tread / walk on / upon air</i> 'ликовать, радоваться' рус. <i>прыгать от радости</i> 'испытывать радость'
Отрицательные эмоции						
3.	Anger / Гнев	83	18	85	19	англ. <i>to get hot under the collar</i> 'рассердиться из-за чего-то / раздражаться' рус. <i>скрежетать зубами</i> 'досадовать, злобствовать'
4.	Fear / Страх	66	15	70	16	англ. <i>to curl smb's hair</i> 'волосы дыбом встают у кого-то (от страха)' рус. <i>кровь в жилах стынет</i> 'очень страшно'
5.	Grief / Печаль	60	13	64	14	англ. <i>to twist the knife in the wound</i> 'сыпать соль на рану / намеренно' рус. <i>море слёз</i> 'много плакать'
Смешанные эмоции						
6.	Indifference / Безразличие	41	9	38	8	англ. <i>not to bat an eye</i> 'не моргнуть глазом / остаться спокойным' рус. <i>бровью не повёл</i> 'внешне не проявил эмоций'
7.	Passion / Страсть	52	12	50	11	англ. <i>hot blood</i> 'пылкость, страстность, вспыльчивость' рус. <i>закружить голову</i> 'возбудить страсть, сделать кого-н. нерассудительным'
8.	Astonishment / Удивление	45	10	40	9	англ. <i>to knock smb. sideways</i> 'поразить кого-то / ошарашить' рус. <i>с открытым ртом</i> 'удивляться'
	Всего	450	100	450	100	

В группу «Happiness / Счастье» входят 53 английских ФЕ (12%) и 55 русских ФЕ (12%). Как отмечает С. Г. Воркачев, концепт счастья, связанный со смыслом жизни человека как центральной ценностью в аксиологической структуре личности, представляет собой наиболее универсальный и глобальный телеономный концепт [Воркачев, 2003: 26]. Если обратиться к толковым словарям, а именно Oxford Advanced Learner's Dictionary [OALD], то можно найти следующее определение: *happy* – feeling or expressing pleasure, contentment, satisfaction. Английское слово *happy* указывает на то, что состояние индивидуума соответствует определённой норме эмоционального благополучия, поэтому зачастую в словарных статьях как синонимы к слову *happy* употребляют такие прилагательные как *contented, pleased, satisfied*. В качестве примеров служат следующие ФЕ: *one's cup is full* 'испытывать безмерное счастье', *ready to leap out of one's skin* 'готов выскочить из кожи вон от радости'.

Русскоязычный толковый словарь С. И. Ожегова [Ожегов, Шведова, 2003] определяет *счастье* как чувство и состояние полного, высшего удовлетворения. Также словарь даёт ещё одно определение *счастья*, сравнивая его с *успехом* и *удачей*. Различные словари синонимов и ассоциаций под *счастьем* также подразумевают благополучие, радость, долю, наслаждение, удачу, успех, фортуна. Яркими примерами служат следующие фразеологизмы: *на волне успеха* 'воспользоваться случаем', *ковать счастье* 'активно добиваться благополучия, счастливой жизни', *попытать счастья* 'пробовать что-либо сделать, рассчитывая на успех'.

В следующую семантическую группу «Joy / Радость» входят 50 ФЕ английского языка (11%) и 48 ФЕ русского языка (11%). Опираясь на дефиницию из словаря Longman Dictionary of Contemporary English [LDCE], можно определить слово *joy* следующим образом: a great happiness, a deep feeling or condition of happiness; a person or thing that causes joy, a source of happiness; an outward show of pleasure or delight, rejoicing. Примерами могут послужить следующие ФЕ: *fool's paradise* 'в радость / не в радость', *full of the joys of spring* 'глаза светятся радостью'.

Если опираться на русский толковый словарь С. И. Ожегова [Ожегов, Шведова, 2003], *радость* определяется следующим образом: это весёлое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения. В качестве примера служат такие ФЕ, как *прыгать от радости* 'испытывать радость', *душа радуется* 'приподнятое настроение, охватывает радостное волнение по поводу чего-либо', *быть в телячем восторге* 'проявлять слишком бурный и беспричинный восторг'.

Как видно из таблицы, преобладающей в обеих лингвокультурах является группа

«Anger / Гнев», что можно пояснить тем, что гнев относится к базовым эмоциям, универсальным для большинства культур. В группу «Anger / Гнев» входят 83 английских ФЕ (18%) и 85 русских ФЕ (19%). Английские лексикографические источники определяют *anger* следующим образом: *the strong feeling that comes when one has been wronged or insulted, or when one sees cruelty or injustice*. Примерами могут послужить следующие ФЕ: *breathe fire over smth* ‘извергать гроздыя гнева / быть очень сердитым’, *like fury* ‘неистово, дьявольски’.

Русскоязычные толковые словари определяют *гнев* как чувство сильного возмущения или негодования, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-либо или чем-либо. Семантическое поле эмоции *гнев* достаточно обширно и включает в себя следующий ряд слов: ярость, злость, ненависть, агрессия, раздражение, бешенство, возмущение, свирепость и т.д. Данные понятия можно рассматривать как оттенки эмоции *гнев*. Приведем примеры: *скрежетать зубами* ‘досадовать, злобствовать’, *точить зуб* ‘накапливать злобу, неприязнь в отношении кого-либо; планировать враждебные действия в отношении кого-либо’, *бельмо на глазу* ‘раздражающий фактор’.

Следующая группа «Fear / Страх» насчитывает 66 английских ФЕ (15%) и 70 русских ФЕ (16%). Анализ словарных дефиниций лексемы *fear* позволил выделить основные содержательные признаки эмоции *страх*: *fear is an unpleasant, painful emotion or feeling caused by the nearness or possibility of impending danger to oneself or others who are important accompanied by a desire to avoid or to escape it*. Такое определение можно подкрепить такими примерами, как: *somebody's blood freezes*, ‘кровь застывает в жилах’, *turn to stone* ‘оцепенеть от ужаса’.

Анализ русскоязычных психологических и толковых словарей позволил дать определение эмоции *страх*. Итак, *страх* – это состояние сильной тревоги, боязни, беспокойства, душевного волнения от грозящей или ожидаемой опасности. Семантическое поле эмоции «страх» охватывает следующий синонимический ряд: ужас, боязнь, трепет, жуть, страсть, опасение, паника, волнение, смущение, тревога. Примеры таких ФЕ следующие: *кровь в жилах стынет* ‘очень страшно’, *слова застряли в горле* ‘слова остались не высказанными, недоговорёнными (от смущения, страха и т. п.)’, *встал как вкопанный* ‘сильно испугался’.

Семантическая группа «Grief / Печаль» состоит из 60 английских фразеологизмов (13%) и 64 русских ФЕ (14%). В Oxford Advanced Learner’s Dictionary [OALD] приведено следующее толкование слова *grief*: *a feeling of great sadness, especially when somebody dies*.

В данную группу входят такие ФЕ, как *be down in the mouth* 'быть в подавленном настроении / хандрить', *break smb's heart* 'разбить кому-то сердце'.

В русских толковых словарях эмоция *печаль* трактуется следующим образом: скорбно-озабоченное, нерадостное, невесёлое настроение, чувство, чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи. Среди синонимов к эмоции *печаль* наиболее часто встречаются понятия *грусть*, *скорбь*, но также в синонимический ряд входят такие чувства как: отчаяние, тоска, обида, горе, сострадание, сочувствие, несчастье. Примерами являются следующие фразеологизмы: *more слёз* 'много плакать', *глаза на мокром месте* 'кто-либо плаксив, часто и беспричинно плачет', *крокодиловы слёзы* 'плач без причины, сострадание по несуществующему поводу'.

Группа «Indifference / Безразличие» содержит 41 английскую ФЕ (9%) и 38 русских ФЕ (8%). Oxford Advanced Learner's Dictionary [OALD] определяет слово *indifference* как a lack of interest, feeling or reaction towards sb/sth. Встречаются такие примеры, как *leave smb. cold* 'оставлять кого-то равнодушным', *not to turn a hair* 'и бровью не повести, и глазом не моргнуть'.

Толковый словарь С. И. Ожегова трактует *безразличие* как равнодушие, безучастное отношение к чему-либо. В русском языке *безразличие* имеет следующий синонимический ряд: безучастие, холодность, спокойствие, апатичность, апатия, нечувствительность, индифферентизм, безучастность, равнодушие, бесчувствие. Яркими примерами служат такие ФЕ, как *бровью не повёл* 'внешне не проявил эмоций', *хоть кол на голове теши* 'непослушание, безразличие', *держаться себя в руках* 'сохранять самообладание', *в ус не дуть* 'не обнаруживать никакого беспокойства, не обращать внимания'.

В семантическую группу «Passion / Страсть» входят 52 английских ФЕ (12%) и 50 русских ФЕ (11%). Словарь английского языка Oxford Advanced Learner's Dictionary [OALD] даёт следующее определение понятию *passion*: strong and barely controllable emotion; a state or outburst of strong emotion. В качестве примеров можно рассмотреть следующие ФЕ: *the abundance of one's heart* 'избыток чувств', *take smth. to heart* 'принимать что-либо близко к сердцу'.

Толковый словарь С. И. Ожегова [Ожегов, Шведова, 2003] определяет страсть как сильную любовь, сильное чувственное влечение, сильно выраженное чувство, воодушевлённость, крайнее увлечение, пристрастие к чему-нибудь. Синонимами слова *страсть* служат: желание, вожеление, любовь, избыток чувств, пылкость и т. д. В данной группе выступают такие фразеологизмы, как *терять голову* 'терять

самообладание, теряться, переставать соображать’, *очертя голову* ‘с жаром, с энтузиазмом’, *закружить голову* ‘возбудить страсть, сделать кого-н. нерассудительным’.

В группе «Astonishment / Удивление» содержится 45 английских фразеологизмов (10%) и 40 русских ФЕ (9%). Oxford Advanced Learner’s Dictionary [OALD] даёт следующую трактовку слову *astonishment* – ‘great surprise’. Примерами могут послужить следующие метафоры: *make smb’s brain reel* ‘поразить, изумить, ошеломить кого-либо’, *a blue fit* ‘удар, потрясение’.

Большинство русских толковых словарей детерминируют *удивление* как впечатление от чего-то неожиданного и странного или как состояние, вызванное сильным впечатлением от чего-либо, поражающего неожиданностью, необычностью, странностью или непонятностью. Среди примеров можно выделить такие фразеологизмы: *глаза на лоб полезли* ‘сильно удивиться’, *с открытым ртом* ‘удивляться’, *всплеснуть руками* ‘вскинуть руки, ударив слегка в ладоши (при выражении изумления, удивления)’, *лицо вытянулось у кого-то* ‘о выражении досады, огорчения от неожиданной неприятности’.

3. Выводы. Предпринятое исследование позволяет сделать вывод о том, что концепты эмоций представляют собой структурно сложные содержательные ментальные образования, включающие в себя все многообразие представлений об эмоциях определённого лингвокультурного сообщества. Данные представления объединяют результаты осмысления феномена эмоций, сведения о типичных ситуациях, при которых у человека возникают определённые эмоции.

Особенно значимым для данного исследования является рассмотрение особенностей метафорической концептуализации эмоций средствами фразеологии. В сопоставляемых языках выделены три типа эмоциональных метафор: физиологический, когнитивный, культурный.

В результате исследования было установлено, что ФЕ, репрезентирующие эмоции в английском и русском языках, можно разделить на восемь семантических групп, которые отражают спектр различных эмоций, свойственных человеку. Данные группы, в свою очередь, были разделены на положительные, отрицательные и смешанные эмоции. Преобладающими в обоих языках являются группы фразеологизмов, выражающие негативные эмоции. Во фразеологических единицах, репрезентирующих концепты эмоций, находят отражение связанные с ними культурные нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян В. Ю. Семантические типы эмоциональных метафор // Эмоции в языке и речи. Москва, 2005. С. 12-17.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. Москва: АН СССР. 1995. С. 37-67.
3. Бессонова О. Л. Антропоморфный код во фразеологических системах разноструктурных языков // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике. 2019. Т. 1. С. 339-344.
4. Будянская О. О., Мягкова Е. Ю. Сопоставление средств описания эмоций в английском и русском языках (на примере страха) // Язык, коммуникация и социальная среда. 2002. Вып. № 2. С. 79-87.
5. Василенко А. П. Виды межъязыковых фразеологических эквивалентов в духе теории симметрии языкового знака (на материале русского и французского языков) // Современная фразеология: тенденции и инновации. Москва, Санкт-Петербург, Брянск: Новый проект, 2016. С. 52-73.
6. Войтенко Е. Ю. Тематическая классификация компонентов в составе английских и русских фразеологических единиц, репрезентирующих природный код культуры // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2021. Т. 17. Вып. 1 (51). С. 88-101.
7. Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград: Перемена, 2003. 164 с.
8. Клобуков П. Е. Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций // Язык. Сознание. Коммуникация. Москва, 1997. Вып. 2. С. 41-47.
9. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
10. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. С. 384-415.
11. Немов Р. С. Общая психология. Санкт-Петербург, 2007. 304 с.
12. Kövecses Z. *Metaphor and Emotion*. Cambridge University Press, 2004. 223 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с.
2. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman: Pearson Education Limited, 2001. 1668 p. [LDCE]
3. Oxford Advanced Learner's Dictionary / ed. by A. S. Hornby. 8th ed. Oxford: OUP, 2010. 1952 p. [OALD]

REFERENCES

1. Apresyan, V. Yu. (2005). *Semanticheskie tipy emotsionalnykh metafor* [Semantic Types of Emotional Metaphors]. In *Emotsii v yazyke i rechi*. Moskva. Pp. 12-17. (In Russ.).
2. Apresyan, Yu. D. (1995). *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [Image of a Person according to the Language: Attempt of System Description]. In *Voprosy yazykoznaniya*. Moskva: AN SSSR. Pp. 37-67. (In Russ.).
3. Bessonova, O. L. (2019). *Antropomorfnyy kod vo frazeologicheskikh sistemakh raznostrukturnykh yazykov* [Anthropomorphic Coding in Phraseological Systems of Non-Cognate Languages]. In *Magiya INNO: integrativnye tendentsii v lingvistike i lingvodidaktike*. Moskva. Vol. 1. Pp. 339-344. (In Russ.).
4. Budyanskaya, O. O., Myagkova, E. Yu. (2002). *Sopostavlenie sredstv opisaniya emotsii v angliyskom i russkom yazykakh (na primere strakha)* [Comparison of Means of Emotion Description in the English and Russian Languages (on the example of fear)]. In *Yazyk, kommunikatsiya i sotsialnaya sreda*. Iss. 2. Pp. 79-87. (In Russ.).

5. Vasilenko, A. P. (2016). Vidy mezhyazykovykh frazeologicheskikh ekvivalentov v dukhe teorii simmetrii yazykovogo znaka (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) [Types of interlingual phraseological equivalents inspired by theory of language sign symmetry (based on Russian and French)]. In *Sovremennaya frazeologiya: tendentsii i innovatsii*. Moskva, Sankt-Peterburg, Bryansk: Novyy proekt. Pp. 52-73. (In Russ.)
6. Voytenko, E. Yu. (2021). Tematicheskaya klassifikatsiya komponentov v sostave angliyskikh i russkikh frazeologicheskikh edinit, reprezentiruyushchikh prirodnyy kod kultury [Thematic Classification of Components in Phraseological Units Representing the Cultural Code «Nature» in English and Russian]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk. Vol. 17. No. 1 (51). Pp. 88-101. (In Russ.).
7. Vorkachev, S. G. (2003). *Sopostavitelnaya etnosemantika teleonomnykh kontseptov «lyubov» i «schaste» (russko-angliyskie paralleli)* [Comparative Ethnosemantics of Teleonomic Concepts «lyubov» and «schaste» (Russian-English Parallels)]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
8. Klobukov, P. E. (1997). Metafora kak kontseptualnaya model formirovaniya yazyka emotsii [Metaphor as a Conceptual Model of the Language of Emotions Formation]. In *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Moskva. Iss. 2. Pp. 41-47. (In Russ.).
9. Krasavskiy, N. A. (2001). *Emotsionalnye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokulturakh* [Emotional Concepts in German and Russian Linguistic Cultures]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
10. Lakoff, D., Johnson, M. (1990). Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. In *Teoriya metafory*. Moskva: Progress. Pp. 384-415. (In Russ.)
11. Nемов, R. S. (2007). *Obshchaya psikhologiya* [General Psychology]. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
12. Kövecses, Z. (2004). *Metaphor and Emotion*. Cambridge University Press.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Y. (2003). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moskva: ITI TECHNOLOGIES. (In Russ.).
2. *Longman's Dictionary of Modern English*. 3rd ed. Longman: Pearson Education Limited, 2001.
3. *Oxford Advanced Learner's Dictionary* / In A. S. Hornby (ed.). 8th ed. Oxford: OUP, 2010.

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
(e-mail: o.trofimova@donnu.ru),
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Trofimova Elena V. – Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department
(e-mail: o.trofimova@donnu.ru),
State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Караянова Анастасия Эдуардовна – магистрант кафедры английской филологии
(e-mail: nasty_karayanova@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Karayanova Anastasiya E. – Master's Degree Student of English Philology Department
(e-mail: nasty_karayanova@mail.ru),
State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 17 октября 2022 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity. ...

Key words: .....

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ....
2. ....
3. ....

REFERENCES

1. ....
2. ....
3. ....

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие III. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (*например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitelno-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomaticisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniyi v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 18 Выпуск 2 (56) 2022

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 18.01.2023 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 17,08.
Тираж 100 экз. Заказ № 23янв06/1.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.